

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР,
ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

30-й ГОД
ИЗДАНИЯ

БИБЛИОТ. № 9

СЕНТЯБРЬ
1 9 5 3

ВНИЗ

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ СЛЕДСТВЕННОГО АППАРАТА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

За послевоенные годы СССР достиг серьезных успехов в развитии народного хозяйства. Труд советских людей во имя счастливой, обеспеченной жизни, во имя строительства коммунистического общества принес свои плоды, вызвав новый мощный подъем социалистического хозяйства, улучшение материального благосостояния и повышение культурного уровня народа. Социалистическая держава уверенно идет вперед к дальнейшему всестороннему прогрессу советского общества.

Успехи в области развития народного хозяйства, рост политической сознательности народа, его монолитное единство и сплоченность вокруг Коммунистической партии и Советского Правительства привели к еще большему укреплению советского общественного строя и социалистического государства. Укрепились законность и правопорядок в стране. В этих условиях возросли требования к работе всех звеньев государственного аппарата, деятельность которого должна соответствовать культурному уровню населения. Повышенные требования предъявляются и к органам юстиции.

Высокий культурный уровень работы судебных и следственных работников, способность подлинно по-государственному подходить к решению вопросов, возникающих в их практической деятельности, строжайшее соблюдение законов, величайшая забота о советском человеке — необходимые условия для успешного выполнения судебными и следственными органами поставленных перед ними задач.

Как известно, в деятельности органов юстиции большое место занимает предварительное расследование преступлений. Трудно переоценить значение хорошей постановки предварительного следствия для отправления правосудия в стране.

Работа следственных органов имеет решающее значение в борьбе с преступностью, так как именно эти органы раскрывают преступления, привлекают виновных, исследуют факты, собирают необходимые доказательства для дальнейшего судебного разбирательства.

В нашей стране с каждым годом снижается число преступлений. Однако это не значит, что следственные органы могут ослабить свою деятельность: у нас еще есть люди, сохраняющие в своем сознании пережитки капитализма и совершающие преступления.

Поэтому необходимы решительные меры по дальнейшей борьбе с преступностью. Особенно активной должна быть борьба с хищениями социалистической собственности, с посягательствами на жизнь, здоровье и имущество граждан, с хулиганством.

За последние годы следственная работа органов прокуратуры улучшилась, о чем свидетельствуют возросший удельный вес расследованных этими органами преступлений и уменьшившееся число дел, возвращенных судами к доследованию. Сократились сроки следствия. В то же время в работе следственного аппарата органов прокуратуры все еще имеются существенные недостатки: не всегда обеспечивается строгое соблюдение законности, нередки факты напрасного возбуждения уголовных дел, как и неправильного отказа в возбуждении дел, необоснованного привлечения к уголовной ответственности, волокиты в расследовании отдельных преступлений. Немало случаев неумения, беспомощности следователей в раскрытии хищений и других серьезных преступлений.

Особенно недопустимы факты нарушения работниками прокуратуры социалистической законности при расследовании преступлений.

Органы прокуратуры, стоящие на страже законности, обязаны и в своей следственной работе строжайшим образом соблюдать закон, не допуская необоснованного привлечения советских граждан к ответственности, неосновательных арестов, обысков, вызовов и допросов. Забота о каждом советском человеке, защита его прав и интересов — неотъемлемая обязанность каждого государственного органа. Такой заботой, бережным отношением к человеку должна быть пронизана вся деятельность советского следователя, наделенного большой властью, неправильное применение которой ведет к серьезному урону прав и интересов граждан.

Каждое следственное действие — допрос, обыск, наложение ареста на имущество обвиняемых и пр. — должно проводиться в строгом соответствии с законом, гарантирующим права обвиняемых, с соблюдением законных прав и интересов других лиц, затрагиваемых следственным действием. Строжайшее соблюдение прав обвиняемых обеспечивает им необходимые условия для защиты, создает возможность для объективного исследования фактов, повышает авторитет судебных приговоров.

Органы прокуратуры должны решительным образом ликвидировать нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые иногда работниками следствия, пренебрежительное отношение к правам обвиняемых, к интересам граждан. Необходимо повысить ответственность прокурорско-следственных работников не только за неосновательное привлечение кого-либо к уголовной ответственности, но и за всякое нарушение закона при производстве предварительного расследования. В то же время необходимо реагировать на сообщения и заявления, в которых приводятся сведения о совершенных преступлениях, и защищать интересы государственных и общественных организаций и отдельных граждан.

Прокурор и следователь должны уметь находить быстрое и правильное решение по материалам и сообщениям о совершенных преступлениях.

В отдельных прокурорских органах вскрыта порочная практика подмены предварительного расследования «прокурорскими проверками», которые нередко тянулись месяцами и практиковались главным образом с целью застраховаться от возможного прекращения дел и создания видимости улучшения внешних показателей следственной работы. Серьезные недостатки в организации рассмотрения первичных материалов допускались в органах прокуратуры Узбекской ССР, где следственная работа проводилась на низком уровне: прокурор республики т. Яцковский не осуществлял должного руководства следственной работой, слабо реа-

гировал на волокиту при рассмотрении материалов и сообщений о совершенных преступлениях и при их расследовании.

Неотложной задачей органов прокуратуры является организация такого рассмотрения материалов и сообщений о совершенных преступлениях, которое обеспечило бы быстрое решение вопроса о назначении расследования.

В практической работе органы прокуратуры в ряде случаев отступали от требования закона о подследственности.

Дела об особо опасных преступлениях, подследственных следователям прокуратуры, нередко оставлялись длительное время в производстве органов милиции, причем последние не ограничивались неотложными оперативно-розыскными действиями, а проводили расследование в полном объеме, предоставляя следователям прокуратуры лишь оформление законченных дел.

Эта неправильная практика привела к тому, что в некоторых местах следователи прокуратуры даже перестали выезжать на место таких преступлений, как убийства, а если и выезжали, то ограничивались лишь пассивной ролью наблюдателей при осмотрах, производимых работниками милиции.

Нарушения закона о подследственности особенно часто допускались прокуратурами Харьковской области, городов Ташкента, Москвы и др. Так, например, дело о систематических хищениях крупных средств группой работников «Харпромторга» находилось более семи месяцев в производстве управления милиции Харьковской области, которое производило расследование в полном объеме, с назначением даже экспертиз. После передачи дела следователю были повторены многие следственные действия, в частности, произведены повторные допросы многих лиц. В связи с этим расследование по делу задерживалось на долгий срок.

На проведенной недавно в Москве конференции лучших следователей (материалы которой освещены в этом номере журнала) участники конференции подвергли справедливой критике действия некоторых руководителей органов прокуратуры, допускавших нарушение закона о подследственности.

За последнее время органы прокуратуры добились общего ускорения сроков следствия.

Однако было бы неправильно признать эту задачу выполненной. Органы прокуратуры должны добиться, чтобы каждое дело, как правило, оканчивалось в месячный срок.

Планирование расследования должно стать обязательным методом следствия.

Сокращение сроков расследования способствовало некоторому улучшению его качества, но оно все же не удовлетворяет предъявляемым ныне к органам следствия требованиям, и в этом направлении предстоит еще большая работа.

Раскрытие преступления, глубокое выявление условий, способствовавших его совершению, полное исследование фактов, умелое собирание и закрепление доказательств, четкое оформление следственных материалов характеризуют далеко не каждое уголовное дело, переданное в суд.

При расследовании растрат и хищений материальных ценностей должностными лицами следователи иногда не умеют полностью использовать ревизию, проводимую во время следствия, несвоевременно назначают судебно-бухгалтерские экспертизы, не ставят перед экспертами всех тех вопросов, освещение которых могло бы содействовать правильному исследованию важных фактов. Редко применяется следственный осмотр документов бухгалтерского учета. В ряде случаев это объясняется

тем, что следователи слабо разбираются в бухгалтерии. Следователи должны изучить бухгалтерию настолько, чтобы свободно разбираться в бухгалтерской отчетности и уметь использовать следственные осмотры документов и бухгалтерскую экспертизу как эффективные следственные действия. Государство отпускает большие денежные суммы на оснащение следственного аппарата органов прокуратуры научно-техническими средствами расследования, сосредоточенными в следственных чемоданах, которыми теперь снабжены все органы прокуратуры. Однако овладение этими научно-техническими средствами, внедрение их в повседневную следственную практику — пока еще нерешенная задача. Особенно плохо разработан вопрос о применении научно-технических средств при расследовании хищений государственного и общественного имущества. Каждый следователь должен знать, когда можно и нужно применять научно-технические средства, в частности, фотографию, и как ее применять.

Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики издал неплохое руководство по применению следственных чемоданов, однако изучение этого пособия поставлено неудовлетворительно.

Надо ускорить организацию криминалистических кабинетов в наиболее крупных прокуратурах, возложив на них и на специальных квалифицированных прокурорских работников внедрение в следственную практику научно-технических средств.

Следователи прокуратуры должны быть более тесно связаны с криминалистическими учреждениями, в частности с Институтом криминалистики Прокуратуры СССР, с институтами судебной медицины и криминалистическими лабораториями Министерства юстиции СССР.

Руководителям этих учреждений необходимо озаботиться привлечением практических работников — прокуроров, следователей, экспертов — к научно-исследовательской работе, создать актив практических работников, которые своим знанием и опытом помогли бы научным работникам поставить и разрешить наиболее важные для практики вопросы. В то же время практические работники могли бы повысить свою квалификацию, совершенствовать свое искусство и успешно раскрывать и расследовать наиболее сложные и опасные преступления. Следователям, имеющим склонность раскрывать и расследовать определенного вида преступления, надо помочь специализироваться в расследовании таких преступлений, чтобы эти следователи достигли высокого мастерства в расследовании тех или иных категорий преступлений.

Руководящие органы прокуратуры должны уделять большее внимание повышению политической и юридической квалификации следователей, улучшив постановку учебы на существующих курсах следователей, проводя семинары и конференции, организуя передачу следственного опыта.

Выращивание кадров следователей в значительной степени тормозится неправильной практикой органов прокуратуры в расстановке и продвижении прокурорско-следственных кадров. Некоторые руководящие прокурорские работники рассматривают кадры следователей как резерв для назначения их на прокурорские должности. Поэтому наиболее дельные, способные следователи, как только они овладеют следствием, выдвигаются на должности прокуроров или их помощников, а на место этих следователей назначаются лица, только что окончившие юридические учебные заведения. Постоянная текучесть следственных кадров привела к тому, что в настоящее время значительная часть следователей не имеет достаточного опыта в расследовании преступлений.

Известно, что овладение методикой и техникой расследования разнообразных преступлений, касающихся различных областей жизни и дея-

тельности человека, требует от следователя, помимо общего развития, высокой политической сознательности, юридической подготовки, жизненного опыта и больших навыков в следственной работе, долголетней практики.

Проблема выращивания кадров следователей — мастеров своего дела — еще не решена. Нужно покончить с текучестью следственных кадров, добиться устойчивости их, создать необходимые условия для повышения юридической квалификации следователей.

Следователи выполняют обязанности не менее важные, чем прокуроры, решают вопросы, прямо затрагивающие права и интересы многих лиц. Такого рода особо ответственная деятельность предполагает значительную самостоятельность следователя, возможность для него свободно принимать решение, исходя из его социалистического правосознания. Следователи, к сожалению, далеко не всегда проявляют в своей работе самостоятельность, инициативу, не всегда отстаивают свое мнение, если оно не разделяется наблюдающим прокурором. Органы прокуратуры должны обеспечить следователям необходимые условия для самостоятельной творческой, инициативной работы, не допуская мелочной опеки со стороны наблюдающих прокуроров.

Перед органами прокуратуры стоят важные задачи в улучшении следственной работы. Разрешение этих задач будет содействовать улучшению работы и судебных органов, способствовать усилению борьбы с преступностью и воспитанию граждан в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития.

ЗА СТРОЖАЙШЕЕ СОБЛЮДЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЕ

Г. Александров

Ответственная роль в укреплении советского правопорядка и социалистической законности принадлежит в нашей стране органам прокуратуры, призванным осуществлять высший надзор за исполнением законов. Выполняя эту задачу, органы прокуратуры обязаны вести решительную борьбу и с малейшими нарушениями советских законов, своевременно пресекать эти нарушения.

На органы прокуратуры возложена ответственная обязанность проведения борьбы с преступностью. Советские законы строго карают всех тех, кто пытается подорвать мощь Советского государства, кто посягает на экономическую основу нашего государства — социалистическую собственность. Поэтому особую заботу социалистической законности должна составлять охрана государственного и общественного имущества от воров и расхитителей. Советские законы призваны всемерно охранять личность, достоинство и имущество советских граждан от преступных посягательств. Органы прокуратуры обязаны неустанно претворять в жизнь законы, направленные на борьбу с преступностью, способствуя тем самым укреплению Советского государства.

Особо ответственной является деятельность следственного аппарата органов прокуратуры, на который возложена обязанность непосредственного расследования преступлений. От политического уровня, юридической квалификации и культуры этого аппарата во многом зависит осуществление законов Советского государства, направленных на борьбу с преступностью.

Вся деятельность следственных органов должна быть проникнута духом строжайшего соблюдения советских законов. Неустанно разоблачая и привлекая к уголовной ответственности преступников, прокурорские и следственные работники обязаны вместе с тем проявлять заботу о советских людях, всемерно охранять их законные права и интересы, не допускать необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности и других нарушений закона при расследовании по уголовным делам.

Выражением основных принципов социалистической законности в следственной работе должно быть исключительно ответственное решение прокурорскими и следственными работниками таких вопросов, как возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого, арест граждан, предание суду.

Необходимо неустанно помнить, что любая ошибка следственных органов, малейшее нарушение законов могут повлечь тяжелые, иногда непоправимые последствия. При решении любого вопроса, будь то вопрос о возбуждении дела, привлечении виновного к ответственности, об аресте или предании суду, нужно учитывать не только характер совершенного преступления, но и личность виновного. Это в значительной мере обеспечит наиболее правильное и всестороннее решение возникающих в процессе предварительного следствия вопросов.

Требования строгого соблюдения законности в расследовании пре-

ступлений в полной мере и в полном объеме должны быть предъявлены к следственным работникам и во всех тех случаях, когда ими производится расследование в отношении уже изобличенных преступников. Их законные права также должны полностью и строго соблюдаться во всех стадиях следствия. Среди прокурорских и следственных работников не должно иметь места формальное, пренебрежительное отношение к исполнению советских законов. Эти законы неуклобно и точно должны соблюдаться всегда и во всем, пусть это касается таких, казалось бы, мелких вопросов, как посылка повестки, вызов на допрос свидетеля. Всегда нужно помнить, что любое, даже незначительное нарушение закона неизменно повлечет и нарушение законных прав и интересов граждан.

Решающее значение во всей следственной работе имеет выполнение требований ст. 136 УПК РСФСР (и соответствующих статей УПК других союзных республик) об объективности расследования по уголовному делу. Объективность является гарантией точного исполнения законов прокурорскими и следственными работниками. В своей деятельности они должны строго руководствоваться этим важнейшим принципом социалистической законности. Только при условии всестороннего и объективного исследования всех доказательств как против обвиняемого, так и за него могут быть правильно разрешены все возникающие в процессе следствия вопросы.

Советское следствие прежде всего должно быть объективно. Необъективное, тенденциозное расследование является грубейшим нарушением закона, граничащим с преступлением.

Советский следователь, стоящий на страже интересов государства, должен являть собой образец высокой культуры и гуманности. От политического уровня работы, от идейно-теоретической и специальной подготовки следователя зависит качество следственной работы.

Важное значение в осуществлении социалистической законности при расследовании по уголовным делам имеет прокурорский надзор за следствием.

Прокурор, осуществляя надзор за следствием, непосредственно и лично решает важнейшие вопросы, прокурорскому надзору принадлежит огромная роль в деле строгого соблюдения советских законов в следственной работе. Это, разумеется, не означает, что следователи, на которых законом возложено расследование по уголовным делам, могут стоять в стороне от этого дела. Советский следователь является должностным лицом государства, на него возложены ответственные обязанности проведения борьбы с преступностью. Следователь является самостоятельной процессуальной фигурой, законом ему предоставлены большие права. В процессе следствия в результате всестороннего и объективного исследования всех собранных доказательств следователь подготавливает решение основного и главного вопроса — о виновности или невиновности обвиняемого.

Согласно ст. 127 Конституции СССР гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора. Закон возлагает на прокурора исключительно ответственную обязанность — решение вопроса о лишении свободы советского гражданина, совершившего преступление. Всю полноту ответственности за санкционирование ареста несет прокурор. Это не означает, что в случае необоснованного ареста следователь освобождается от ответственности за это. Арест производится на основании материалов и данных, собранных в процессе расследования, и, если эти материалы оказываются недоброкачественными,

строгую ответственность должен нести также и следователь. Вопрос об аресте может быть поставлен лишь в том случае, если собраны достаточные доказательства виновности подлежащего аресту лица. Арест может быть произведен только в случаях, строго предусмотренных законом.

Необоснованный арест является самым тягчайшим и грубым нарушением закона, какое только могут допустить прокурорские и следственные работники.

Прокурор Северского района Краснодарского края Шурыгин проявлял безответственное, бездушное отношение к решению вопросов об аресте граждан, допускал грубые нарушения закона, санкционируя аресты без достаточных к тому оснований. В результате был допущен незаконный арест отдельных граждан. По двум делам Шурыгин санкционировал арест обвиняемых, а затем при рассмотрении этих дел в суде сам же отказался от обвинения. Это свидетельствует о легком, непродуманном отношении к решению таких важнейших вопросов, как арест и предание суду граждан. Само собою разумеется, что подобные беззакония несовместимы с высоким званием и обязанностями прокурора, призванного в первую очередь стоять на страже советских законов.

Поэтому предъявление самых жестких требований к соблюдению прокурорскими и следственными работниками социалистической законности является необходимой гарантией предотвращения возможных случаев необоснованных арестов граждан. В то же время прокурорские и следственные работники обязаны использовать предоставленные им законом права для осуществления решительной борьбы с наиболее опасными преступлениями и безоговорочно подвергать аресту преступников по этим делам.

Не менее ответственным должно быть и решение вопроса о приводе. Эта мера тоже является исключительной и может быть применена лишь при наличии к тому достаточных оснований.

Следует прийти к выводу, что привод, как правило, не может быть применен в отношении гражданина, который вызывается на допрос к следователю в качестве свидетеля. В случае уклонения свидетеля от явки необходимо применять другие меры, а не такую крайнюю меру, как привод, и, в частности, выяснить причины неявки свидетеля, воздействовать на него через администрацию или общественную организацию. В исключительных случаях следует допускать привод обвиняемого, но лишь тогда, когда обвиняемый сознательно уклоняется от явки к следствию. Во всех других случаях следователь имеет возможность воздействовать на обвиняемого и обеспечить его явку к следствию другими мерами, а не такой крайней, как привод.

Вся следственная работа строго регламентирована законом и должна вестись в точном соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса. Даже малейшее нарушение или отступление от этих требований является недопустимым в следственной практике. Поэтому необходимо постоянно воспитывать в прокурорских и следственных работниках чувство нетерпимости к любым нарушениям законности, не разделяя их на большие или малые, грубые или негрубые, памятуя, что всякое нарушение закона недопустимо. Если пройти мимо отдельного нарушения требований закона и своевременно не предупредить работника, допустившего нарушение, это значит создать условия, поощряющие эти нарушения, создать условия для новых, может быть, уже более грубых, нарушений закона. Всегда нужно помнить, что любое нарушение закона неизбежно влечет нарушение прав и интересов граждан. Возьмем, для примера, казалось бы такой второстепенный вопрос, как вызов

свидетеля на допрос. Мало кто из следователей задумывается над тем, какие последствия для гражданина влечет вызов его на допрос. Вызов на допрос производится нередко без достаточных оснований и без необходимости, граждане понапрасну отрываются от работы и своих личных дел. Особенно нетерпимо, когда вследствие неорганизованности в работе следователя вызванные на допрос граждане вынуждены длительное время ожидать допроса. Поэтому необходимо, чтобы вызов на допрос был обоснован, рассчитан по времени и чтобы заранее был составлен план допроса.

К сожалению, у нас все еще очень мало уделяется внимания подобным «деталю» следственной работы, хотя нередко эти «детали» влекут нарушение закона, нарушение законных прав и интересов граждан.

До настоящего времени в следственной практике применяются повестки о вызове на допрос с предупреждением, что в случае неявки вызываемый будет подвергнут приводу. Такого рода предупреждение не вытекает из требований процессуального закона и, как нам представляется, не вызывается необходимостью. Больше того, подобное предупреждение по сути дела содержит угрозу и должно быть расценено как нарушение закона.

В нашей стране работа следственных органов протекает при широкой поддержке и уважении со стороны трудящихся. Советские люди кровно заинтересованы в укреплении своего государства и его карательных органов, всемерно повышают революционную бдительность, активно помогают следственным органам разоблачать преступников, и нет никаких оснований предполагать, что тот или иной гражданин сознательно уклонится от явки на допрос. А если такой случай и произойдет, то в распоряжении следственных органов имеются другие способы, чтобы обеспечить явку свидетеля на допрос, воздействуя на него через администрацию или общественную организацию.

Следует прийти к выводу, что повестки о вызове на допрос не должны содержать предупреждения о приводе.

✓ Немало нарушений допускается при проверке первичных материалов и сообщений о совершенных преступлениях. В известной мере это обусловлено тем, что проверка первичных материалов и сообщений не является процессуальной стадией, не регламентируется уголовно-процессуальным законом. До самого последнего времени не было издано и исчерпывающих ведомственных указаний о порядке, пределах и методах производства такого рода проверок. В результате одним из грубых нарушений, которые допускаются при проверке первичных материалов, является то, что эти проверки нередко подменяют или пытаются подменить собой предварительное следствие, представляют суррогат следствия. Подобные проверки приводят к тому, что вне всякого процессуального регламента под видом получения объяснений производятся допросы, назначаются и проводятся различного рода экспертизы, производятся другие следственные действия. Все это создает условия для нарушения законности.

Так, в прокуратуру Центрального района г. Калинин из родильного дома № 4 поступили материалы о смерти К. от заражения крови в результате аборта, произведенного в антисанитарных условиях. Вместо возбуждения уголовного дела в этом случае также была начата «проверка», во время которой производились многочисленные опросы родственников и знакомых потерпевшей. В результате такой неполноценной «проверки» было безосновательно отказано в возбуждении уголовного дела, а опасное преступление, повлекшее смерть К., так и осталось нераскрытым.

Следователь т. Емельянов (прокуратура г. Чебоксары) по материалам о злоупотреблениях Григорьева, бывшего главного бухгалтера предприятия, без возбуждения уголовного дела произвел опись имущества, изъял и приобщил к делу вещественные доказательства, произвел допросы свидетелей, предупреждая их об ответственности за ложные показания. Тов. Емельянов сам откровенно признал, что все эти незаконные действия им производились с целью «сокращения» срока следствия после того, как уголовное дело было бы возбуждено.

Очевидно, что подобная противозаконная практика проверок, направленная на подмену предварительного следствия, должна быть решительно осуждена и полностью искоренена из прокурорской и следственной практики.

В результате неправильного метода проверок, подменяющих предварительное следствие, уголовные дела возбуждаются несвоевременно, создается волокита, многочисленные проверочные действия, не оформленные в процессуальном порядке, не имеют доказательственной силы и поэтому не могут быть признаны полноценными.

В прокуратуре Дмитровского района Московской области материалы о недостатке 11 824 руб. у кладовщика Прохожева «проверялись» около двух лет, пока не был разрешен вопрос о производстве повторной ревизии. Тем временем Прохожев выехал из района, и его новое местожительство оказалось неизвестным.

В прокуратуру Ворошиловграда поступили материалы о хищениях на пивоваренном заводе. Несмотря на наличие явных фактов хищения и достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, была начата «проверка». В прокуратуру вызывались для получения объяснений материально-ответственные лица, производились другие действия. Наконец, был вызван «для объяснений» и бухгалтер Иващенко, как оказалось, являвшийся организатором хищений. Будучи таким своеобразным способом предупрежден о том, что прокуратура занимается выяснением причастности его к хищениям, Иващенко после вызова его в прокуратуру скрылся. Потребовалось немало времени, пока он был обнаружен.

Таким образом, подобного рода «проверки» нередко приводят к тому, что действительные преступники длительное время остаются безнаказанными, а в процессе следствия приходится затрачивать много сил и энергии на их розыск.

Проводя длительную первичную проверку материалов и сообщений, некоторые прокуроры таким путем пытаются избежать необоснованного возбуждения или прекращения дел, пытаются искусственно создать видимость соблюдения установленных сроков следствия. Между тем не вызывает сомнений, что ни при каких условиях предварительная проверка первичных материалов не может заменить предварительное следствие, произведенное в полном соответствии с требованиями процессуального закона, и любой гражданин, вопрос об ответственности которого возникнет, вправе потребовать, чтобы этот вопрос разрешался не путем проверки, а путем установленного законом следствия. Именно этим и объясняются случаи, когда отдельные лица, в отношении которых по результатам проверки было принято решение об отказе в возбуждении дела, особенно по мотивам применения амнистии, в своих жалобах настоятельно требуют, чтобы путем полноценного и всестороннего расследования была установлена их невиновность в инкриминируемом преступлении.

Нам представляется, что по материалам проверки первичных материалов и сообщений о совершенных преступлениях решение об отказе в возбуждении уголовного дела может быть принято только по мотивам,

изложенным в ст. 4 УПК РСФСР, и главным образом по мотивам неустановления события преступления, во всех же остальных случаях (необнаружение виновных, недостаточность доказательств и т. п.), когда событие преступления установлено, должно быть возбуждено уголовное дело и произведено полное и всестороннее следствие. И нет никаких оснований в этих случаях опасаться возможного прекращения того или иного дела. Если дело возбуждено обоснованно, но расследованием установлена невиновность того или иного лица в совершении преступления или не установлено само событие преступления и в результате дело прекращено, едва ли прокурорским и следственным работникам могут быть предъявлены какие-либо претензии. Гораздо хуже, когда по недостаточным полноценным проверочным материалам принимается решение об отказе в возбуждении дела по мотивам необнаружения виновного или недостаточности собранных доказательств и таким образом не принимаются все необходимые меры к разоблачению преступников.

Проверки первичных материалов и сообщений о совершенных преступлениях, по нашему мнению, должны быть ограничены задачей установления лишь события преступления или таких данных, которые указывают на совершение преступления. Ни в коем случае проверка не может быть направлена на установление виновного в совершении преступления, ибо это целиком относится к компетенции предварительного следствия. Известно, что прежде выявляется преступление, а затем уже лица, его совершившие, и для возбуждения уголовного дела, таким образом, вполне достаточно наличия данных о совершении преступления.

Устранение отмеченных недостатков в практике работы по проверке первичных материалов и сообщений обеспечит строгое соблюдение законности в этой области прокурорской деятельности, позволит выполнить требования о проведении активной борьбы с преступностью, принятие наиболее правильных решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Целесообразно также рассмотреть следующий вопрос. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством уголовное дело может быть прекращено по основаниям, предусмотренным ст. 4 УПК РСФСР. Наиболее часто применяется основание, предусмотренное п. 5 ст. 4 (отсутствие состава преступления). В то же время п. «б» ст. 204 УПК РСФСР в качестве основания для прекращения дела предусмотрена недостаточность улик для предания обвиняемого суду. Прекращение уголовного дела по основаниям, изложенным в п. «б» ст. 204 УПК, по нашему мнению, приводит к нарушению прав граждан.

В самом деле, в случае прекращения дела по мотиву недостаточности (подчеркнуто нами. — Г. А.) улики для предания суду возникает естественный вопрос, что какие-то улики все же были, но следствие не сумело доказать виновности обвиняемого и поэтому вынуждено прекратить дело.

Основания для прекращения дела, предусмотренные п. «б» ст. 204 УПК, с другой стороны, создают условия, при которых следственные органы приобретают возможность нарушения требований ст. 136 УПК об объективности и полноте следствия, так как вправе в любой стадии принять решение о прекращении дела по мотиву недостаточности собранных улики. Между тем не вызывает сомнений, что следственные органы обязаны до конца исследовать все обстоятельства дела и прийти к строго определенному выводу о виновности или невиновности лица, против которого возбуждено дело. При существующем же положении этот вопрос не получает окончательного разрешения, а постановления о прекращении дела в этих случаях приобретают форму паллиатива и

выглядят примерно таким образом: виновен, но нет достаточных улик для предания суду, или не виновен, но есть улики, что преступление совершено данным лицом. Подобное решение вопроса о виновности или невиновности противоречит духу нашего законодательства и приводит к нарушению прав граждан.

Этот вывод можно подкрепить таким примером: К. заявил, что он передал Б. для должностного лица С. в виде взятки 1000 руб. Б. и С. этот факт отрицают. Никаких доказательств, устанавливающих факт дачи взятки, нет. Возникает вопрос: по каким основаниям должно быть прекращено это дело? По существующей практике дело в подобных случаях прекращается по основаниям, предусмотренным п. «б» ст. 204 УПК, так как улика против С. в виде показаний К. все же есть. Нередки поэтому случаи, когда лица, дела в отношении которых прекращены по этим основаниям, обращаются с жалобами, требуя полного и всестороннего расследования для того, чтобы добиться полноценного и исчерпывающего решения вопроса об их невиновности.

Формулировка п. «б» ст. 204 УПК создает условия и для того, что отдельные следователи вместо активного проведения следствия и преодоления стоящих на этом пути трудностей встают на более легкий путь и при первой серьезной неудаче принимают решение о прекращении дела за недостаточностью собранных для предания обвиняемого суду улик. Все эти соображения приводят к выводу о необходимости при пересмотре уголовно-процессуального законодательства исключить в качестве основания для прекращения уголовного дела мотивы, изложенные в п. «б» ст. 204 УПК.

Ряд следственных действий (обыск, наложение ареста на имущество или почтово-телеграфную корреспонденцию) серьезно затрагивает права и интересы граждан. Поэтому требования строгого соблюдения законности должны внимательно выполняться при производстве этих следственных действий, а прокурорский надзор в этих случаях должен быть особо требовательным.

В плане рассматриваемых нами вопросов необходимо остановиться на такой стадии следствия, как выполнение требований ст. 206 УПК. Эта стадия — одна из важнейших в процессе предварительного следствия. Мы укажем лишь на одно типическое нарушение, которое допускается в следственной практике именно в этой стадии. Речь идет о рассмотрении и удовлетворении ходатайств, заявленных обвиняемыми после ознакомления с материалами дела. В этих случаях отдельные следственные работники проявляют формализм и недостаточно чуткое отношение, воспринимая нередко заявляемые ходатайства чуть ли не как выпад против следствия. Следственной практике, действительно, известны случаи, когда отдельные лица, преимущественно из числа опытных преступников, в целях затягивания следствия умышленно знакомятся чрезмерно длительное время с материалами дела или заявляют многочисленные необоснованные ходатайства. Но вместе с тем имеют место и факты, когда отдельные следователи необоснованно отказывают в удовлетворении заявленных ходатайств, и это приводит, в частности, к тому, что при судебном разбирательстве дела судам приходится рассматривать и зачастую удовлетворять те же самые ходатайства, которые были заявлены на предварительном следствии. Подобные факты свидетельствуют о нарушении закона и пренебрежительном отношении к рассмотрению ходатайств обвиняемых и должны быть устранены из следственной практики. По нашему мнению, все разумные и обоснованные ходатайства, заявленные обвиняемыми, должны быть безусловно удовлетворены, и это будет свидетельством действительно полного и всестороннего следствия.

Круг вопросов, связанных с обеспечением соблюдения законности в следственной работе, значительно шире, чем это предусмотрено имеющимися официальными указаниями, и ни в какой мере не ограничивается только такими, разумеется, наиболее важными вопросами, как соблюдение законности при аресте и предании суду граждан.

Прокурорско-следственные работники должны в своей повседневной работе, сосредоточив главное внимание на строжайшем соблюдении законности при решении вопросов об аресте и предании суду граждан, обеспечить строгое соблюдение законности во всей следственной работе, при решении всех других вопросов, на всех стадиях следствия, при выполнении всех следственных действий, чтобы устранить ошибки в своей работе и не допускать нарушения законных прав и интересов граждан.

Используя всю силу закона для проведения решительной и активной борьбы с преступностью и способствуя тем самым укреплению Советского государства, прокурорские и следственные работники наряду с этим должны стоять на страже законов, охраняющих права и интересы граждан, их личность, достоинство и имущество, не допуская и своевременно пресекая нарушения этих законов, привлекая нарушителей к ответственности.

Строжайшее соблюдение законности — важнейшее условие повышения уровня следственной работы и укрепления следственного аппарата органов прокуратуры.

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЮ

Кандидат юридических наук С. Митричев

За последние годы органы прокуратуры принимают ряд серьезных мер в целях быстрого улучшения качества предварительного расследования. Следственный аппарат в настоящее время укомплектован лицами, имеющими высшее или среднее юридическое образование. С лицами, выдвинутыми на следственную работу, проводятся систематические учебные мероприятия: методические семинары по поднятию квалификации следователей, конференции по обмену опытом, курсы по изучению и внедрению в следственную практику научно-технических средств криминалистики. Все следователи снабжены научно-техническими средствами криминалистики, сосредоточенными в следственном чемодане. Во многих прокуратурах организованы криминалистические кабинеты, фотографические лаборатории. Для изучения и обобщения опыта работы следственных органов и разработки на основе этого научных методов расследования преступлений организован специальный Научно-исследовательский институт криминалистики. Следственное управление Прокуратуры СССР совместно с Институтом криминалистики разработало и разослало следователям ряд методических пособий по расследованию отдельных, наиболее опасных преступлений.

И все же, несмотря на эти мероприятия и достижения, качество работы следственного аппарата органов прокуратуры не отвечает тем требованиям, которые сейчас предъявляются к предварительному расследованию преступлений.

Дело в том, что во всех этих мероприятиях органов прокуратуры нет стремления к укреплению следственных кадров, к созданию устойчивого следственного аппарата. И неудивительно, что текучесть среди следователей сводит на нет все мероприятия по повышению квалификации следователей.

Молодые следователи, не имея жизненного опыта и необходимых навыков в работе, несмотря на свою теоретическую подготовку, недостаточно обеспечивают доброкачественное расследование преступлений.

В соответствии с законом на следователя прокуратуры возложена в основном задача по расследованию наиболее серьезных преступлений, требующему от следователя высокой квалификации, разнообразных знаний и житейского опыта.

Охрана правопорядка, установленного Советским государством, требует от органов прокуратуры такой постановки работы следственного аппарата, которая была бы полной гарантией, что каждое совершенное преступление будет раскрыто. Нет никаких оправданий тому следователю, который оказывается не в состоянии раскрыть преступление и изобличить преступников. «Загадочных» преступлений, которые не поддаются раскрытию, не существует, — есть только плохие следователи, не умеющие по-настоящему бороться с преступностью.

Изучая законченные следственные дела, видишь, что нередко встречаются грубые нарушения требований Уголовно-процессуального кодекса: плохо проводятся такие очень важные следственные действия, как осмотр места преступления, обыски, предъявление для опознания, допро-

сы свидетелей и обвиняемых, организация и проведение экспертиз. В результате немало серьезных преступлений расследуется неполно или вовсе не раскрывается.

В августе 1947 года в одном из колхозов Иркутской области было совершено тяжелое преступление: была зверски убита семья активиста-колхозника, состоявшая из шести человек. Следствие по делу вели первоначально работники милиции, затем работники прокуратуры.

Правда, такие преступления стали у нас чрезвычайно редкими. Многие следователи годами находятся на следственной работе, не имея на своем участке ни одного дела по расследованию убийств. Несмотря на это, каждый следователь должен уметь расследовать дело об убийстве, каким бы сложным оно ни было.

Расследование убийств требует от следователя большого опыта, квалификации и профессионального мастерства. Следователь обязан хорошо знать научно-технические средства, а также в совершенстве владеть следственной тактикой выполнения отдельных следственных действий, в особенности таких, как осмотр места преступления, обыск, предъявление для опознания, допрос.

Как могло случиться, что такое преступление, как убийство в Иркутской области, осталось нераскрытым, когда на месте преступления имелось большое количество следов и других вещественных доказательств, позволявших при умелом их использовании быстро раскрыть преступление и изобличить преступников?

Посмотрим, как велось расследование по этому делу.

О совершенном убийстве органы милиции были быстро поставлены в известность. Через час-полтора после обнаружения убийства на месте преступления уже были работники милиции, прокурор района, два врача и фотограф.

Однако в связи с недостаточной квалификацией работников, участвовавших в осмотре места преступления, осмотр был произведен крайне поверхностно. При осмотре не были зафиксированы имеющиеся на месте преступления следы, а также пятна крови, обнаруженные в разных местах дома и территории усадьбы и на трупах убитых, что лишило в дальнейшем возможности наиболее точно воспроизвести картину всего происшедшего и определить местоположение и позу каждого из потерпевших в момент нанесения ему смертельных ударов. Не была осмотрена одежда на потерпевших, что лишило впоследствии возможности точно определить орудия, которыми были нанесены ранения. Вся одежда была снята с убитых и, неосмотренная и нефотографированная, была закопана в землю одним из родственников убитых где-то на территории усадьбы (эта одежда следователем так и не была изъята). Об обнаруженных на сеновале следах от лежания трех человек и окурках ничего не сказано в протоколе осмотра: следы не были сфотографированы, окурки не изъяты и не сохранены. Впоследствии все это пришлось восстанавливать по свидетельским показаниям, что не могло дать точного и объективного освещения этих важнейших обстоятельств.

Не были вовремя зафиксированы и не сохранены обнаруженные на берегу реки, недалеко от усадьбы потерпевших, следы ног людей, что впоследствии лишило возможности провести идентификацию личности подозреваемых.

Трупы убитых были захоронены без вскрытия и без должного судебно-медицинского осмотра; не были зафиксированы трупные явления у каждого из потерпевших, в частности, совершенно не были отражены степень окоченения, цвет и перемещение трупных пятен, — вследствие этого остался неразрешенным важнейший вопрос о времени наступления

смерти каждого из потерпевших и не удалось впоследствии установить путем судебно-медицинской экспертизы, чем нанесены были ранения — ножом или топором.

Произведя осмотр места преступления с такими изъянами, работники милиции, приступив к расследованию по этому делу, не составили продуманного плана расследования. Расследование производилось не по всем возможным версиям одновременно, а в разное время и разными работниками, причем все три версии (убийство совершено родственником потерпевших; совершено С. как мсть за разоблачение его главой семьи потерпевших; бандитами, сбежавшими из лагеря заключения) остались до конца непроверенными.

Вся обстановка места преступления, обнаружение на дне пруда возле дома потерпевших орудий преступления — топора и ножа, принадлежавших семье убитых, показания ряда свидетелей — все позволяло выдвинуть более определенную версию совершения преступления: можно было предположить, что в убийстве шести членов семьи, из которых четверо были взрослые, участвовала группа преступников, что часть преступников была хорошо известна потерпевшим, чем только и можно было объяснить убийство малолетних и нанесение потерпевшим множества ранений, вызвавших смерть, — преступники явно боялись, что кто-нибудь из оставшихся в живых мог опознать их.

Однако эта версия возникла лишь более чем через год после совершения преступления, что, естественно, крайне затруднило детальное ее исследование и не позволило собрать ряд важнейших по делу доказательств.

На возможность совершения убийства лицами, знавшими распорядок жизни семьи потерпевших и местонахождение предметов хозяйственного обихода, указывало и то обстоятельство, что в качестве орудий преступления были использованы топор, который обычно находился на заваленке у входной двери, и нож, который хранился на кухне. Об этом свидетельствовало и то обстоятельство, что никто из соседей не слышал лая собаки во дворе убитых.

Судя по свежим следам на сеновале от лежания трех человек и набросанным там окуркам, преступники заранее зашли во двор к потерпевшим и, забравшись на сеновал, ждали наступления ночи, чтобы совершить преступление, когда все в доме и на селе успокоится.

Наиболее вероятной версией о мотивах совершения преступления являлась та, что убийство совершено из мести, поскольку ничего из имущества не было похищено. Разбросанные в доме и во дворе некоторые предметы из белья и одежды свидетельствовали об инсценировке покушения на ограбление.

Насколько плохо велось следствие по делу, видно из следующих фактов. Лодочник, перевоз которого находился на реке, вблизи дома потерпевших, узнав о совершенном в селе убийстве, заявил органам милиции, что вечером в ночь убийства видел недалеко от дома потерпевших лодку, вытасченную на берег реки, но ее на месте после убийства уже не оказалось. На берегу, где вытаскивалась указанная лодка, имелись многочисленные следы. Лодочник оградил это место и просил прибыть туда работников милиции, но последние «не нашли времени», чтобы осмотреть это место и закрепить имеющиеся следы.

Второй факт по этому же делу. На острове, недалеко от усадьбы потерпевших, вскоре после совершенного убийства были обнаружены трое заключенных, бежавших из лагеря заключения. При попытке за-

держания их органами милиции они оказали вооруженное сопротивление и были убиты. Слепки с обуви убитых бандитов, а также пальцевые отпечатки сняты не были. Одежда не осматривалась. Не исключена была возможность, что преступление совершено именно этими лицами, ибо один из них, племянник убитого, незадолго до убийства бежал из лагеря, где отбывал наказание, и, придя к своему дяде, просил укрыть его, но тот выгнал племянника и заявил о нем органам МВД. Эта версия не была исследована до конца, так как работники милиции увлеклись другой версией и произвели уже аресты подозреваемых (однако, не собрав достаточных доказательств их виновности, были вынуждены затем освободить арестованных).

Расследование этого преступления тянулось несколько лет, но вследствие плохо проведенного осмотра места преступления и недостаточной квалификации работников милиции, участвовавших в расследовании, преступление так и осталось нераскрытым.

Необходимо добавить, что прокурор района т. Краснопеев не только не принял мер к раскрытию преступления, но даже не счел нужным вызвать на место преступления следователя и поручить ему вести расследование по делу.

К сожалению, описанный пример — не единственный случай, когда серьезные преступления так и остаются нераскрытыми.

Это показывает, что некоторые работники прокуратуры свыклись с фактами грубого нарушения закона о подследственности, считают нормальным, когда дела о расследовании убийств от начала до конца ведут органы милиции.

До сих пор, несмотря на неоднократные указания Прокуратуры СССР, имеются еще случаи, когда дела, по которым обязательно предварительное следствие, начинаются и заканчиваются органами милиции и направляются в суд без соблюдения требований ст. 109 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик. Между тем прокуроры должны своевременно изымать из органов милиции дела, отнесенные к компетенции следователей, и передавать их для производства следствия следователям, не дожидаясь, когда дело уже будет в какой-то мере расследовано работниками милиции. Нельзя мириться с таким положением, необходимы решительные меры к улучшению следственной работы.

Улучшая работу следственных и милицейских органов по раскрытию преступлений и по розыску преступников, мы должны стремиться достичь такого положения, чтобы ни одно преступление не оставалось нераскрытым.

Несмотря на то, что в качестве следователей сейчас работают в большинстве своем лица, имеющие высшее или среднее юридическое образование, отсутствие у них следственного опыта отрицательно сказывается на качестве следственной работы. Большинство следователей имеет стаж работы один-два года. Следователь, проработавший два-три года и показавший себя положительно на работе, выдвигается уже на прокурорскую работу. Среди прокурорских работников укоренился неправильный взгляд на следственную работу, как на не требующую большого опыта и профессионального мастерства. В связи с этим следователей с большим опытом работы у нас осталось мало. Следователи — мастера своего дела не выращиваются.

Наблюдающаяся текучесть в следственных кадрах является совершенно недопустимой. Нужно изменить отношение к следственным работникам и создать устойчивые следственные кадры.

Вместе с тем необходимо усилить прокурорский надзор за законностью следственных действий, не допуская упрощенчества в следственной работе. Но надзор не должен превращаться в мелочную опеку над следователем. Следователь должен быть более самостоятельным и независимым при проведении расследования, — это усилит ответственность его за качество расследования и повысит авторитет перед органами дознания. Следователю должна быть предоставлена реальная возможность давать органам милиции оперативные поручения по розыску и задержанию преступников.

Прокурор должен воспитывать волевого, самостоятельного, инициативного следователя, не вмешиваясь без надобности в его оперативную работу. Надо организовать дело таким образом, чтобы следователи были глубоко заинтересованы в своей работе. Надо создать необходимые условия для их роста и заинтересовать в том, чтобы они избрали следственную работу в качестве своей постоянной профессии.

Создавая устойчивый следственный аппарат, необходимо усилить мероприятия по повышению профессионального мастерства следователей. Надо больше практиковать специализацию следователей в расследовании отдельных видов преступлений.

Органам прокуратуры необходимо усилить внимание к работе по внедрению научно-технических средств в следственную практику. В большинстве прокуратур это большое начинание пущено на самотек. Между тем следователи, не выезжая на места преступлений по делам об убийствах, а также краж со взломами, не имеют в связи с этим практики использования следственного чемодана, плохо владеют научными методами расследования и не используют научно-технических средств, которые имеются в их распоряжении. Большинство следователей были в свое время обучены применению научно-технических средств криминалистики, но, не имея практики, некоторые успели уже многое забыть, другие же давно не работают в качестве следователей, так как были выдвинуты на прокурорскую работу. Прокуратура СССР затратила на снабжение следователей следственными чемоданами большие средства. Институт криминалистики в 1950—1951 гг. подготовил много инструкторов, которые должны были помочь следователям овладеть следственными чемоданами. Но большинство прокуратур уже не имеет этих подготовленных кадров. В следственных отделах прокуратур не выделены специальные работники, которые бы практически учили следователей применению научно-технических средств и руководили пополнением следственных чемоданов новыми материалами. В результате у большинства следователей следственные чемоданы лежат без использования их в следственной практике, а та текучесть, которая наблюдается среди следственных работников, приводит к тому, что большинство следователей и не пытается овладеть использованием научно-технических средств криминалистики при расследовании преступлений.

Институтом криминалистики в 1953 году было направлено ряду прокуратур оборудование для криминалистических кабинетов, однако недостаточное внимание к вопросам техники расследования со стороны большинства руководящих прокурорских работников и отсутствие на местах специальных работников по вопросам применения научно-технических средств привело к тому, что оборудование до сих пор лежит на складах прокуратур и не используется ни в учебных, ни в практических целях.

Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики по заданию Следственного управления Прокуратуры СССР в целях повышения квалификации прокурорско-следственных работников, улучшения

качества следственной работы и борьбы с преступностью, систематически выпускает методические пособия по расследованию отдельных видов преступлений и по внедрению научно-технических средств в следственную практику. Но изучение этих пособий поставлено слабо. Следственные отделы самоустранились от этого дела и считают свою работу законченной рассылкой полученных от института пособий следователям.

В 1945 году Прокурором СССР была утверждена специальная инструкция об организации работы по изучению методических пособий. В инструкции указывалось, что республиканские, краевые и областные прокуроры должны организовать работу по систематическому изучению следователями и районными прокурорами методических пособий. Указывалось, что изучение их обязательно и приравнивается к производственной работе. Каждый прокурор и следователь обязан был составить конспект изучаемого пособия, чтобы была возможность проверить факт изучения пособия. Но начальники следственных отделов забыли это указание Прокуратуры СССР, не контролируют изучения следователями методических пособий.

Задача повышения квалификации следователей настоятельно требует наведения порядка в изучении ими указанных методических пособий; в каждой прокуратуре должна быть организована библиотечка следователя, и поступающая от Института криминалистики и Методического совета Прокуратуры СССР литература должна учитываться и храниться в надлежащем порядке.

Добившись устойчивости следственного аппарата, органы прокуратуры смогут в короткий срок обеспечить подготовку высококвалифицированных следователей.

Высшее юридическое образование в стране значительно улучшилось. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. о расширении и улучшении юридического образования сыграло значительную и положительную роль в этом деле. Высшие юридические учебные заведения выпускают подготовленных юристов. Получая такое пополнение, органы прокуратуры имеют все возможности подготовить мастеров следственного дела. Надо только с самого же начала поставить дело таким образом, чтобы, сообразуясь с личными наклонностями работника, готовить молодых юристов к следственной работе, имея в виду, что именно следственная работа для них будет постоянной профессией.

Работа в качестве следователя является серьезной и ответственной государственной работой. Это — самоотверженное служение социалистическому обществу. Следователь, расследуя преступления, ведет активную, наступательную борьбу с преступностью, с врагами советского народа. В каждом деле следователь прежде всего защищает государственные интересы и законные права граждан от преступных посягательств антиобщественных и преступных элементов. Следователь защищает честь и достоинство советского гражданина, его жизнь, здоровье и неприкосновенность личности.

Профессия следователя в высшей степени интересная и творчески самостоятельная работа. Увлечшись следственной профессией, человек целиком отдает себя этой работе. Каждое следственное дело требует от следователя инициативы, вдумчивости, настойчивости, умения разбираться в самых, казалось бы, запутанных обстоятельствах. Следователь творчески решая задачу раскрытия преступления, часто идет по новым, совершенно неисследованным путям. Его могут ожидать ошибки, разочарование, но настойчивость, инициатива, знание и умение позволяют выйти победителем из труднейших положений.

Следователь в своей работе должен показывать образцы законности. Все следственные действия, проводимые следователем при расследовании преступлений, должны строго соответствовать нормам закона, без малейших отклонений от них. Успешно раскрыть преступление и изобличить преступников может только следователь, строго соблюдающий требования закона. Задача укрепления социалистической законности на предварительном следствии самым тесным образом связана с проблемой укрепления следственных кадров и повышения квалификации следователей. Практика показывает, что грубое нарушение законных прав граждан на предварительном следствии в первую очередь связано с низкой квалификацией следователя, с его неумением расследовать преступление.

Следователь, посвятивший себя следственной работе и рассматривающий свою профессию как постоянную, должен настойчивой учебой в короткий срок овладеть искусством расследования преступлений и овладеть мастерством в своей работе. Сочетая практику с постоянной учебой, систематически работая над повышением своей юридической квалификации, следователь обеспечит себе заслуженный авторитет, любовь и уважение советских граждан.

Органы прокуратуры должны принять немедленные меры по ликвидации текучести следственных кадров. Следователю надо создать все необходимые условия для его роста и закрепления на следственной работе.

Только вниманием и повседневной заботой о следователе органы прокуратуры смогут по-настоящему решить задачу коренного улучшения качества следствия.

ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ И ДОЗНАНИЕМ¹

Кандидат юридических наук А. Васильев

Задача решительного повышения качества следствия в настоящее время является, как никогда, актуальной. Задача эта не новая, но в данный момент она приобрела особую остроту, ибо на нынешнем этапе коммунистического строительства преступные посягательства отдельных лиц на советский правопорядок находятся более, чем когда-либо, в резком противоречии с возросшей политической активностью подавляющего большинства граждан и их самоотверженным трудом на великое дело построения коммунистического общества.

Не может быть дальше терпимо такое положение, когда нередко расхитители народного добра остаются долгое время неразоблаченными, когда затягивается расследование отдельных крупных преступлений, не обеспечивается установление всех виновников и есть факты, когда остаются нераскрытыми убийства и другие тяжелые преступления.

Задача улучшения следственной работы решается комплексом мероприятий, в частности, повышением требований к следственным органам о строжайшем соблюдении социалистической законности, более широким применением научно-технических средств для раскрытия преступлений, организацией специального обучения следователей профессиональному мастерству, созданием для следователей более благоприятных условий для работы и т. д.

В этом комплексе мероприятий значительное место занимает улучшение надзора прокуратуры за предварительным следствием и дознанием.

Остановимся сначала на прокурорском надзоре за предварительным следствием. Нельзя сказать, что вопросы прокурорского надзора за предварительным следствием забывались раньше при проведении аналогичных мероприятий, направленных на усиление борьбы с преступностью и на улучшение следственной работы. Но решались эти вопросы на протяжении длительного времени односторонне, и это привело к тому, что сложилось такое положение, которое, на наш взгляд, требует изменений в организации прокурорского надзора за предварительным следствием.

Все, что делалось до сих пор для усиления прокурорского надзора за следствием, хотя и достигало в некоторой мере своей цели, вело фактически к тому, что можно назвать сближением прокурорского надзора за следствием с самой следственной работой.

Слабости и недостатки в работе следователей восполнялись фактически непосредственным участием прокуроров в расследовании и в решении основных вопросов предварительного следствия.

Это нашло отражение и в системе взаимоотношений между прокурором и следователями.

Так, если ст. 96 УПК обязывала следователя при наличии признаков состава преступления приступать к производству предварительного

¹ Редакция ждет откликов читателей на статью г. А. Васильева.

следствия и сообщать об этом прокурору, т. е. закон давал право следователю самостоятельно решать вопрос о возбуждении уголовного дела, то впоследствии директивой Прокурора СССР был установлен порядок, согласно которому следователь обязан представлять свое постановление о возбуждении уголовного дела прокурору на утверждение. Фактически это означает, что право возбуждения уголовного дела целиком перешло к прокурору.

УПК не возлагает на прокурора утверждение постановления следователя о приостановлении и прекращении дела, директивами же Прокурора СССР введен порядок, согласно которому эти постановления следователя должны быть утверждены прокурором.

Прокурорам настойчиво предлагается активно участвовать лично в расследовании преступлений, в частности, принимать участие в допросах свидетелей и обвиняемых, в предъявлении обвиняемым материалов законченного следственного дела и в производстве других следственных действий.

Все взаимоотношения следователей с другими организациями, с судом и милицией строятся через прокурора, который представляет в своем лице перед учреждениями и гражданами следственный аппарат прокуратуры.

Жалобы прокурору на действия следователя при нынешнем характере их взаимоотношений выглядят нередко как жалобы прокурору на него самого. В некоторых случаях так оно и есть почти в прямом смысле. Например, если возбуждение уголовного дела утверждается в каждом случае прокурором, то жалоба прокурору на возбуждение следователем уголовного дела разве не есть фактически жалоба прокурору на него самого?

За много лет не было случая, чтобы Прокуратура СССР, прокуратуры союзных республик или хотя бы их следственные отделы обращались непосредственно к следователю. Все указания по вопросам следственной работы даются руководящими органами только прокурорам с тем, чтобы они своей властью проводили их в жизнь через следователей.

Оценка работы прокурора не по данным, характеризующим надзор, а непосредственно по цифрам, процентам и другим показателям, отражающим работу следователей, сделала прокурора заинтересованным в формально-статистическом благополучии следственной работы. Так, практические работники знают, что прокурор, например, не вернет следователю дело на исследование, ибо этим самым он возвращает дело самому себе. Прокурор будет протестовать против возвращения судом дела на исследование потому, что дело, возвращенное на исследование, отрицательно характеризует по существующей статистике работу самого прокурора.

Не будем перечислять всех деталей ныне сложившейся организации прокурорского надзора за предварительным следствием, отличающейся, мы бы сказали, растворением следователя в аппарате прокуратуры и превращением прокурора из органа надзора за следствием во вторую инстанцию одного и того же следственного аппарата.

Это обусловило фактическое снижение требовательности прокуроров к следователям, притупление остроты этих требований. Прокурорский надзор за следствием приобрел своеобразный характер, не соответствующий конституционному и процессуальному назначению прокуратуры.

В свое время такой порядок взаимоотношений между прокурором и следователем, пока он еще только складывался, сыграл положительную роль для укрепления следственного аппарата. Прокурорский состав, более зрелый в политическом отношении, более подготовленный, смог

своим авторитетом поднять работу следственного аппарата прокуратуры до определенного уровня. Этот уровень в настоящее время нас не удовлетворяет. И не следует ли перед лицом государственной задачи решительного улучшения следственной работы открыть глаза на отрицательные последствия сложившейся к настоящему моменту системы прокурорского надзора за предварительным следствием?

Этих последствий, по крайней мере, четыре:

1. Ответственность прокурора за весь объем работы следователя, за все его шаги приучает следователя смотреть не с должной серьезностью на свои ошибки и недостатки в ожидании, что прокурор увидит их, исправит и, как правило, ничего со следователя не взыщет.

2. В свою очередь и прокурор при таком положении потерял значительную часть своих качеств надзорной инстанции и имеет основание относиться к критике работы следователя, исходящей от заинтересованных лиц, от их представителей, а также от суда и других организаций, как к критике его, прокурора, собственной работы. Это далеко не способствует своевременному и решительному выявлению ошибок и недостатков в работе следователей, а равно объективному и острому реагированию на них.

3. Прокурор представляется гражданам, организациям, судам не как надзорная инстанция по отношению к следователям, а как начальствующее лицо одного и того же органа следствия.

4. Следователь лишен возможности своевременно располагать для раскрытия и расследования преступлений всеми необходимыми материалами (к этому приводит, например, укоренившийся за последнее время в милиции порядок не вызывать следователя на место происшествия), и пользоваться помощью органов милиции в производстве следственных и оперативно-розыскных действий.

Эти отрицательные последствия давно уже дают себя знать. Несомненно, что они сыграли роль в установлении участковой системы работы следователей. Участковая система хотя и дает некоторые возможности для более самостоятельной работы следователей, но, если говорить не формально, а по существу, — ничего не меняет в организации надзора прокурора за работой следователей, а именно в этом суть вопроса.

И на самом деле: разве следователь превратился при участковой системе в самостоятельную фигуру, а прокурор в подлинную надзорную инстанцию оттого, что следователь, если сумеет, то договаривается с местными организациями о непосредственных взаимоотношениях; если сумеет, то знакомится в милиции с делами, которые впоследствии должны быть переданы в производство следователя? А если не сумеет (это бывает чаще всего), то все остается по-старому.

Прокурору и в этих робких начинаниях следователя все же предлагается «следить», «помогать», «руководить» следователями и т. д.

Спрашивается: почему то, что должно быть закреплено в законе (и в действующих УПК союзных республик формально не отменено), стало лишь предметом инициативы и усмотрения следователя и прокурора?

Мы полагаем, что дальнейшее усиление прокурорского надзора за предварительным следствием должно идти по линии предоставления действительной самостоятельности следователю и повышения его ответственности.

Прокурор должен быть освобожден от обязанности представлять следственный аппарат прокуратуры перед местными органами, судом, милицией и гражданами. С него должна быть снята обязанность утверждать и санкционировать действия следователя (кроме утверждения

обвинительного заключения и санкций на арест). Прокурор должен получить возможность, как орган надзора за предварительным следствием, строго требовать от следователя точного соблюдения законов и неуклонно взыскивать с него за малейшие нарушения законности.

Серьезного критического рассмотрения заслуживает также сложившаяся система прокурорского надзора и за расследованием в органах милиции. С настойчивостью, достойной лучшего применения, органы милиции на протяжении ряда лет отходили от предоставленного им законом положения органов дознания.

Органы милиции ввели в систему расследование по делам, подследственным следователям, не стесняя себя требованиями ст. 90 УПК, обязывающей органы милиции немедленно уведомлять следователя о возбуждении уголовного дела его подследственности и передавать это дело следователю сразу же по окончании первоначальных действий, необходимых для дальнейшего расследования. Такое пренебрежение нормами УПК допускается даже в отношении таких опаснейших преступлений, как убийство.

Почему, например, работники милиции Тосненского района Ленинградской области произвели осмотр места происшествия и трупа убитой Г. без участия следователя?

На каком основании работники управления милиции Ярославской области произвели осмотр места убийства двух человек в г. Ярославле без участия следователя?

Сближение прокурорского надзора со следственной работой следственного аппарата прокуратуры отразилось и на надзоре за расследованием в милиции, и отнюдь не в сторону его усиления. В характеристике действий прокурора по надзору за милицией появились термины: «помогать», «руководить», «воспитывать» и т. п. Возвращение прокурором законченных следственных дел милиции на доследование стало рассматриваться как отрицательный показатель для прокуратуры, исходя из того, что это будто бы плохо характеризует работу прокурора, который должен «обеспечить» высокое качество расследования в милиции.

Давно уже стали необходимы изменения в организации прокурорского надзора за расследованием в органах милиции с тем, чтобы:

а) милиция действовала бы строго в рамках, предоставленных законом органам дознания;

б) прокурорский надзор осуществлялся бы в эффективных формах, включая право районного и других непосредственно наблюдающих прокуроров проверять действия любого работника милиции и привлекать его к строгой ответственности за малейшее нарушение закона и невыполнение указаний прокурора;

в) органы милиции выполняли бы неуклонно все поручения следователей, в том числе задания оперативно-розыскного порядка по делам, находящимся в производстве следователей.

Таковы общие направления, по которым должно, на наш взгляд, идти усиление прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием в целях решительного улучшения расследования преступлений и обеспечения боевого наступательного характера борьбы с преступностью.

Разумеется, в связи с этим должны измениться критерии оценки работы прокурора. Не число участия в допросах и т. п. должно характеризовать работу прокурора, а меры, принятые к тому, чтобы следователи и органы дознания точно и неуклонно выполняли требования закона, чтобы они раскрывали преступления и разоблачали преступников.

ПОВЫСИТЬ КАЧЕСТВО РЕВИЗИЙ И ПРОВЕРОК СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЫ

М. Кацук

Оказание помощи путем ревизий и проверок на местах — одна из наиболее действенных форм руководства периферийными органами прокуратуры.

Как бы хорошо ни была поставлена информация о работе, как бы полно ни были написаны доклады об исполнении того или иного приказа Генерального Прокурора СССР, однако, это не может заменить личного общения с работниками и личного ознакомления с состоянием работы на месте. Только путем глубокого изучения положения дел на месте можно вскрыть причины, порождающие недостатки в работе, и наметить правильные и эффективные мероприятия, обеспечивающие их устранение. Только на месте можно по-настоящему изучить деловые качества работников, дать правильную оценку их способностям и сделать выводы о том, в состоянии ли они устранить недостатки в своей работе, только на месте можно видеть недостатки в руководстве периферийными органами прокуратуры со стороны вышестоящей прокуратуры.

В системе мероприятий по руководству периферийными органами прокуратуры ревизии и проверки занимают одно из важных мест. На их проведение тратятся значительные средства и много времени. Значительное число выездов связано с необходимостью проверки следственной работы, оказания помощи при расследовании и т. д. В связи с необходимостью улучшения руководства следствием, повышения его качества, устранения фактов волокиты, вопрос о повышении качества ревизий и проверок приобретает важное значение.

До настоящего времени есть не мало фактов, когда в одну и ту же прокуратуру для проверок и ревизий выезжают несколько раз, но положительных результатов эти проверки и ревизии не дают. Так было до последнего времени в прокуратуре Кемеровской области, куда в связи с неудовлетворительным состоянием следственной работы выезжали несколько раз работники Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР. Такие факты имеют место и в ряде других прокуратур, краев и областей, когда, несмотря на неоднократные выезды в районные и городские прокуратуры с целью проверок или оказания помощи, они не приводили к улучшению работы. Так при проверке в прокуратуре Северо-Осетинской АССР в июле 1953 года исполнения одного из важнейших приказов Генерального Прокурора СССР было установлено, что приказ этот выполняется неудовлетворительно, главным образом, за счет прокуратур Ардонского, Костохетагуровского, Ленинского, Моздокского районов.

В указанные прокуратуры для проверки работы и оказания помощи в 1952—1953 гг. неоднократно выезжали работники аппарата прокуратуры республики, тем не менее работа этих прокуратур не улучшилась. Объясняется это тем, что проверки в ряде случаев носили формальный характер, состояние работы и недостатки ее глубоко не изучались, а иногда эти проверки не совсем точно отражали истинное положение дел.

Так, например, при проверке работы прокуратуры Дигорского района в акте было указано, что фактов неосновательного привлечения граждан к уголовной ответственности не было, тогда как на самом деле они имелись. Аналогичный факт имел место и при проверке прокуратуры Затеречного района. При проверке работы прокуратур Курапского и Ирафского районов проверяющие ограничились только сбором цифровых данных, не сделав из этих данных никаких выводов. Неисполнение упомянутого приказа имело место и в прокуратуре Краснодарского края, хотя работники краевой прокуратуры, так же как и в Северо-Осетинской АССР, неоднократно выезжали с проверками в районные и городские прокуратуры. В частности, неоднократные выезды были в прокуратуру Северского района, где констатировалось неудовлетворительное состояние работы, но и до настоящего времени работа этой прокуратуры не улучшилась. Бесполезность такой помощи очевидна.

Для улучшения качества проверок имеет большое значение подготовка к ним. А это значит, что еще до выезда на место должны быть изучены все материалы, относящиеся к проверяемой прокуратуре, хотя бы за последний год, должно быть выяснено, какие давались указания для устранения недостатков по той или иной отрасли работы, как они выполнялись, когда в последний раз производилась проверка в этой прокуратуре и каковы ее результаты. Одним из условий, способствующих повышению качества ревизий и проверок, должно быть установление реальных сроков проверки. Нередки случаи, когда желание сократить срок командировки и выполнить побольше заданий приводит к тому, что проверяющему товарищу дается поручение в короткий срок проверить исполнение двух-трех приказов и оказать практическую помощь на месте. Последний, будучи связан сроком командировки и объемом работы, в ущерб делу спешит лишь собрать побольше данных, чтобы зафиксировать их в акте, хотя эти данные можно было бы получить, не выезжая на место.

Акт в таких случаях состоит из большого количества цифровых данных, а указания по следственным делам сводятся к перечислению действий следователя, которые он обязан выполнить в соответствии с требованиями УПК. Вместо предложений в таком акте перечисляются требования, изложенные в приказах. Такие акты мало приносят пользы.

Оправдывая низкое качество проверок, проверяющие часто ссылаются на то, что им дается мало времени для работы. В ряде случаев это находит свое подтверждение, так имеют место факты, когда для производства комплексной ревизии районной прокуратуры дается срок три дня, что нельзя считать правильным.

Основной задачей каждой ревизии и проверки является вскрытие недостатков и принятие мер к улучшению работы, а это можно сделать только при глубоком изучении положения дел, на что требуется время. Поэтому сроки, устанавливаемые для ревизий и проверок, должны быть реальными, так как этого требуют интересы дела.

При ревизии требуется глубокое изучение состояния следственной работы, потому что здесь возникает необходимость в изучении отдельных категорий дел, вскрытии недостатков, допущенных при их расследовании, в изучении конкретных дел, даче указаний по ним.

Если производится проверка работы следственных отделов краевых и областных прокуратур, то должна быть оказана помощь в организации работы этих отделов. В оказании такой помощи в следственной работе есть настоятельная необходимость, так как следственный аппарат органов прокуратуры состоит в значительной части из молодых работников, которые нуждаются в помощи. Если такая помощь будет пра-

вильно организована, то она даст реальные результаты, приведет к улучшению работы.

Примером служит оказание помощи путем выездов в прокуратуры Дагестанской АССР, Кемеровской и Тюменской областей. Эти прокуратуры в течение длительного времени не выполняли указаний Генерального Прокурора СССР по следственной работе, особенно отставала прокуратура Дагестанской АССР. Руководством Следственного управления было принято решение послать в эти прокуратуры на длительный срок работников управления с задачей обеспечить улучшение работы. На месте были установлены серьезные недостатки в организации следственной работы, что в значительной степени влияло на работу районных и городских прокуратур. Так в прокуратуре Кемеровской области не был поставлен должным образом контроль над расследованием отдельных категорий дел, не был организован как следует учет. Примерно такое же положение было установлено и в прокуратуре Тюменской области. В прокуратуре Дагестанской АССР был разработан ряд полезных мероприятий, направленных к улучшению следствия, издан ряд приказов и писем, но проведение этих мероприятий не было должным образом организовано, поэтому они не дали положительных результатов.

В прокуратуре Кемеровской области путем выезда в районные и городские прокуратуры была оказана помощь десяти прокуратурам, в прокуратуре Дагестанской АССР — семнадцати районным прокуратурам.

При выездах давались указания по каждому конкретному делу, устанавливались сроки окончания дел, оказывалась помощь в организации экспертиз и ревизий. Ряд следователей был послан на места, где по делам проводились экспертизы. В тех случаях, когда по вине руководителей организации срывалось производство ревизий, на них оказывалось воздействие путем постановки вопроса перед руководящими органами. Если окончание следствия задерживалось по причине невыполнения отдельных требований прокуратурами других краев и областей, то принимались меры к ускорению выполнения отдельных требований путем установления связи с руководителями этих прокуратур.

Ряд районных и городских прокуроров и следователей был вызван в вышестоящие прокуратуры для указаний по конкретным делам. Были учтены все дела, находящиеся в производстве народных следователей, установлен контроль над их расследованием. В прокуратуре Дагестанской АССР были заведены еженедельные сводки о ходе расследования дел, которые велись следственным отделом. Кроме того, на каждое первое число месяца составлялся обзор о ходе следствия. Было проведено два совещания с обсуждением вопроса о состоянии следственной работы.

В результате изучения состояния работы на месте было установлено, что в прокуратуре Дагестанской АССР одной из причин волокиты и неудовлетворительного расследования растрат и хищений является низкое качество ревизий, проводимых различными организациями. По большинству следственных дел, возникающих по ревизионным материалам, ревизии проводятся повторно, а иногда и по нескольким раз.

Например, по делу работника Веденского районного потребительского общества ревизия проводилась четыре раза; несмотря на это, была еще проведена судебно-бухгалтерская экспертиза. Имеют место факты, когда выводы одной ревизии противоречат выводам другой. Например, у заведующего складом Чародинского сельпо первой ревизией была установлена недостача товаро-материальных ценностей на большую сумму, когда же последний был привлечен к уголовной ответственности, повторная ревизия не установила недостачи и дело было прекращено.

Факты проведения недоброкачественных ревизий имели место в Дагестанском потребительском союзе, в системе потребительской кооперации и в других организациях. Низкий уровень ревизионной работы снижал эффективность борьбы с расхитителями социалистической собственности и серьезно отражался на качестве расследования, свидетельством чего является факт возвращения судами одной четвертой части дел о хищениях и растратах для доследования по причинам недоброкачественности ревизионных материалов. В связи с этим на основании обобщения материалов о качестве ревизий прокуратурой республики было внесено представление в руководящие органы о необходимости улучшения ревизионной работы.

Изучение работы в прокуратурах Дагестанской АССР, Кемеровской и Тюменской областей дало возможность ознакомиться с работниками следственного аппарата не по анкетным данным, а в процессе работы — по конкретным делам. Это позволило в свою очередь поставить вопрос о проведении дополнительных мероприятий по повышению юридической квалификации народных следователей.

При оказании помощи в следственной работе этим прокуратурам ставилась задача не только установить недостатки и разработать мероприятия для их устранения, но вместе с работниками обеспечить их быстрейшее изжитие. Эта задача была в основном выполнена, о чем свидетельствует факт улучшения следственной работы в указанных прокуратурах.

Говоря о необходимости повышения качества ревизий и проверок, нельзя не отметить того обстоятельства, что в ряде случаев они не дают положительных результатов потому, что для выполнения этой работы часто посылаются товарищи, не имеющие достаточного опыта прокурорской работы, а иногда даже не знающие той отрасли работы, которую им надлежит проверить. Руководители прокуратур объясняют это тем, что по разным причинам больше некого послать, но это нельзя считать правильным, так как малоквалифицированные проверки не приносят пользы и дискредитируют самую идею проверки.

Несмотря на то, что работой следственного отдела непосредственно руководят прокуроры краев и областей, однако весьма редки случаи, чтобы они выезжали в прокуратуры с целью проверки следственной работы. А это принесло бы большую пользу.

Большое значение при проверках имеет четкая и правильная оценка проделанной работы. Однако в ряде актов, вместо того чтобы указать, выполнен или не выполнен тот или другой приказ, а если не выполнен, то в какой его части, в актах пишутся такие выводы: «проделана некоторая работа», «проделана известная работа», «проделана определенная работа». Подобные выводы делаются по всей вероятности для того, чтобы не обидеть проверяемого и застраховать себя от упреков, что в выводах ничего не сказано о проделанной работе, однако ясно, что приведенная оценка весьма туманна и неопределенна.

Несмотря на серьезные недостатки в работе по ревизиям и проверкам, в краевых и областных прокуратурах очень редко обсуждается качество ревизий и проверок. Мало подвергается критике работа проверяющих товарищей, поэтому недостатки в этой работе повторяются, а в ряде случаев это порождает безответственное отношение к делу. Ревизии и проверки не всегда влекут за собой улучшение работы, а чтобы обеспечить это улучшение, необходимо повысить их качество.

ЗА ПРАВИЛЬНОЕ И СВОЕВРЕМЕННОЕ ПРОВЕДЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Народный судья Советского района г. Орла В. Чепегин

Быстрое и правильное рассмотрение уголовных дел, своевременное и правильное применение мер уголовного наказания к преступникам — важнейшая обязанность судебных органов.

Правильное рассмотрение дела, правильное применение мер наказания создает у советских людей уверенность в неуклонной защите их прав и интересов, поднимает авторитет судебных органов, укрепляет социалистическую законность.

Выполнение этой задачи во многом зависит от того, насколько правильно и своевременно органы расследования провели предварительное расследование по делу, подготовили его к рассмотрению в суде.

Задача предварительного расследования заключается в том, чтобы в рамках, установленных Уголовно-процессуальным кодексом, проверить, имеются ли в действиях привлекаемого лица признаки преступления или его действия не нарушают закона, при установлении же в действиях лица признаков преступления собрать доказательства, подтверждающие вину привлекаемого лица.

Статья 111 УПК РСФСР требует от следователя «выявить и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности». От того, насколько полно и объективно проведено предварительное расследование, во многом зависит качество рассмотрения уголовного дела в судебном заседании.

Неуклонное соблюдение норм Уголовно-процессуального кодекса — основа успешного расследования по делу и его дальнейшего рассмотрения в судебных инстанциях. Всякое отступление при расследовании от процессуальных норм влечет за собой ошибки, мешающие впоследствии правильному расследованию и рассмотрению дела.

Успешность расследования по уголовному делу зависит также от того, насколько полно следователь использует права, предоставленные ему Уголовно-процессуальным кодексом, насколько правильно он применяет их при расследовании. Всякое превышение следователем предоставленных ему прав влечет за собой нарушение закона, необъективность расследования.

Важным фактором успешного расследования являются умелое обнаружение и закрепление следователем доказательств, правильная оценка их.

Быстрота и своевременность проведения следственных действий — необходимое условие раскрытия преступления. Волокита — враг расследования. Всякое промедление в проведении неотложных следственных действий влечет за собой неблагоприятные последствия — утрату важных доказательств, возможность для преступников уклониться от следствия и суда.

Соблюдение в совокупности приведенных требований при расследовании позволит следователю установить истину по делу и тем самым обеспечит правильное и своевременное рассмотрение его в суде.

Задачей судебного следствия является проверка в рамках, установленных Уголовно-процессуальным кодексом, доказательств, добытых на предварительном следствии. В процессе судебного рассмотрения уголовного дела суд должен установить истину, т. е. восстановить полную картину событий, послуживших основанием для возникновения уголовного дела.

В судебном заседании в результате открытого исследования доказательств с участием сторон, обвинения и защиты достигается установление истины по делу. Невыполнению этой задачи иногда мешают ошибки, допущенные при следствии.

Из анализа судебной практики по делам, по которым проводилось предварительное расследование, можно сделать выводы о характере ошибок, допускаемых органами предварительного расследования.

1. Следственные работники нередко допускают не критическое отношение к заключениям экспертизы, что влечет за собой серьезные ошибки. В соответствии со ст. 58 УПК заключение экспертов является одним из видов доказательств и, как всякое доказательство, оно должно быть подвергнуто проверке. «Заключение экспертов для суда обязательно, однако несогласие суда с экспертизой должно быть им подробно мотивировано в приговоре или особом определении». Это положение, записанное в ст. 298 УПК, надо иметь в виду и следователю при расследовании по уголовному делу. О необходимости для следователя критически относиться к заключению экспертизы говорит ст. 174 УПК: «В случае признания следователем экспертизы недостаточно ясной и полной следователь вправе по собственной инициативе, по ходатайству обвиняемого назначить по мотивированному своему постановлению производство новой экспертизы...»

К чему может привести не критическое отношение следователя к заключению экспертов, говорят следующие примеры из практики.

В народный суд поступило уголовное дело по обвинению Б. по ст. 16 и ст. 79², ч. 2, УК в том, что он, работая машинистом сложной молотилки, во время работы не следил за работой молотилки, в результате чего на вал барабана намоталась солома, которая от трения загорелась. Пожар причинил значительный ущерб.

Обвинение Б. было построено на заключении экспертизы, установившей причины пожара. Следователь не критически, без должного анализа отнесся к заключению эксперта, не проверил других доказательств, хотя в деле имелось еще два заключения о причинах пожара: первое — «загорание в молотильном агрегате произошло в результате сильного трения приводного ремня о деревянные стенки кожуха»; второе — «пожар возник от постороннего огня».

Эксперты, назначенные следователем из специалистов-механиков сельского хозяйства и пожарника, безмотивно отвергли эти два заключения и констатировали: «При работе молотилки на вал барабана с правой стороны по ходу молотилки наматывалась масса соломы, в силу чего создалось большое трение и возникновение огня с наружной части деревянного корпуса около коренного подшипника вала барабана».

Следователь не проанализировал заключения эксперта, не сопоставил с другими доказательствами по делу, не обратил внимания на то, что объективные данные находятся в противоречии с заключением экспертов.

Начав судебное следствие по делу, суд установил противоречие между объективными данными и заключением экспертов и определил произвести осмотр молотилки судом совместно с экспертами и сторонами. Одновременно суд запросил завод о возможных причинах возникно-

вения пожара. Завод сообщил: «На всем протяжении изготовления молотилок нашему заводу не поступали сигналы с мест о случаях возникновения пожара от работы машины... Со своей стороны считаем маловероятным факт возникновения пожара по причинам, зависящим от работы механизмов молотилки».

При осмотре молотилки составом суда совместно с экспертами и сторонами было установлено, что «корпус подшипника вала барабана и сам вал барабана следов обгорания не имеет. На корпусе подшипника сохранилась окраска». Из показаний свидетелей суд установил, что после пожара смазка (солидол), находящаяся в подшипнике, не расплавилась, а это свидетельствовало о том, что основной очаг огня был в другом месте. При осмотре после постановки экспертам дополнительных вопросов они сами убедились, что солома не могла наматываться на вал. В судебном заседании эксперты, изменив свое первоначальное заключение, утверждали, что огонь (или тление) возник (вопреки их первой версии) не снаружи, а внутри молотилки, и затем под влиянием движения воздуха горящие частицы соломы через отверстие выскочили наружу, от чего и возник пожар. Осмотр молотилки показал, что внутри ее нет следов обгорания. Изучение движения воздуха в работающей молотилке показало, что горящие частицы не могут выскочить из молотилки наружу, ибо в месте расположения барабана воздух не выходит наружу, а, наоборот, всасывается в молотилку. В результате тщательного анализа заключения экспертов суд, руководствуясь объективными данными, отверг его. Подсудимому был вынесен оправдательный приговор.

Так не критическое отношение следователя к заключению экспертов привело к неосновательному привлечению гражданина к уголовной ответственности.

Другой пример. З., шофер легковой автомашины, обвинялся в том, что он, следуя по шоссе с повышенной скоростью, сбил ехавшего велосипедиста. Скорость автомашины была установлена путем арифметического расчета. За основу расчета бралось то обстоятельство, что автомашина после столкновения с велосипедистом проехала еще 49 м и опрокинулась. Эксперты по соответствующей формуле определили, что автомашина в момент столкновения ехала со скоростью 87,5 км в час. Имея такое заключение, следователь не стал интересоваться другими деталями происшествия. Не обратил он внимания и на объяснение обвиняемого, что он не сразу «намертво» затормозил машину после столкновения, а начал постепенно ее притормаживать, постепенно погашая скорость, и таким образом после столкновения проехал 49 м и опрокинулся в кювет. Не обратил внимания следователь и на обстоятельство, которое подтверждало объяснения обвиняемого, а именно: при осмотре пути движения автомашины после столкновения тормозной путь ее не был непрерывным скольжением (так называемый «юз»), а он местами прерывался, имел следы узоров шин.

В процессе судебного следствия было установлено, что при длительном непрерывном торможении, когда машина идет «юзом», покрышки колес машины в местах соприкосновения с асфальтом должны иметь потертости. Суд с участием сторон и экспертов произвел осмотр покрышек: они не имели потертостей. Эксперты после проверки расчетов в результате тщательного исследования заключения экспертизы в судебном заседании сами пришли к выводу о неточности их первоначальных расчетов и установили, что скорость автомашины не превышала 50 км в час. Исходя из того, что З. не нарушил правил движения, а несчастный случай произошел в результате нарушения правил движения потерпевшим, суд вынес З. оправдательный приговор.

2. При расследовании хищений и растрат, совершенных должностными лицами, органы предварительного следствия иногда не проявляют сами должной инициативы, а строят обвинение на основании акта ревизии, хотя ревизоры в процессе проведения ревизии часто упускают из виду отдельные незаконные операции, не придают им значения. Назначая повторные ревизии, следователь не всегда руководит работой ревизора, предоставляя всю эту работу только ревизору.

Между тем следователь должен интересоваться работой ревизора, направлять ее, ставить перед ревизором новые вопросы. Следователь не должен слепо доверять акту ревизии, должен тщательно проанализировать его, обращая главное внимание на то, как выглядят с точки зрения закона те или иные нарушения, отмеченные в акте.

Однако в практике встречаются случаи, когда отдельные работники органов предварительного следствия идут на поводу у ревизоров, полагаясь на их опыт и авторитет. Это приводит к тому, что в суд поступают иногда недостаточно исследованные дела. Вот один из примеров. Братья Р. были привлечены к ответственности за расхищение совместно с М. имущества и денег спортивного общества. При проведении ревизии ревизор контрольно-ревизионного управления уделил большое внимание проверке, соблюдена ли форма при составлении различных документов. Он установил большое количество фиктивных документов и незаконных трудовых соглашений. Однако ни ревизор, ни следователь не поставили перед собой задачу проверить, были ли получены товары по этим фиктивным документам, были ли выполнены работы по незаконным трудовым соглашениям. Установление этих обстоятельств имело существенное значение, ибо сразу дало бы следователю возможность дать ту или иную юридическую оценку действий обвиняемых. Если товары по фиктивным документам были получены, если работы по незаконным трудовым соглашениям были выполнены, то действия этих должностных лиц следовало квалифицировать как злоупотребление служебным положением. Следователь не поставил перед ревизором этих вопросов, ревизор также не интересовался ими. В результате в обвинительном заключении без проверки было записано: «Всего, таким образом, Р. заключено трудовых соглашений на сумму 3850 руб.»; и далее: «В течение 1950—1951 гг. Р. с авансовыми отчетами представил фиктивных расходных документов на сумму 5544 р. 75 к.». Полагая, что самый факт представления фиктивных документов и факт заключения незаконных трудовых соглашений может служить доказательством хищения, следователь устранился от собирания других доказательств, подтверждающих хищение. Между тем в судебном заседании из допроса свидетелей было установлено, что товары по фиктивным документам были получены, работы по незаконным соглашениям были выполнены. Отсюда действия указанных лиц следовало квалифицировать как злоупотребление служебным положением, а не как хищение.

Таким образом, некритическое отношение следователя к акту ревизии повлекло за собой неправильную квалификацию действий обвиняемых.

Практика показывает, что в тех случаях, когда органы следствия, получив сообщение ревизора о фактах хищения, немедленно приступают к производству важнейших следственных действий — к выемке документов, к обыску, наложению ареста на имущество и др., — расследование заканчивается быстро и проводится доброкачественно.

Большим недостатком в работе следствия является несвоевременное отстранение должностных лиц, особенно бухгалтеров, от работы после установления их преступных действий. Это зачастую дает возможность

отдельным должностным лицам мешать ходу расследования, фабриковать фиктивные документы. Установив факты, свидетельствующие о преступных действиях должностного лица, следователь должен поставить перед собой вопрос: можно ли до окончания расследования оставить должностное лицо на занимаемой должности или его необходимо отстранить от работы. Обязательная постановка этого вопроса следователем и разрешение его, исходя из конкретных обстоятельств дела, безусловно улучшит качество следствия.

3. Тщательное исследование вещественных и письменных доказательств значительно улучшает качество расследования. При исследовании следователь должен проверять их не только с точки зрения формы и содержания, но также обращать внимание на различные отметки, условные знаки, дополнительные приписки, расположение слов, цифр и т. д. По одному делу необходимо было установить точную дату выдачи расписки. Меры, принятые следователем, не дали положительного результата. Однако следователь не все использовал для установления этого факта. Он не обратил внимания, что на обратной стороне расписки имеется три колонки цифр и под ними, под чертой имеется еще одна цифра, равная сумме расписки. Исследуя это обстоятельство в совокупности с другими доказательствами, суд установил дату выдачи расписки.

Невнимательное отношение к исследованию вещественных доказательств приводит к ошибкам. При расследовании по делу М., обвинявшейся в покушении на убийство К., необходимо было установить орудие, которым М. наносила удары К. Обнаружив при обыске у М. разделочную доску со следами крови на ней, следователь решил, что этим орудием наносились удары потерпевшей. Следователь закончил расследование, не обратив внимания на заключение экспертизы, что кровь, обнаруженная на доске, принадлежит не человеку, а животному. Перед рассмотрением дела в суде один из свидетелей принес в суд другое орудие, утверждая, что именно им М. наносила удары К. В судебном заседании М. подтвердила, что она наносила удары К. не разделочной доской, а орудием, принесенным свидетелем. Ошибка следователя не помешала суду установить истину лишь потому, что М. не отрицала факта покушения ее на убийство К. Если бы М. отрицала свою вину, то при отсутствии других объективных доказательств это обстоятельство повлекло бы возвращение дела к доследованию.

При исследовании вещественных и письменных доказательств работникам следственных органов следует чаще обращаться к помощи научно-исследовательских учреждений, внимательно относиться к их исследованиям.

4. Важным фактором повышения качества расследования по уголовным делам является неуклонное соблюдение закона при выполнении различных процессуальных следственных действий: осмотров, опознаний, отобрания образцов для анализов и т. д.

При опознании личности требуется предъявление опознающему нескольких людей, примерно, равного возраста с опознаваемым; при опознании предмета — предъявление нескольких однородных предметов. Между тем эти элементарные требования при производстве опознаний нарушаются. Так по делу Ф., обвинявшегося в краже ручных часов у С., в процессе предварительного расследования было произведено опознание часов потерпевшим. Вместо того чтобы для опознания совместно с потерпевшими часами предъявить другие часы, по форме похожие на часы, принадлежащие С., следователь предъявил несколько круглых по форме

часов и похищенные часы, имеющие форму прямоугольника. Этим самым следователь свел на нет доказательственное значение акта опознания, дал возможность Ф. отрицать этот акт как доказательство. Лишь возвращение дела к доследованию и отыскание новых доказательств помогли изобличить Ф. в краже.

Не менее важным процессуальным действием является отобрание образцов предметов (особенно зерна) для анализа. Указанное действие и самый результат анализа будут иметь доказательственную силу лишь в том случае, если нет никаких сомнений в том, что образцы, направленные на анализы, изъяты именно из исследуемых объектов. Следовательно, самый акт отбора образцов для анализа должен быть надлежащим образом, с участием понятых, зафиксирован протоколом. Образцы должны быть опечатаны и в таком виде доставлены для анализа.

С. был привлечен к ответственности за кражу зерна. Одним из основных доказательств его вины было тождество обнаруженного зерна с зерном, хранившимся на току, откуда было совершено хищение. В судебном заседании С. заявил, и это подтвердили свидетели, что следователь неправильно производил отбор образцов: имея три совершенно одинаковых мешочка, он наполнил один из них похищенным зерном, а два остальных — зерном с тока; все три мешочка были направлены на анализ без установления, какой из них наполнен похищенным зерном. Лаборатория производила анализ зерна из двух мешочков, но из каких именно, не указала. У суда возникло сомнение в правильности анализов. Это обстоятельство (в совокупности с другими) послужило основанием для возвращения дела к доследованию.

5. Кроме отмеченных недостатков в работе органов предварительного следствия, надо также отметить и другие, не менее важные недостатки. К ним, в частности, относятся: недостаточное использование технических средств при расследовании; недостаточное внимание по делам о хищениях и растратах к такому важному вопросу, как исследование образа жизни обвиняемого. При расследовании по делам о хулиганстве следователи не считают своей обязанностью назначать судебно-психиатрическую экспертизу, хотя иногда действия хулиганов настолько безмотивны, неоправданны, настолько противоречат здравому смыслу, что невольно встает вопрос о психической полноценности привлеченного. Следственные же работники часто вообще не ставят перед собой такого вопроса. Между тем прим. 1 к ст. 63 УПК устанавливает, что «вызов экспертов обязателен для установления причин смерти и характера телесных повреждений, а также для определения психического состояния обвиняемого или свидетеля в тех случаях, когда у суда или следователя по этому поводу возникают сомнения». Невыполнение этого требования следователем вынуждает суд направлять подсудимого на психиатрическую экспертизу из судебного заседания. Это вызывает излишнюю трату времени у суда, сторон и свидетелей, вызываемых в суд.

Следует отметить недооценку некоторыми работниками органов предварительного следствия косвенных улик как доказательств. Нередки случаи, когда следователь, имея ряд косвенных улик, не может связать его в единую цепь доказательств, изобличающих преступников. Это приводит к тому, что иногда в процессе предварительного расследования уголовные дела даже прекращаются «за недоказанностью», в то время как тщательный анализ косвенных улик помог бы установить истину.

6. Показания свидетелей и обвиняемых являются наиболее распространенным видом судебных доказательств. От умелого допроса свидетеля или обвиняемого на предварительном следствии во многом зависит

установление тех или иных важных для дела обстоятельств. Процессуально допрос свидетелей и обвиняемых оформляется протоколами допроса. Статья 139 УПК разрешает обвиняемому, а ст. 168 УПК свидетелю записывать свои показания собственноручно. Это очень важная гарантия прав обвиняемого и свидетеля. Она дает возможность им дословно изложить свои показания в таком виде, как они представляют себе события. Вместе с тем собственноручная запись ими своих показаний на предварительном следствии исключает, как правило, возможность изменения ими своих показаний в судебном заседании.

В судебном заседании при допросе свидетеля или подсудимого иногда устанавливается противоречие между их показаниями в процессе предварительного следствия и показаниями в судебном заседании. При выяснении причин противоречий в показаниях они, как правило, объясняют их неточностью записи следователем. Изложение же свидетелем и обвиняемым своих показаний собственноручно исключает возможность противоречий, что значительно облегчает судебное следствие. Однако следователю необходимо и при собственноручном записывании показаний свидетелем или обвиняемым следить за тем, чтобы на все поставленные вопросы были даны ответы.

Говоря о показаниях свидетелей и обвиняемых в судебном заседании, нельзя не коснуться понимания ст. 319 УПК. Некоторая часть судебных работников стоит на позиции формального толкования ее содержания, утверждая, что судьи при вынесении приговора обязаны руководствоваться лишь доказательствами, добытыми в судебном заседании, и не должны принимать во внимание материалы, добытые на предварительном следствии. Эти товарищи почему-то не учитывают смысла статьи, заключающегося в том, что суд должен рассмотреть данные, добытые на предварительном следствии, и оценить их. Если данные предварительного следствия, будучи проверенными в судебном заседании, подтвердились, суд может и должен руководствоваться ими.

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» указало, что «в соответствии со ст. 23 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик приговор должен быть основан на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Поэтому данные предварительного следствия должны быть рассмотрены и проверены судом в процессе судебного следствия, и только такие данные могут быть положены в основу приговора».

Следовательно, материалы предварительного следствия могут быть положены в основу приговора, если они проверены в судебном заседании. Это особенно важно в тех случаях, когда суд становится перед вопросом, какие же из показаний свидетеля являются достоверными — те, что он давал на предварительном следствии, или те, что он дает в судебном заседании? При формальном толковании ст. 319 УПК можно прийти к выводу о том, что за основу необходимо брать показания, данные в судебном заседании, а показания, данные на предварительном следствии, следует отбросить. При толковании же ст. 319 УПК так, как об этом говорит постановление Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г., суд может в совокупности с другими данными прийти к выводу, что правильными являются показания, данные свидетелем на предварительном следствии, а не в судебном заседании.

Советский суд не связан никакими формальными доказательствами, а потому совершенно неправильно отбрасывать данные предварительного следствия, не учитывая всех обстоятельств по делу.

Какие же существуют методы для устранения недостатков предварительного следствия? Какую в этом отношении помощь может оказать суд?

Методы устранения недостатков предварительного следствия разнообразны. Повышение требовательности судебных органов к предварительному следствию, являясь одним из таких методов, не должно перерасти в мелочные придирки по не принципиальным вопросам. В процессе судебного следствия суд должен проявлять максимальную инициативу и не только проверять собранные следователем доказательства, но и находить новые доказательства, проверять их. К этому обязывает суд ст. 302 УПК. Следует признать, как правило, что возвращение дела к доследованию есть крайняя мера, которую суд должен применить, если все его попытки установить в судебном заседании истину по делу не увенчались успехом. Возвращение дела к доследованию, после того как ряд доказательств проверен в судебном заседании, когда свидетели слышали часть судебного следствия, может отрицательно сказаться на дальнейшем рассмотрении дела.

В судебном заседании с участием сторон и подсудимых проверяются материалы предварительного следствия, вскрываются ошибки, допущенные следователем при расследовании, поэтому очень желательно иногда, по наиболее сложным делам, присутствие следователя в судебном заседании. Присутствуя в судебном заседании, следователь сам может убедиться в пробелах следствия, лучше поймет свои ошибки. Такой метод учебы следственных работников является эффективным средством улучшения вообще качества предварительного следствия.

Существенным фактором устранения недостатков предварительного расследования является созыв не реже одного раза в квартал междуведомственных оперативных совещаний, на которых должны присутствовать работники прокуратуры, оперативные и следственные работники милиции, работники суда, руководящие советские и партийные работники района. Такие совещания позволяют развернуть широкую критику и самокритику недостатков в деятельности отдельных работников, наметить мероприятия для их устранения.

Общими усилиями прокурорско-следственных и судебных работников необходимо добиваться неуклонного повышения качества следственной и судебной работы.

СПОРНЫЙ ВОПРОС СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА

Кандидат юридических наук Г. Свердлов

Большое теоретическое и практическое значение представляет вопрос о том, какова должна быть позиция суда в тех делах о разводе, которые возбуждаются по совместному заявлению обоих супругов или хотя и одной стороной, но когда с несомненностью устанавливается, что другая сторона не возражает против развода, желает расторжения брака.

Автор этой статьи уже освещал в печати¹ результаты произведенного им изучения судебных дел о разводе, разрешенных судами восемнадцати городов в первый год после издания указа от 8 июля 1944 г. Две трети этих дел представляли собою разводы по обоюдному желанию супругов, и суд удовлетворял ходатайства о разводе со ссылкой на то, что «оба супруга настаивают на разводе», что «ответчик не возражает против развода».

Таким образом, анализ материалов судебной практики приводит к выводу, что суды стали на путь признания обоюдного желания супругов расторгнуть брак в качестве серьезного основания для расторжения брака.

В определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР в первые несколько лет после указа от 8 июля 1944 г. более или менее выпукло проведена также эта точка зрения.

Например, по делу Кютть² Верховный суд СССР рассматривает согласие ответчика на развод как достаточно серьезный аргумент за расторжение брака. В определении выдвинуто именно то, что из заявления ответчика, поданного в прокуратуру, видно, что он согласен на развод, что «он больше не желает продолжать брак, так как считает продолжение брака невозможным». В определении по делу Капиани-Чайшвили Судебная коллегия по гражданским делам указала: «Выводы суда о возможности восстановления между сторонами их семейных отношений находятся в противоречии с фактическими обстоятельствами дела и не могут быть признаны правильными. По делу установлено, что в силу сложившихся между супругами неприязненных отношений в результате расхождения во взглядах, отсутствия общих семейных интересов и понимания друг друга их дальнейшая супружеская жизнь стала настолько невозможной, что обе стороны в судебном заседании просили суд о расторжении брака. Ответчица Чайшвили заявила, что истец Капиани требует от нее полного разрыва с родственниками, которым запрещает посещать их дом, преследует неосновательной ревностью, наносит оскорбления и устраивает скандалы.

Когда налицо указанные обстоятельства и обе стороны просят суд о расторжении брака, нет оснований полагать, что между ними могут быть восстановлены семейные отношения. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., будучи направлен на укрепление семьи, не исключает возможности расторжения брака, если к этому есть основания»³.

¹ См. статью «Некоторые вопросы судебного расторжения брака» в журнале «Советское государство и право» за 1946 г. № 6.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1945 г., вып. IV (XX), стр. 28.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1947 г., вып. VII (XI), стр. 17—18.

По делу Азимова-Гринцайг Верховный суд Азербайджанской ССР отказал в разводе. По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия по гражданским делам отменила это решение, указав: «Заявление в народный суд и Верховный суд Азербайджанской ССР последовало от обоих супругов. При рассмотрении дела в суде оба супруга просили суд о расторжении брака, указывая на то, что они в течение года живут раздельно и возобновлять совместную жизнь не хотят... При таких обстоятельствах, когда оба супруга не желают продолжать совместную жизнь и фактически более года не составляют единой семьи, нет оснований полагать, что между сторонами восстановятся брачные отношения и что они создадут крепкую нормальную семью»¹.

Такова была позиция судебной практики по вопросу об обоюдном согласии супругов расторгнуть брак в начале применения указа от 8 июля 1944 г. Но в дальнейшем этот вопрос получил несколько иное решение. Пленум Верховного суда СССР в известном постановлении от 16 сентября 1949 г. «О судебной практике по делам о расторжении брака» указал, что «необоснованное серьезными доводами нежелание одного или обоих супругов продолжать брак не может считаться достаточным основанием к расторжению брака»².

Это указание Пленума не устанавливает какого-либо различия между разводом односторонним и разводом по обоюдному желанию. Пленум считает, что так же, как нежелание со стороны одного супруга, нежелание обоих супругов продолжать брак само по себе не является достаточным основанием к расторжению брака, таким основанием оно может считаться лишь при условии, если оно будет обосновано еще серьезными доводами.

Эта точка зрения распространена и в нашей литературе. В одной работе выражено просто и прямолинейно: «Наличие согласия сторон не является основанием к разводу»³. Не только в том случае, когда иск о разводе заявляется одной стороной, а другая сторона возражает и когда поэтому приходится обращаться к другим мотивам, обосновывающим желание или нежелание сторон, но и в том случае, когда супруги не спорят по главному вопросу дела, по вопросу о разводе, когда оба они согласны на развод, суд все равно «должен по своей инициативе выяснить действительные мотивы и решить, могут ли они быть признаны достаточными для расторжения брака»⁴.

Таким образом, с несомненностью установленное судом нежелание обоих супругов продолжать брак и, наоборот, желание обоих супругов расторгнуть брак, оставшееся твердым и непоколебимым и после попыток суда к примирению супругов, с этой точки зрения еще не являются для суда достаточными мотивами для расторжения брака. «Даже в том случае, — пишет разделяющий эту точку зрения Г. Аксененок, — когда наличие обоюдное согласие супругов развестись, суд обязан по своей личной инициативе принять меры к установлению действительных оснований и мотивов для расторжения брака и вынести решение об удовлетворении иска только при условии, если он сам убедится в серьезности оснований и мотивов развода»⁵.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1947 г., вып. VII (XI), стр. 20.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г., № 11.

³ С. И. Абрамов, Характер и особенности судопроизводства по делам о расторжении брака по законодательству СССР, 1947, стр. 12.

⁴ Там же.

⁵ Г. А. Аксененок, Роль суда в укреплении семьи в советском государстве, «Социалистическая законность» 1949 г. № 3, стр. 7.

Мы полагаем, что такая точка зрения является необоснованной ни с теоретической, ни с практической стороны.

Теоретическое осмысление нашего законодательства о разводе невозможно без понимания его органической связи с законодательством о браке. Существует глубокая связь между всем содержанием норм о браке и норм о разводе.

Чем характеризуется содержание советских норм о браке после издания указа от 8 июля 1944 г.? Поколебал ли этот указ в какой-либо мере основы нашего брачного права? Бесспорно, нет. Указ, являющийся выражением заботы Советского государства об укреплении семьи, усилил борьбу с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям. В этих целях он, в частности, ввел ряд определенных гарантий против необоснованных необходимостью разводов. Но, усилив борьбу с легкомысленным отношением к семье, указ оставил нерушимыми те основные принципы, которые характеризовали брак по советскому закону с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции. Одним же из основных принципов советского семейного права является возникновение брака лишь в результате обоюдного, свободного и добровольного вступления в брак. Наше право, как и наша коммунистическая мораль, решительно отвергает возможность возникновения брака, основанного на подчинении воли одного воле другого, это в одинаковой мере отвечает как интересам отдельного советского человека, так и интересам всего социалистического общества.

Из этого начала — именно из того, что брак в советском государстве возникает исключительно в результате свободного и добровольного взаимного согласия, — проистекают два важных положения: первое — невозможность необоснованного, одностороннего прекращения брака, которое означало бы подчинение одного супруга произволу другого, и второе — возможность прекращения брака при наличии свободного и добровольного согласия на это супругов.

Соответственно с различной природой обоих случаев развода различной должна быть и позиция суда. В первом случае, поскольку между супругами идет спор о сохранении брака, задача суда должна заключаться в том, чтобы допустить развод лишь в случае, когда желание стороны, требующей развода, является настолько уважительным и обоснованным, что подавляет собой возражения другого супруга. Во втором случае задача суда иная — убедиться в свободном и непринужденном согласии на развод и в том, что согласие твердое и непоколебимое.

Эта мысль получила ясное выражение в определении Верховного суда по делу Варма. Отказывая в разводе, суд первой инстанции ссылаясь на то, что «истец морально воздействовал на свою жену и тем самым вынудил ее согласиться с расторжением брака». Отменяя это решение, Верховный суд указал: «Приведенные судом доводы, послужившие основанием для отказа в иске, не подтверждаются материалами дела. Ничем по делу не установлено, что согласие жены истца на прекращение брака было вынужденным. В судебном заседании ответчица против расторжения брака не возражала»¹.

Наше законодательство вполне обеспечивает суду возможность убедиться, действительно ли согласие на развод дано свободно, непринужденно и действительно ли это согласие твердое и непоколебимое. Ведь все действующие правила расторжения брака — двустепенное разбирательство дела, обязательный вызов обоих супругов, обязательное выяснение мотивов развода, обязательность попыток суда к примирению

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1945 г., вып. VI, стр. 28—29.

супругов, обязательность публикации, обязанность уплаты значительной суммы пошлины — все это относится и к делам о разводе по обоюдному согласию супругов расторгнуть брак.

В частности, когда действующий закон обязывает суд «установить мотивы подачи заявления о расторжении брака», то он имеет в виду, что эта обязанность суда относится ко всем делам о разводе, в том числе и к делам о разводе по обоюдному согласию супругов. Установление судом твердого и определенного нежелания обоих супругов продолжать брак — это и есть как раз один из случаев установления судом мотивов развода.

Такова теоретическая сторона вопроса. Что же получается с практической стороны, когда суд, не отличая дела, где имеется обоюдное желание супругов расторгнуть брак, становится на путь выявления и оценки в своих решениях еще каких-то других, «действительных» мотивов развода?

Супруги жили в браке около двух лет, детей от брака не было. Заявление о разводе подала жена: «Прошу развестись, так как жить с мужем больше не могу, мы совершенно разные люди и друг друга не удовлетворяем». Как выяснилось на первом заседании суда, ответчик не только не возражал против развода, но тоже настойчиво об этом просил. Свою просьбу оба супруга подтвердили в областном суде. Было очевидно обоюдное добровольное желание расторгнуть брак. Несмотря на это, суд счел необходимым пойти на совершенно ненужное выявление внутренних побуждений супругов к разводу. В результате суд в своем решении о разводе указал, что «оба супруга просят о разводе», но этот мотив сопровождал ненужным указанием на то, что брак расторгается по причинам физиологического порядка.

Другое дело. Стороны состояли в браке около двенадцати лет. У них имеется ребенок десяти лет. Больше года как они разошлись и живут в разных местах. Заявление о разводе подал муж, мотивируя тем, что они «не сошлись характерами». «Длительная совместная жизнь,— писал он,— привела нас к убеждению, что больше нам вместе жить невозможно... В интересах сына также, чтобы мы разошлись». Жена подтвердила свое согласие на развод и мотивировала это, примерно, так же, как муж. Из отдельных замечаний сторон на суде выяснилось, что жили они недружно. На какой почве происходили конфликты, кто виноват был в них, ясно не было. Ни один из них не обвинял другого, но оба утверждали, что дальше жить вместе не могут. Суд расторг брак, обосновав это тем, что «оба супруга категорически настаивают на разводе». Однако, стремясь, повидимому, привести некие «действительные» мотивы, сделать решение более убедительным, суд основной довод за расторжение дополнил такой сомнительной сентенцией: «Расторгнуть брак необходимо потому, что конфликты между сторонами происходили на почве разницы возраста супругов».

Третье дело. У истца от первой жены двое детей. Через шесть месяцев после вступления в брак с ответчицей они разошлись. Муж подал заявление о разводе. И в народном, и в областном суде он свое заявление подтвердил. Жена тоже просила о расторжении брака. В судебном заседании появились две противоречивые, одинаково ничем не подтвержденные версии поведения супругов в браке. Муж утверждал, что жена не умеет и не хочет вести хозяйство, что дети никакой помощи и ухода от нее не получают. Жена обвиняла мужа, что он вел себя в доме оскорбительно для нее, прятал продукты, деньги, демонстративно обращался за всякими хозяйственными нуждами к своей девочке, а ее, жену, игнорировал и т. д. Было очевидно, что все, о чем говорят супруги, для них

очень значительно и реально, но доказать это им было трудно. Суд расторг брак, но аргументировал это не только тем, что обе стороны настаивают на разводе, а избрав одну из версий, возникших из объяснений сторон, сослался в решении на то, что «истец создал невозможные условия для проживания». Эта мотивировка была так же необоснованна, как была бы и противоположная, при которой вся вина за разрыв возлагалась бы на жену.

Приведенные примеры показывают, что в случаях, когда имеется обоюдное желание супругов расторгнуть брак, расширение судом рамок этого основания обычно приводит к утверждениям, которые не только не обосновываются материалами дела, но и вообще излишни в таких делах.

В ряде судебных дел, опубликованных уже после постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. «О судебной практике по делам о расторжении брака», продолжает встречаться достаточно акцентированное выделение мысли о взаимном согласии на развод как о таком обстоятельстве, которое имеет важное самостоятельное значение и усиливает аргументы в пользу развода.

Весьма выразительно подчеркнут мотив взаимного согласия на развод, например, в деле супругов К., рассматривавшемся по протесту Генерального Прокурора СССР в Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР. В определении коллегии есть такое место: «Суд недостаточно полно исследовал обстоятельства дела и поэтому не установил, имеется ли возможность восстановления нормальных брачных отношений между супругами. Выяснение же действительных взаимоотношений сторон тем более необходимо, что ответчица К. при подаче в народный суд заявления о разводе по существу присоединилась к заявлению мужа, согласившись на расторжение брака»¹. Ссылка на присоединение ответчицы к заявлению о разводе имеет в этом деле значение указания на взаимное согласие как на обстоятельство, свидетельствующее об отсутствии возможности восстановления нормальных отношений между супругами.

Примерно такой же характер имеет указание на отсутствие возражений против развода в деле супругов Т. и С. Суд отказал в иске, мотивируя тем, что возникшие между супругами конфликты «вызваны случайными причинами». Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отвергает рассуждения суда следующим образом: из материалов дела и объяснений ответчицы видно, что она, оставив семью, окончательно переехала к другому человеку и «не возражала против иска Т. о расторжении брака». «При этих обстоятельствах,— говорится в этом определении,— мотивы суда, отказавшего в разводе, нельзя признать обоснованными»².

Такой же характер носит ссылка Верховного суда СССР на категорическое нежелание ответчицы продолжать брак в деле Котляровых. В определении по этому делу указывается на обоснованность материала дела довода истца относительно неблагоприятного поведения ответчицы, отказывающей ему в помощи и внимании, в то время как он в этом особенно нуждается (полная слепота). Но наряду с этим доводом в пользу удовлетворения иска о разводе Верховный суд счел нужным указать еще на один: «Ответчица, как и истец, категорически отказались от примирения и продолжения совместной жизни, так как постоянные ссоры крайне отрицательно влияют на воспитание детей. При наличии таких данных вывод суда о том, что стороны могут продолжать брак, является

¹ «Социалистическая законность» 1952 г. № 11, стр. 85.

² «Социалистическая законность» 1953 г. № 3, стр. 92.

ошибочным и противоречит п. 1 постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г.»¹.

В приведенных делах обоюдное желание расторгнуть брак фигурирует в качестве обстоятельства, усиливающего доводы в пользу развода, но не являющегося решающим, исключающим другие мотивы. В воспроизводимых ниже делах твердое и непреклонное желание развода со стороны обоих супругов выдвигается в качестве обстоятельства, решающего вопрос о разводе.

Так в деле Дрожняк Судебная коллегия Верховного суда СССР по гражданским делам в определении, вынесенном по протесту Генерального Прокурора СССР, указывая на неправильность отказа в разводе, пишет: «на протяжении ряда лет супруги живут раздельно в различных городах и попыток к примирению не делали. Как видно из объяснений в суде ответчицы, а также из ее жалобы, ответчица считает невозможным восстановление брачных отношений. При таких обстоятельствах утверждение суда о том, что истец не привел доводов к расторжению брака, является неправильным, так как из материалов дела видно, что доводы истца признаны обоснованными ответчицей и свидетельствуют о невозможности возобновления брачных отношений между супругами»².

Такую же постановку вопроса мы находим в деле, рассматривавшемся по протесту Генерального Прокурора СССР в Пленуме Верховного суда СССР. Суд, рассматривавший дело о разводе, в разводе отказал, мотивируя это тем, что «истец не мог привести причин и обоснованных доводов, которые могли бы послужить основанием для расторжения брака». В своем постановлении по этому делу Пленум Верховного суда СССР специально останавливается на разборе вопроса о том, было ли в этом деле взаимное согласие на развод, так как это обстоятельство имело здесь решающее значение. Пленум указывает: «В своем письме к истцу и в заявлениях на имя судебных органов ответчица выражает твердое желание расторгнуть брак, так как считает совместную жизнь с истцом невозможной». В заявлении, поданном в Верховный суд СССР, ответчица просит отменить решение, которым отказано в разводе, указывая на свое неуважение к истцу, нелюбовь и презрение к нему. «Таким образом,— заключает Пленум Верховного суда СССР,— по делу имеются данные, свидетельствующие о том, что стороны совместно добиваются расторжения брака из-за отсутствия чувства уважения и привязанности друг к другу, что семья фактически распалась и восстановление ее исключается»³.

Эти судебные дела служат доказательством того, что идея взаимного согласия как основания для расторжения брака так или иначе, с той или иной силой пробивает себе дорогу, будучи подсказана логикой жизни, не прислушаться к которой, не считаться с которой мы не можем.

Мы полагаем, что было бы вполне в духе всего нашего законодательства о браке и разводе, если бы в нашей практике и в законе нашла отражение мысль, что когда суд с несомненностью устанавливает свободное, непринужденное и непоколебимое намерение развестись (не поколебленное процессом о разводе, в частности, мерами суда, направленными к примирению супругов), то это обстоятельство само по себе должно рассматриваться судом как основание к расторжению брака. Это должно рассматриваться как одно из доказательств невозможности сохранения семьи и совместной жизни и, следовательно, как одно из доказательств необходимости расторгнуть брак.

¹ «Социалистическая законность» 1953 г. № 4, стр. 94.

² Там же.

³ «Социалистическая законность» 1952 г. № 11, стр. 85.

Но не будет ли признание обоюдного согласия на развод в качестве основания для расторжения брака в какой-то мере означать индивидуалистический взгляд на брак как на частное отношение, в котором господствует произвол «договаривающихся сторон», в которое нет доступа для вмешательства государства с точки зрения интересов общества?

Такого рода сомнения нам кажутся неосновательными. У социалистического общества не может быть никакого интереса в том, чтобы добиваться продолжения брака в том случае, когда есть такая уважительная причина, а в наличии ее суд должен убедиться, насколько твердо и определенно нежелание обоих супругов продолжать брак.

Уместно здесь напомнить те общие, совершенно правильные критерии для расторжения брака, которые даны в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г.: брак расторгается в том случае, когда «суд придет к убеждению, что возбуждение дела о разводе вызвано глубоко продуманными и обоснованными мотивами и что дальнейшее сохранение брака будет противоречить принципам коммунистической морали и не может создать нормальных условий для совместной жизни и воспитания детей»¹. Всем этим критериям и отвечает разбираемый нами случай развода, в том числе и указанию насчет детей. Сохранение брака при нежелании обоих супругов продолжать брак исключает нормальные условия для совместной жизни супругов и, конечно, очень мало может способствовать созданию правильных условий для воспитания детей.

Вопрос о том, нужно ли отличать развод по желанию только одной стороны от развода по обоюдному желанию, в истории нашего бракоразводного законодательства уже стоял однажды. Напомним, что в первых советских законах о браке — в декрете от 19 декабря 1917 г. и в брачно-семейном кодексе 1918 года — между двумя этими видами развода делалось различие: развод по одностороннему заявлению мог рассматриваться только в суде, развод же по обоюдному желанию мог совершаться как через суд, так и через загс.

Такой порядок существовал почти девять лет. И хотя судебное рассмотрение дел о разводе в ту пору носило иной характер, чем теперь (суд при всех условиях, даже при одностороннем заявлении о разводе не имел права отказывать в разводе), но возможность обращения в загс вместо суда только для случаев развода по обоюдному желанию свидетельствовала, несомненно, о том, что законодатель как-то выделял эти случаи развода.

Мы думаем, что в процессуальном отношении нам и сейчас следовало бы отразить особенность этих дел. Нет надобности становиться на тот путь регулирования этого вопроса, на котором стояли наши первые законы, т. е. на путь предоставления права при наличии обоюдного согласия обращаться за разводом в загс. Судебная форма разбирательства необходима и для этих случаев: именно она может дать наибольшие гарантии того, что будет предпринята авторитетная попытка примирить супругов и что будет установлено действительное, непринужденное и твердое желание обоих супругов расторгнуть брак. Но, учитывая особенность этих дел, было бы разумным, нам кажется, пойти на некоторое упрощение порядка прохождения в суде части этих дел, а именно: в тех случаях, когда заявление о разводе с самого начала подается обоими супругами, рассматривать дело непосредственно в областных (краевых) судах, минуя стадию рассмотрения дела в народном суде.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 11.

ОХРАНА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

*Прокурор гражданско-судебного отдела прокуратуры
Архангельской области К. Седунов*

Огромной заботой окружены дети в Советском Союзе, в стране победившего социализма, где обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники составляет существенные черты и требования основного экономического закона общественного развития. Государственная охрана интересов матери и ребенка является конституционным принципом социалистического государства (ст. 122 Конституции СССР).

Важную роль в охране прав и законных интересов детей и их родителей играет Советский суд. Судебное разрешение споров о детях представляет собой один из серьезных участков работы судов по защите прав и законных интересов детей и их родителей.

Опубликованная практика Верховного суда СССР дает основание для ряда выводов, имеющих существенное значение для правильного разрешения споров о детях.

При разрешении спора о ребенке суд должен исходить исключительно из интересов ребенка.

Споры о детях можно разделить на споры между родителями и споры между родителями и третьими лицами, т. е. лицами, не являющимися родителями детей. Споры о детях можно также разделить на споры между добросовестными сторонами, т. е. сторонами, не заслуживающими какого-либо упрека в качестве воспитателей, и споры между добросовестными и недобросовестными сторонами.

Принцип разрешения споров о детях закреплен в самом законе: «Родители, — говорится в ст. 44 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР, — вправе требовать в исковом порядке возврата детей от любого лица, удерживающего детей у себя не на основании законов или постановления суда, причем суд не связан формально правом родителей и разрешает дело каждый раз, исключительно исходя из интересов детей».

Этот принцип применяется не только тогда, когда спорят родитель и третье лицо, но и в тех случаях, когда спорят родители. «При разрешении споров о детях, — указывается в п. 8 постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. «О судебной практике по делам о расторжении брака», — суд должен исходить прежде всего из интересов детей, учитывая при этом пожелания супругов, условия жизни каждого из них, а также возраст детей и их личную привязанность к тому или иному родителю»¹.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 11, стр. 1—4.

Задача надлежащего воспитания ребенка и подготовка его к полезной для общества деятельности является делом большого общественного значения. При разрешении спора о ребенке суд вправе и обязан присудить ребенка лишь той стороне, которая может более успешно справиться с этой задачей.

В связи с этим заслуживают внимания следующие дела, рассмотренные Верховным судом СССР.

В 1941 году бывшие супруги О. и К. после расторжения брака начали раздельное проживание в разных населенных пунктах. В 1942 году у О. родился сын, отцом которого является К. О. привезла сына к К. и оставила ребенка у отца, но в 1944 году она предъявила к К. иск о возврате ребенка. Решением народного суда в иске О. было отказано. Признавая решение народного суда правильным, Пленум Верховного суда СССР указал: «По делу бесспорно устанавливается, что О. оставила большого годовалого ребенка у отца, несмотря на возможность воспитывать его самой, и в течение около двух лет не проявляла к ребенку никакой материнской заботы. При этих условиях суд правильно признал, что воспитание ребенка, который находится в хороших условиях у отца, не может быть передано матери»¹.

Демичева С. А. предъявила к Демичевой М. Ф., золовке (т. е. сестре своего бывшего мужа), требование об отобрании сына Владимира, усыновленного теткой. Решением народного суда иск был удовлетворен. Верховный суд СССР отменил это решение как вынесенное по необследованному материалу. Верховный суд СССР указал, в частности, что истица бросила свою семью, не поставив ее в известность о своем местопребывании, и в течение длительного времени не осуществляла материнских обязанностей по отношению к своему малолетнему сыну. «Имеющиеся в деле доказательства, — указывается в определении Верховного суда СССР, — говорят за оставление ребенка на воспитании у его тетки М. Ф. Демичевой, а не за передачу ребенка матери»².

В 1941 году Соболев В. вступил в брак с Соболевой Н. При вступлении в брак Соболев В. имел двух детей от другого брака. Вскоре после вступления в брак Соболев В. выбыл на фронт. С 1945 года Соболев В. прекратил переписку с женой и перестал оказывать материальную помощь на содержание детей. После того как народный суд вынес решение о взыскании с него алиментов на детей, Соболев В. предъявил иск о расторжении брака и передаче детей на его воспитание. Решением областного суда в удовлетворении иска о передаче детей было отказано.

Отменяя определение вышестоящего суда, Верховный суд СССР указал, что «в интересах детей они должны находиться на воспитании у Соболевой, так как жилищные и материальные условия, в которых воспитываются дети в этой семье, хорошие, отношение воспитателей к детям исключительно заботливое, Соболева любит детей, а дети к ней привязаны и считают Соболеву своей матерью», Соболев В. не только не принимал участия в воспитании детей с 1941 года, но длительное время с 1945 по 1946 год не оказывал им материальной помощи. Несмотря на то, что областной суд оставил детей у мачехи, а не передал

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1946 г., вып. IV, стр. 7—8.

² Определение по делу № 36/842 по иску Демичевой С. А. к Демичевой М. Ф. об отобрании сына — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1947 г., вып. II, стр. 7—8.

их кровному отцу, Верховный суд СССР признал решение областного суда правильным, как вынесенное в интересах детей»¹.

По спорам о передаче детей на воспитание суд обязан выяснить как условия, в которых живет и воспитывается ребенок у ответчика, так и возможные условия жизни и воспитания ребенка у истца.

Подробное выяснение бытовых условий и воспитания у каждой стороны, морального облика истца и ответчика, их желаний, личной привязанности составляет одну из основных задач суда, рассматривающего спор о детях.

Верховный суд СССР неоднократно отменял решения нижестоящих судов по делам рассматриваемой категории вследствие того, что эти решения были вынесены без достаточного исследования и учета существенных обстоятельств. «По делам о передаче детей на воспитание от одного лица к другому, — указывается в одном из определений Верховного суда СССР, — необходимо с привлечением органов опеки произвести обследование бытовых условий жизни детей и даваемого им воспитания у ответчика, а также возможных условий жизни и воспитания у истца и разрешить дело исходя исключительно из интересов детей. По данному делу такого обследования условий жизни воспитания детей произведено не было. Между тем такое обследование является необходимым и его следует произвести при новом рассмотрении дела»².

Порядок обследования бытовых условий и воспитания детей урегулирован инструктивно-методическими указаниями Наркомпроса РСФСР от 22 декабря 1945 г. «Об участии отделов народного образования в разрешении споров раздельно живущих родителей о детях». Эти указания предусматривают представление в суд акта обследования, утвержденного заведующим отделом народного образования, и обязательное участие в судебном заседании народного суда представителя органа опеки³.

Верховный суд СССР неоднократно указывал на необходимость явки представителя органа опеки в судебное заседание суда первой инстанции⁴.

¹ Определение по делу № 36/314 по иску Соболева к Соболевой о расторжении брака и передаче детей на воспитание — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 6, стр. 22—23. См. также определение по делу № 36/628 по иску Марголис к Микшта об отобрании ребенка — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1946 г., вып. IX, стр. 3—4; определение по делу № 36/978 по иску Мамедова к Алиевой о передаче детей на воспитание — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 3, стр. 37—38.

² Определение по делу № 29 по иску Вартамян к Нерсесовой о передаче детей на воспитание — «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1944 г.», Юридическое издательство, Москва, 1948 г., стр. 343; см. также определение по делу № 4 по иску Андреева о расторжении брака — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1948 г., вып. IV, стр. 21—22; определение по делу № 36/247 по иску Сучковой К. Ф. к Сучкову А. Г. о передаче детей на воспитание — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 6, стр. 20—21; определение по делу № 36/698 по иску Тереховой Е. А. к Мериц М. М. и Мериц А. А. об отобрании ребенка — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 12, стр. 23—24.

³ «Вопросы брака и семьи в суде», Справочник для народных судей, Госюр-издат, М., 1949, стр. 49 и сл.

⁴ Определение по делу № 36/978 по иску Мамедова к Алиевой о передаче детей на воспитание — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 3, стр. 37—38; определение по делу № 36/698 по иску Тереховой Е. А. к Мериц М. М. и Мериц А. А. об отобрании ребенка — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 12, стр. 23—24.

Лучшие материальные условия у одного из родителей не являются достаточным основанием для передачи ему ребенка на воспитание.

Воспитание ребенка не может быть передано одной из сторон только потому, что она может обеспечить ребенку лучшие материальные условия. Лучшие материальные условия, которыми обладает сторона, есть лишь одно из существенных обстоятельств, учитываемых судом при разрешении спора.

С 1948 года Б. и З. состоят в браке и имеют дочь М., 1944 года рождения. Супруги вместе не проживают, хотя брак между ними не расторгнут. Б. предъявил к З. иск об изъятии ребенка и передаче дочери истцу. Решением народного суда иск был удовлетворен по тем мотивам, что истец Б. является более материально обеспеченным, тогда как ответчица З. не имеет необходимых условий для воспитания ребенка. Отменяя решение народного суда, Верховный суд СССР указал: «Сам по себе факт материальной обеспеченности истца не является обстоятельством, достаточным для удовлетворения его иска о передаче ему на воспитание ребенка, поскольку интересы ребенка не обеспечиваются лишь одними материальными условиями его воспитания... Из приобщенного к делу акта обследования жилищно-бытовых условий сторон видно, что мать создает для ребенка все условия для его нормального воспитания и физического развития»¹.

В определении, вынесенном по другому делу, Верховный суд СССР указал, что «худшие материальные условия матери, чем отца, не являются препятствием к оставлению детей у матери, тем более, что они могут быть улучшены получением на детей алиментов»².

В определении, вынесенном Верховным судом СССР еще раньше, указывается, что «имея лучшие материальные условия, отец ребенка не лишен права, помимо алиментных выплат, оказывать ребенку дополнительную помощь»³.

Высказанное ребенком желание жить у того или иного родителя должно учитываться судом при разрешении споров родителей о детях, но оно не может быть решающим доводом при определении, у кого из родителей ребенок должен находиться на воспитании.

Еще в 1936 году в постановлении всесоюзного совещания по гражданским делам было отмечено, что при разрешении споров о детях должно приниматься во внимание и собственное желание ребенка, в особенности, достигшего более сознательного возраста, поскольку это желание соответствует жизненным интересам ребенка⁴.

Желание ребенка проживать у того или иного родителя должно учитываться судом при разрешении спора, но оно не может служить решающим аргументом при определении, у кого из родителей ребенок должен находиться на воспитании. Дети не имеют жизненного опыта,

¹ Определение по делу № 36/661 по иску Беглярбекова к Зейналовой об отобрании ребенка — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 11, стр. 38—39.

² Определение по делу № 36/903 по иску Ягода к Берлин о расторжении брака — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 1, стр. 36—37.

³ Определение по делу № 200 по иску Г. Я. Хажалия к Н. И. Швагирадзе — «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1944 г.», Юридическое издательство, Москва, 1948, стр. 342; см. также определение по делу № 36/247 по иску Сучковой К. Ф. к Сучкову А. Г. о передаче детей на воспитание — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 6, стр. 20—21.

⁴ «Вопросы брака и семьи в суде», Справочник для народных судей, Госюриздат, М., 1949, стр. 60.

и желание детей может не соответствовать их жизненным интересам. Суд же, разрешая спор о ребенке, может и обязан правильно установить и оценить бытовые условия каждой стороны и определить сторону, способную обеспечить лучшее воспитание ребенка.

Характерно следующее дело. Андрева предъявила к Андрееву иск о расторжении брака. Решением Верховного суда Латвийской ССР иск был удовлетворен и постановлено брак Андреевых расторгнуть, а дочь Татьяну передать на воспитание отцу до десятилетнего возраста, после чего ребенок сам может определить, у кого из родителей он желает остаться. Отменяя это решение в части спора о ребенке, Верховный суд СССР отметил, что подобное «указание прямо противоречит нормам Кодекса законов о браке, семье и опеке. Законом не предоставлено несовершеннолетним детям самим разрешать вопрос о том, при ком из родителей они желают жить. Разрешая спор родителей по вопросу, при ком из них должны оставаться несовершеннолетние дети, суд обязан, исходя из возраста детей, установить желание детей и учесть это при вынесении решения»¹.

Интересно также другое дело. В 1937 году Терехова родила дочь Альбину от брака с Мериц Вильгельмом. В 1942 году в связи с обстоятельствами военного времени Терехова была вынуждена отправить свою дочь к матери мужа и его сестре. Позднее, в связи с тем, что свекровь и золовка отказались возвратить девочку ее матери, Терехова предъявила иск об истребовании ребенка. Решением народного суда было отказано в удовлетворении иска Тереховой, причем суд сослался на то, что «двенадцатилетний ребенок сам способен решить вопрос о том, к кому он хочет идти жить». Отменяя решение народного суда, Верховный суд СССР указал, что «разрешение вопроса, при ком должны проживать несовершеннолетние дети, не может быть предоставлено их усмотрению. Суд обязан установить желание детей и учесть это желание при вынесении решения в совокупности со всеми обстоятельствами»².

Хотя желание ребенка остаться на воспитании той или иной стороны не является решающим обстоятельством при разрешении спора о ребенке, это желание, выражающее личную привязанность ребенка, должно учитываться судом при разрешении споров подобного рода, если желания детей соответствуют их жизненным интересам.

В особенности суд должен учитывать желания ребенка, достигшего более сознательного возраста. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР неоднократно отменяла постановления нижестоящих судов вследствие игнорирования этих желаний.

С. предъявил иск к бывшей жене М. о передаче ему на воспитание сына Вилена. Мальчику Вилену 14 лет. В течение почти двух лет он находится на воспитании отца. При рассмотрении дела в суде Вилен заявил, что он хотел бы остаться жить у отца, а не у матери. Верховный суд Грузинской ССР отказал в удовлетворении иска. Отменяя решение этого суда, Верховный суд СССР указал: «При наличии столь определенно выраженного мальчиком Виленом желания жить с отцом, а не с матерью, передачу мальчика матери при помощи принудительных мер нельзя признать допустимой, тем более, что оставление его у отца не ли-

¹ Определение по делу № 4 по иску Андреева о расторжении брака — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1948 г., вып. IV, стр. 21—22.

² Определение по делу № 36/698 по иску Тереховой Е. А. к Мериц М. М. и Мериц А. А. об отобрании ребенка — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 12, стр. 23—24; см. также определение по делу № 36/1027 по иску Симоновой к Егоровой о возврате ребенка — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 1, стр. 35—36.

шает мать права принимать участие в его воспитании, чему отец мальчика не создаст препятствий»¹.

При разрешении исков родителей об отобрании детей от родственников или посторонних лиц следует иметь в виду, что родитель имеет преимущественное перед ними право непосредственно воспитывать своего ребенка.

Родители и дети связаны друг с другом родительской любовью, отцовской заботой, материнской лаской и т. д. Именно на родителях лежит обязанность заботиться о несовершеннолетних детях, об их воспитании и подготовке к общественно-полезной деятельности (ст. 41 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР).

Родители вправе требовать в исковом порядке возврата детей от любого лица, удерживающего детей у себя без законного основания (ст. 44 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР).

Поэтому в случае спора родителя и третьего лица о ребенке суд может отказать родителю в иске о возврате ребенка только в том случае, если родитель не может обеспечить надлежащего воспитания ребенка.

Обстоятельная аргументация этого вывода дана в одном из определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР. Тедеева, сноха, предъявила к Кочиеву, свекру, иск об отобрании ребенка. Решением народного суда иск был удовлетворен. Оставляя решение народного суда в силе, Верховный суд СССР указал: «По закону... содержание детей, их воспитание и подготовка к общественно-полезной деятельности составляют обязанность родителей, и родителям предоставляется право требовать в исковом порядке возврата детей от любого лица, удерживающего детей у себя. При разрешении иска родителей к лицам, удерживающим у себя ребенка, суд не связан формально правом родителей и разрешает дела, каждый раз исходя из интересов детей, и если отказывает родителям, то сообщает о том соответствующим органам опеки и попечительства для назначения опекуна. Указанное положение следует рассматривать в том смысле, что суд может отказать родителям в иске о возврате ребенка только в том случае, если родители не могут обеспечить надлежащее воспитание ребенка и если с передачей ребенка родителям его интересы будут нарушены. Никаких материалов, свидетельствующих о том, что истица Тедеева как мать ребенка не выполняет лежащих на ней обязанностей, в деле не имеется, а поэтому решение народного суда об удовлетворении иска Тедеевой следует признать правильным»².

Заслуживает внимания также определение Верховного суда СССР, вынесенное по другому делу. В 1944 году Симонова передала свою дочь Нелли на временное воспитание своей сестре Егоровой. В связи с отказом Егоровой возвратить девочку Симонова предъявила иск об изъятии ребенка. Решением народного суда иск был удовлетворен. Признавая решение народного суда правильным, Верховный суд СССР указал: «...Принимая во внимание, что истица как мать ребенка ничем не опорочена и что... она может дать этому ребенку лучшее по сравнению

¹ Определение по делу № 36/589 по иску С. к М. о передаче сына — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 9, стр. 37—38; см. также определение по делу о передаче детей на воспитание — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 6, стр. 22—23; определение по делу № 36/978 по иску Мамедова к Алиевой о передаче детей на воспитание — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 3, стр. 37—38; определение по делу № 03/265 по иску Козыревой А. А. к Козыревой А. С. о передаче на воспитание внучки — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 6, стр. 39—41.

² Указанный сборник, стр. 347—348.

с ответчицей воспитание, — суд правильно вынес решение об удовлетворении указанного иска. Истина является матерью ребенка, а поэтому она даже при наличии равных с ответчицей условий имеет перед последней преимущественное право непосредственно воспитывать своего ребенка. При наличии же лучших условий для воспитания ребенка... лишение истицы такого права тем более является неправильным». «Нежелание ребенка, — указывается далее, — было бы существенным обстоятельством лишь в случае проживания ребенка с другим родителем, тогда как данный иск предъявлен об изъятии ребенка по существу от посторонних ему лиц»¹.

На практике встает вопрос о том, имеет ли добросовестная мать какие-либо преимущества перед добросовестным отцом в случае их спора о ребенке. Закон не устанавливает таких преимуществ. Принцип разрешения споров о детях состоит в том, что спор о ребенке должен быть разрешен в интересах самого ребенка. Поэтому не может быть признана правильной сама постановка подобного вопроса с преимуществами. Но в раннем детстве дети особенно нуждаются в уходе матери, и это не могло не отразиться на судебной практике. Относительно принципа разрешения споров о детях между родителями Верховный суд СССР не сделал того безоговорочного вывода, который он сделал относительно принципа разрешения споров о детях между родителями и третьими лицами и который заключается в том, что родители имеют преимущественное право на воспитание детей. Тем не менее опубликованная судебная практика дает основание прийти к заключению, что при споре о ребенке раннего возраста ребенок должен быть передан на воспитание добросовестной матери. В ряде подобных случаев Верховный суд СССР выносил определения, предопределяющие разрешение споров в пользу матери при отсутствии каких-либо данных, порочащих отца как такового.

В приведенном выше определении по иску Беглярбекова к Зейналовой об отобрании ребенка Верховный суд СССР указал: «В данном случае суд не учел того, что девочка Махнара, рождения 1949 года, находится в таком возрасте, в котором ребенок особенно нуждается в уходе матери»².

По иску Хажалия к Швагирадзе об изъятии ребенка Верховный суд СССР указал, что изъятие ребенка «такого возраста (ребенок имеет возраст два с половиной года. — К. С.) у матери и передача его отцу могут быть произведены только при том условии, если мать лишает ребенка необходимой заботы и не дает ему нормального воспитания»³.

По иску Квиташвили к Чхиквадзе Верховный суд СССР указал как на одно из обстоятельств, не учтенных Верховным судом союзной республики, что «ребенку пять лет и в указанном возрасте он нуждается в материнском уходе»⁴.

В каждом из приведенных случаев нельзя сделать какого-либо

¹ Определение по делу № 36/1027 по иску Симоновой к Егоровой о возврате ребенка — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 1, стр. 35—36; см. также определение по делу № 44, 1946 г. по иску Фридвальд к Лещиц — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1946 г., вып. II, стр. 24; определение по делу № 99 по иску Ахвердовой-Квиташвили к Николашвили о возврате ребенка — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1948 г., вып. IV, стр. 26—27.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 11, стр. 38—39.

³ Определение по делу № 200 по иску Г. Я. Хажалия к Н. И. Швагирадзе, см. указанный сборник, стр. 342; см. также определение по делу № 20 по иску Пузановой к Пузанову об отобрании ребенка — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1948 г., вып. IV, стр. 23—24.

⁴ Определение по делу № 36/1143 по иску Квиташвили к Чхиквадзе — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 1, стр. 37—38.

упрека отцу как таковому, однако, по мнению Верховного суда СССР, ребенка следовало передать матери.

При разрешении споров о разобщении детей суд должен учитывать благотворное влияние воспитания детей в одной семье, привязанность детей друг к другу и т. п.

Рассматривая иск Чагина к Чагиной о расторжении брака, областной суд оставил дочь у отца, а сына у матери. Отменяя решение областного суда, Верховный суд СССР указал, что областной суд ничем не мотивировал передачу одного ребенка истцу, а другого ответчице. «Из материалов же дела усматривается, что дети сторон все время воспитывались вместе, имеют друг к другу привязанность, ввиду чего их разобщение нецелесообразно и необходимостью не вызывается... если суд пришел к выводу, что как истец, так и ответчик могут дать детям надлежащее воспитание и что условия воспитания у сторон одинаковые, то, исходя из интересов детей, следовало передать обоих детей ответчице или же оставить обоих их у отца»¹.

При разрешении спора о ребенке суд должен вынести решение, исключаящее два разных режима воспитания ребенка.

Суд может отказать родителю в иске о передаче ему ребенка, но такое решение суда не исключает для родителя, не лишено родительских прав, возможности оказывать влияние на воспитание ребенка. Однако все подобные меры должны осуществляться родителем по согласованию с другим родителем и не должны создавать двух различных режимов воспитания ребенка.

Кварцхава предъявил к Редковой иск об отобрании ребенка. Народный суд в иске Кварцхава отказал, но обязал мать не препятствовать отцу ребенка осуществлять надзор за ребенком: брать ребенка два раза в неделю к себе домой, в любое время встречаться с ребенком, непрерывно наблюдать за ростом и правильным развитием ребенка. Кассационная инстанция своим определением оставила решение народного суда в силе, добавив, что отец ребенка может оставлять его у себя на два дня в неделю с ночевкой. Отменяя указанные решения, Верховный суд СССР отметил, что они создают два разных режима воспитания ребенка и фактически снимают всякую ответственность с матери за воспитание ребенка, так как суд решил оставить ребенка на воспитании у матери, «... отец ребенка, поскольку он не лишен родительских прав, вправе не только уплачивать алименты, но и влиять как отец на воспитание ребенка, однако, все его действия в этом направлении должны быть согласованы с матерью ребенка»².

Иски родителей по поводу воспитания ребенка могут предъявляться на протяжении всего времени, пока ребенок не достигнет совершеннолетия.

Наличие вступившего в законную силу решения суда по спору о ребенке не исключает права на возбуждение нового спора о ребенке между теми же сторонами. В случае изменения условий воспитания ребенок может быть передан той стороне, которой в удовлетворении иска раньше было отказано³.

¹ Определение по делу № 36/1193 по иску Чагина о расторжении брака — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 41—42.

² Определение по делу № 36/677 по иску Кварцхава к Редковой об отобрании ребенка — «Судебная практика Верховного суда СССР» 1946 г., вып. IX, стр. 4.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР № 316 от 15 марта 1941 г., Справочник «Вопросы брака и семьи в суде», стр. 65; см. также приведенное выше определение по делу Кварцхава и Редковой.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО ПРАВА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

А. Аркадьев

1. В судебной практике по трудовым делам нередко возникают споры по применению перечня № 1 категорий ответственных работников, дела которых об увольнении и восстановлении в должности не подлежат рассмотрению в РКК и суде (постановление НКТ СССР от 18 октября 1929 г.).

Названный перечень сильно устарел. В нем указаны такие должности и организации, которые сейчас не встречаются. Вместе с тем перечень не включает в себя наименований некоторых должностей, которые имеются теперь во многих предприятиях, и наименований таких организаций, которые созданы после утверждения перечня (например, главный конструктор, главный технолог, управление начальника работ, строительномонтажное управление и т. д.).

Наряду с этим в перечне встречаются неясности, порождаемые не совсем точной редакцией отдельных пунктов, так в пп. 6, 7 и 8 перечня упоминаются начальники и заведующие отделами в учреждениях и организациях, а в п. 12 упоминаются начальники и заведующие производственными отделами на фабриках, заводах и других производственных предприятиях. Поскольку в пп. 6, 7 и 8 перечня заводы, фабрики и другие производственные предприятия не упомянуты, получается, что начальник не производственного (а любого другого) отдела фабрики и завода не подпадает под действие перечня. Такой вывод является явно несправедливым, а между тем в практике он встречается, причем в защиту этого вывода приводится довод о недопустимости распространительного толкования перечня.

Известно, что Пленум Верховного суда в п. 3 постановления от 11 января 1952 г. указал на недопустимость расширительного применения перечня категорий ответственных работников, дела об увольнении которых разрешаются в административном порядке. Однако следует отличать расширительное применение перечня от разумного, логического и правильного применения, соответствующего реальной обстановке, значению той или иной категории или должности ответственного работника в сравнении с другими должностями и с общим положением дела в той или иной области народного хозяйства и управления.

В одном судебном деле рассматривался иск о восстановлении на работе помощника начальника работ. Данная должность не значится в перечне № 1, — в нем упоминаются начальники (руководители) предприятий и их заместители, но не упоминаются помощники начальников (руководителей) предприятий. Тем не менее ответчик считал, что помощник начальника работ подпадает под действие перечня № 1, и возбудил ходатайство о прекращении дела в судебном порядке.

Помощник начальника является одним из руководителей наряду с главным инженером (заместителем начальника). Правильность этого положения подтверждается сравнением с другим перечнем должностей — перечнем категорий ответственных работников, подпадающих под дей-

ствие постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1929 г. «О дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности». Указанный перечень утвержден постановлением НКТ РСФСР 4 августа 1932 г. и содержит в п. 3 указание о руководителях учреждений и предприятий, их штатных заместителях и помощниках. Следовательно, если бы речь шла об увольнении помощника начальника в порядке дисциплинарного взыскания (а это условие в данном деле отсутствовало), то вопрос о восстановлении его на работе, несомненно, подлежал бы разрешению в административном порядке.

Почему же должен применяться различный порядок рассмотрения вопроса о восстановлении работника на работе в зависимости от причины или формулировки увольнения? Никаких оснований для этого нет.

Из сравнения обоих перечней становится очевидным, что позднее утвержденный перечень от 4 августа 1932 г. исправил и восполнил редакционное упущение устаревшего перечня от 18 октября 1929 г., не упоминающего о помощнике руководителя предприятия.

Другое подтверждение правильности восполнения недостающей должности помощника руководителя предприятия в перечне работников, относительно которых установлен административный порядок рассмотрения дел об увольнении, можно найти в постановлении секретариата ВЦСПС от 8 мая 1939 г., которое регулирует порядок оплаты при замещительстве. В п. «а» этого постановления выплата разницы в окладах ставится под условие, что замещающий не является штатным заместителем или помощником замещаемого.

Таким образом, позднее (после утверждения перечня 1929 г.) законодательство исходит из того, что заместители и помощники, в частности, руководителя предприятия, должны рассматриваться как должностные лица, занимающие одинаковое правовое положение как представители администрации, хотя по своим функциям, правам и обязанностям они, разумеется, могут значительно отличаться друг от друга.

Эти соображения могут быть дополнены еще одним важным моментом. В перечень от 18 октября 1929 г. включены должностные лица, подчиненные помощнику начальника предприятия: например, начальники некоторых отделов (отдел снабжения), начальник пожарной охраны (пп. 7, 8 и 13 перечня). Если считать, что помощник начальника предприятия, не внесенный в перечень, не подпадает под его действие, то оказывается, что дела об увольнении лиц, подчиненных помощнику, рассматриваются в административном порядке, тогда как дело об увольнении самого помощника должно рассматриваться в общем судебном порядке. Абсурдность такого положения не оставляет сомнений.

Из этого ясно, что одно дело — расширительное применение перечня, которое запрещено постановлением Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1952 г., т. е. распространение перечня на лиц, в нем не указанных и по своему должностному положению не могущих войти в число работников, относительно которых закон устанавливает особый, исключительный порядок, а другое дело — применение перечня к лицам, которые в нем хотя и не указаны, но по своему должностному положению ничем не отличаются от лиц, перечисленных в перечне.

В таком же положении, как помощник начальника предприятия, находятся и другие ответственные работники (например, главный конструктор, главный технолог, главный механик и др.). Было бы нелепо рассматривать их как рядовых работников, не подпадающих под действие перечня № 1 от 18 октября 1929 г.

Такой практики придерживается и Верховный суд СССР. «Заведующий магазином (не указанный в перечне № 1 от 18 октября 1929 г.—

А. А.), в распоряжении которого находятся продавцы и другие лица, работающие в магазине, может быть приравнен по положению к начальнику отдела, и вопрос о восстановлении его на работе подлежит разрешению в административном порядке» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 8, стр. 27).

К сожалению, суды не всегда стоят на изложенной позиции. Поэтому пересмотр и уточнение этого перечня является делом необходимым и неотложным.

2. Разрешение спора о восстановлении на работе работника, уволенного по собственному желанию, представляет также значительный интерес. Такие споры встречаются в судебной практике, но порядок их разрешения ни действующим трудовым законодательством, ни руководящими указаниями Пленума Верховного суда СССР не регламентирован.

Увольнение работника по собственному желанию, т. е. по поданному работником заявлению, формулируется обычно как увольнение по п. «а» ст. 44 Кодекса законов о труде, т. е. как прекращение трудового договора соглашением сторон.

Трудность возникает в определении действительности и правомерности такого соглашения в том случае, когда работник, подавший администрации заявление об увольнении, считает действия администрации, уволившей его по этому заявлению, неправильными и требует восстановления на прежней работе. Обычно в таких случаях работник указывает на отпадение после подачи заявления тех причин или мотивов, которые его вызвали, или ссылается на то, что после подачи заявления об увольнении прошел значительный период времени.

Что является здесь критерием для определения правомерности действий администрации?

Как известно, законом не установлен срок, в течение которого администрация вправе произвести увольнение работника по поданному им заявлению. Из этого иногда делается вывод, что увольнение может быть произведено в любой момент, т. е. независимо от того, сколько прошло времени со дня подачи заявления. Такой общий вывод едва ли можно считать правильным. На практике может оказаться, что увольнение последует через год и более после подачи заявления, а за это время и причины, вызвавшие заявление работника (например, невозможность сработать с теми или другими сотрудниками), и существовавшие в момент подачи заявления возможности для работника перейти на другую подходящую работу уже исчезнут, и в этих условиях увольнение по заявлению, поданному год назад, будет свидетельствовать о неправильном отношении к трудящемуся.

Однако увольнение может быть произведено через несколько недель или несколько месяцев после подачи заявления, причем администрация может ссылаться на необходимость подбора другого работника, для чего необходим известный срок, а также на то, что работник после подачи заявления ничем не обнаружил изменения своего желания уволиться: не взял заявления обратно, не подал нового заявления в отмену прежнего и т. д.

По вопросу о сроке для таких случаев существуют разные точки зрения. Так считают, что для издания приказа об увольнении предельным сроком является срок в четырнадцать дней с момента подачи заявления (по аналогии с давностным сроком по вопросам увольнения, установленным ст. ст. 93² и 93³ Кодекса законов о труде).

Эта точка зрения представляется несостоятельной. Срок в четырнадцать дней, указанный в названных статьях Кодекса, установлен для

обращения работника в РКК или суд для обжалования увольнения. Трудно усмотреть здесь какое-либо основание для аналогии с вопросом об издании администрацией приказа, которым увольняется работник.

Столь же несостоятельным представляется мнение о том, что при отсутствии в трудовом законодательстве указаний о порядке разрешения данного вопроса возможно применение соответствующих правил Гражданского кодекса о договорах.

Сторонники этой точки зрения считают, что правила ст. 131 ГК, установленные для заключения договора, могут быть применены к случаю расторжения трудового договора по собственному желанию в том смысле, что если заявление об увольнении будет подано трудящимся администрации и последняя в тот же день ничем не выразит своего согласия на расторжение трудового договора, то условия для действительности соглашения, о котором говорит п. «а» ст. 44 Кодекса законов о труде, отсутствуют и, следовательно, оснований для увольнения в последующем у администрации нет.

Изложенная точка зрения должна быть отвергнута, как допускающая смешение правовых норм двух разных отраслей советского права: невозможно найти почву для допустимости применения правил Гражданского кодекса к трудовым правоотношениям.

Существует третья точка зрения, по которой предельным сроком для издания администрацией приказа об увольнении в разбираемом случае должен быть семидневный срок, установленный ст. 46 Кодекса законов о труде. Эта точка зрения неприемлема, во-первых, потому, что ст. 46 Кодекса законов о труде в настоящее время утратила силу и было бы неправильно применять ее положения к каким бы то ни было спорам в области трудовых отношений; во-вторых, в указанной статье речь идет опять-таки о правомочиях работника при расторжении трудового договора, но не администрации.

Итак, в данном вопросе никаких критериев для разрешения таких трудовых споров нет. Следует пожелать, чтобы для урегулирования этого вопроса были даны соответствующие указания в законодательном порядке или путем издания руководящего указания Пленума Верховного суда СССР.

3. Одним из спорных вопросов судебной практики по трудовым делам является вопрос о порядке восстановления пропущенного срока по требованиям рабочих и служащих, предъявляемым в РКК и суды. Согласно ст. 93¹ Кодекса законов о труде РКК и народный суд могут принимать к своему рассмотрению заявления, поданные с пропуском сроков, установленных ст. ст. 93² и 93³, если признают, что срок пропущен по уважительным причинам.

В тех случаях, когда дело поступает непосредственно в суд, т. е. без предварительного рассмотрения в РКК, вопрос о восстановлении пропущенного срока решается судом, как правило, по специальному ходатайству истца и с указанием в решении об удовлетворении или отклонении просьбы заявителя о восстановлении срока. Без такого указания в решении по вопросу о сроке разрешение по существу спора в народном суде, как правило, не имеет места, а если суд разрешит по существу спор без предварительного разрешения вопроса о сроке, то решение суда является ошибочным и подлежит отмене.

При разрешении трудового спора в РКК нет такого твердо установленного порядка разрешения вопроса о восстановлении срока, какой применяется органами суда.

Вопрос о восстановлении срока РКК является спорным в том смысле, что в судебной практике нет твердого мнения о том, как должен быть восстановлен РКК пропущенный срок, т. е. требуется ли для этого специальное указание в решении РКК или оно необязательно.

Часто считают, что если РКК рассмотрела спор по существу, то тем самым она восстановила пропущенный срок. Такое указание имеется в одном из определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР: «Если даже признать, что истица обратилась в РКК с пропуском срока, установленного ст. 93² Кодекса законов о труде, то и в этом случае суд не мог прекратить дело производством, поскольку в РКК конфликт рассмотрен по существу и, следовательно, причины пропуска срока признаны уважительными самим фактом рассмотрения заявления истицы...» (определение по иску Бакрадзе— см. «Судебную практику Верховного суда СССР» 1950 г. № 7, стр. 33).

Эта точка зрения имеет под собой солидные основания. Прежде всего, ст. 93⁴ Кодекса формулирует вопрос о порядке восстановления срока таким образом, что это восстановление происходит в форме принятия к рассмотрению заявлений, поданных с пропуском срока. Действительно, в ст. 93⁴ Кодекса сказано, что РКК и суд могут принимать к своему рассмотрению заявления, поданные с пропуском срока. Отсюда следует, что по заявлению, поданному с пропуском срока и не принятому к рассмотрению, срок нельзя считать восстановленным. И обратно: по заявлению, принятому к рассмотрению, срок является восстановленным, поскольку это заявление рассматривается по существу.

Следует лишь заметить, что при правильности этих положений надлежит распространить их и на судебные органы, так как ст. 94¹ говорит как о РКК, так и о суде.

В пользу этого вывода говорят еще и следующие соображения. Как гражданские кодексы, так и кодексы законов о труде союзных республик не содержат указаний о том, в каком порядке должен рассматриваться вопрос о восстановлении пропущенного срока давности. Статья 49 ГК РСФСР говорит о праве суда продлить пропущенный срок исковой давности, но не говорит, как должно произойти это продление. Исходя из соответствующих правил ГПК союзных республик (ст. 63 ГПК РСФСР), судебная практика восприняла метод восстановления (продления) сроков исковой давности применительно к порядку восстановления процессуальных сроков, т. е. в судебном заседании с участием сторон и с обязательным мотивированным указанием в решении о восстановлении пропущенного срока.

Ст. 93⁴ Кодекса законов о труде также прямо не говорит о порядке восстановления пропущенных сроков. Но если принять изложенное выше толкование ст. 93⁴, по которому для восстановления пропущенного срока достаточно принятия заявления к рассмотрению по существу, то этот порядок необходимо признать действующим и в отношении суда, так как при наличии правил о порядке восстановления сроков в материальном законе (ст. 93⁴) нет надобности применять по аналогии правила, установленные ГПК для процессуальных сроков.

Однако вывод о том, что рассмотрением заявления по существу конфликтный орган восстанавливает срок, может быть аргументирован не только с позиций ст. 93⁴ Кодекса законов о труде. Как известно, РКК есть орган паритетный, образуемый из представителей администрации и профсоюзной организации. Административная часть РКК выражает точку зрения администрации по данному спору, и если рабочая часть РКК не согласна с мнением администрации, то она (рабочая часть РКК) фиксирует это несогласие в протоколе. Известно также, что закон

не запрещает администрации производить выплату сумм, по которым истекли давностные сроки.

Следовательно, если администрация в протоколе РКК, принимая или отвергая требование работника, не ссылается на пропуск срока, то это означает, что требование работника признается администрацией основательным или не подлежащим удовлетворению вне зависимости от вопроса о пропуске срока.

Если при этом и рабочая часть РКК не указала в протоколе на пропуск срока и тем самым присоединилась в вопросе о сроке к мнению администрации, то следует сделать вывод, что требование работника подлежит удовлетворению или отклонению только в зависимости от существа спора и вне зависимости от пропуска срока.

Разумеется, если признать правильной эту аргументацию, то восстановление срока фактом рассмотрения заявления по существу должно относиться только к РКК, но не к судебным органам.

Помимо изложенной выше точки зрения, существует мнение, что рассмотрение спора РКК по существу само по себе не означает восстановления пропущенного срока и что для его восстановления требуется особое, отдельное решение РКК.

Эта позиция изложена в постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу Колганова следующим образом: «То обстоятельство, что РКК приняла к рассмотрению заявление Колганова (поданное с пропуском срока давности.— А. А.), не имеет существенного значения для дела, так как РКК не приняла решения о восстановлении срока» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 7, стр. 1—3).

Обоснованность этого указания вытекает из ст. ст. 15 и 16 положения о расценочно-конфликтных комиссиях, утвержденного НКТ СССР 12 декабря 1928 г. В ст. 15 указанного положения устанавливается правило о том, что РКК могут принимать к рассмотрению заявления, поданные с пропуском сроков в случаях, когда срок признан РКК пропущенным по уважительным причинам. Ст. 16 того же положения перечисляет эти уважительные причины.

Если допустить, что восстановление срока происходит автоматически, т. е. в результате рассмотрения заявления по существу, то какой смысл в наличии примерного перечня уважительных причин, содержащегося в ст. 17 положения? Он существует не для того, чтобы РКК, не обращая на него внимания, приняла заявление, поданное с пропуском срока, без определения уважительности или неуважительности причины пропуска срока в конкретном случае, а для того, чтобы РКК, обсудив причины пропуска сроков и оценив их с точки зрения примерного перечня ст. 16 положения, сделала вывод о возможности или невозможности восстановления срока. Поэтому отсутствие в протоколе РКК указания о восстановлении срока означает, что этот вопрос не обсуждался, следовательно, срок не восстанавливался, как и сказано в цитированном постановлении Пленума Верховного суда СССР.

Таким образом, по разбираемому вопросу существуют две противоположные точки зрения, обе снабженные довольно капитальной аргументацией и обе опирающиеся на практику Верховного суда СССР.

Правда, последнее из двух приведенных указаний Верховного суда СССР исходит не из Судебной коллегии, а от Пленума Верховного суда СССР, и поэтому должно считаться более веским. Все же это постановление Пленума по отдельному делу, не имеющее обязательного значения при разрешении других дел. Поэтому общее указание Пленума Верховного суда СССР по данному вопросу является в интересах судебной практики весьма желательным.

ШЕСТАЯ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЛУЧШИХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Прокуратурой СССР ежегодно проводятся учебно-методические конференции лучших следователей органов прокуратуры. Цель таких конференций — обмен опытом работы передовых следователей, обсуждение новых методов расследования и последних достижений науки, используемых для раскрытия преступлений. На конференциях обсуждаются также вопросы организации расследования преступлений.

В текущем году право участвовать в конференции, состоявшейся в Москве, получили 161 следователь. Большинство из них — следователи с большим опытом, показавшие высокое мастерство в расследовании крупных хищений, убийств, разбойных нападений, взяточничества и других особо опасных преступлений. На конференцию были командированы и молодые следователи, наиболее одаренные, добившиеся выдающихся успехов в работе.

Первый день конференции был посвящен обсуждению очередных задач следственного аппарата органов прокуратуры. Доклад сделал заместитель начальника Следственного управления Е. А. Долицкий.

Докладчик охарактеризовал общее состояние борьбы с преступностью и подчеркнул, что в нашей стране неуклонно, из года в год, сокращается число преступлений, укрепляется законность и социалистический правопорядок. Это знаменательное явление — результат тех исторических процессов, которые происходят в нашем социалистическом государстве, результат упрочения общественного строя, роста материального и культурного уровня населения. Совсем другое положение в капиталистических странах, где наблюдается рост преступности. Эксплуатация, разорение и обнищание большинства населения страны как результат извлечения максимальной капиталистической прибыли за счет трудящихся не могут не вызывать постоянного роста преступности.

В Советском Союзе в связи с укреплением законности и социалистического правопорядка отпала необходимость в уголовной ответственности за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления, а также явилась возможность смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления.

В то же время не устранена необходимость сурового наказания лиц, совершающих наиболее опасные для государства преступления.

Одной из основных задач следователей прокуратуры является усиление борьбы с этими преступлениями. Обязанность расследования таких преступлений и вся ответственность за результаты расследования возлагается законом на следственный аппарат органов прокуратуры.

Однако в ряде мест расследование наиболее опасных преступлений, подследственных органам прокуратуры, производилось милицией, следователи же лишь «оформляли» поступившие к ним из милиции расследованные дела, повторяя некоторые следственные действия. Имели место случаи, когда следователи не выезжали на место убийства, не производили осмотра места преступления, не участвовали в судебно-медицинском осмотре и вскрытии трупов. Такого рода положение нельзя не рассматривать как серьезное нарушение закона. Случаи убийства, разбоя, изнасилования сравнительно редки. Но каждое такое преступление затрагивает жизненные интересы граждан, создает обстановку беспокойства, волнует граждан, предъявляющих справедливые и законные требования к органам власти оградить их от подобных посягательств на жизнь, личность и имущество.

Следственный аппарат органов прокуратуры должен поставить перед собой задачу обеспечить расследование по всем делам, ему подследственным, а тем более серьезным делам.

Органы прокуратуры за последнее время расследовали значительное число дел о крупных хищениях на предприятиях разных отраслей народного хозяйства. Эти дела свидетельствуют, что на некоторых предприятиях имеются еще благоприятные условия для хищений, что на ответственные должности проникают не заслуживающие доверия лица, а в ряде случаев и преступные элементы, что учет и ревизионная работа поставлены плохо.

Следователи прокуратуры должны уметь глубоко расследовать организованные хищения государственного и общественного имущества, выявляя всех участников, обязательно вскрывая условия, способствовавшие хищениям, разоблачая лиц, попустительствовавших растратчикам и расхиителям или проявивших ротозейство.

В расследовании по таким делам еще много недостатков. Многие следователи слабо разбираются в бухгалтерском учете, сами редко вникают в бухгалтерские проводки и записи, составляя это на ответствен-

ности ревизоров и экспертов. До сих пор многие следователи неясно представляют себе, в каких случаях должна назначаться ревизия, а в каких экспертиза; они неумелым выяснением вопросов, связанных с отчетностью, затягивают следствие; типичны такие ошибки, когда следствие проводится только вокруг фактов недостачи ценностей по отчетности, другие же факты, относящиеся к сокрытию и сбыту похищенного, к поведению преступников, к их личности, личной жизни, связям, — вскрываются и проверяются слабо. В итоге расследование оказывается схематичным, формальным, а материалы следствия лишены жизненных фактов и потому малоубедительными.

Значительное место в работе следователя занимает расследование дел о должностных и хозяйственных преступлениях. Решая вопрос о возбуждении уголовного дела и привлечении в качестве обвиняемых должностных лиц за преступления по службе, прокурор и следователь должны учитывать, повлекли ли нарушения, допущенные этими лицами, ущерб и какой государственным или общественным организациям и отдельным лицам. Наличие ущерба и размеры его являются важным критерием для решения вопросов об уголовной ответственности виновных, ибо во многих случаях упущение по службе целесообразно разрешать в дисциплинарном порядке.

То же следует сказать и о нарушениях, допускаемых работниками колхозов. Прокурорские органы должны последовательно проводить свою работу по ограждению колхозов от всяких незаконных посягательств, привлекая виновных в необходимых случаях к ответственности.

Должна быть усилена борьба также с выпуском недоброкачественной продукции, дезорганизуя работу предприятий и нарушающим государственные планы развития народного хозяйства. Докладчик особо остановился на преступной деятельности клеветников, использующих анонимные заявления для сведения своих личных счетов. Органы прокуратуры должны вести борьбу с анонимщиками-клеветниками, разоблачая и привлекая их к уголовной ответственности за ложные доносы на честных советских людей. Тов. Долицкий в своем докладе уделил много внимания вопросу соблюдения социалистической законности при расследовании преступлений. Прокуроры и следователи должны учитывать характер и последствия совершенного преступления, личность виновного, его трудовую деятельность, семейное положение, всегда помнить, что забота о советском человеке, охрана личных и имущественных прав граждан являются важнейшей обязанностью органов прокуратуры наряду с проведенным упорной, настойчивой борьбы с действительными, опасными преступниками, наносящими серьезный вред государству и отдельным гражданам. Необходимо повысить ответственность каждого прокурорско-

следственного работника за решение вопроса о возбуждении уголовного дела, о привлечении граждан к уголовной ответственности или аресте их, и потребовать более принципиального партийного и государственного отношения к этому делу.

Социалистическая законность при расследовании преступлений должна соблюдаться не только при решении вопроса о привлечении кого-либо к уголовной ответственности. Каждое действие следователя — допрос, обыск, применение привода к не являющемуся по вызову свидетелю, изъятие каких-либо предметов, наложение ареста на корреспонденцию, на имущество, назначение экспертизы — всегда прямо или косвенно затрагивает интересы организаций, обвиняемого, членов его семьи, его соседей, посторонних лиц и т. д.

Вся деятельность следователя, каждое его действие должны строго соответствовать закону. Следственные отделы прокуратур республик, краев и областей, а также и Следственное управление Прокуратуры СССР должны уделять больше внимания контролю над соблюдением законности при расследовании.

В докладе т. Долицкого был освещен ряд вопросов, вытекающих из мероприятий Прокуратуры СССР по повышению качества и ускорению сроков следствия.

Говоря об организации работы следователей, докладчик указал на то, что в некоторых органах прокуратуры укоренилась неправильная система оценки работы следователей. Опираясь главным образом статистическими показателями, где каждое следственное дело — сложное или простое, важное или мелкое — приравнивается к единице, не учитывая творческого характера работы следователя, отдельные работники областных и республиканских прокуратур своей неправильной оценкой работы следователей не побуждают их к глубокому расследованию.

В заключительной части доклада т. Долицкий осветил вопросы повышения деловой квалификации следователей, информировал участников конференции о намечаемых Прокуратурой СССР мероприятиях, в частности об оказании помощи в повышении квалификации следователям, проявившим способность в расследовании отдельных видов преступлений, с тем, чтобы дать этим следователям возможность повысить свое мастерство в этой специальной области (убийство, крупные хищения государственного или общественного имущества, взяточничество и т. п.).

Развернувшиеся прения по докладу об очередных задачах следственного аппарата наглядно показали, насколько важна в настоящее время организационная перестройка в работе каждого следователя, направленная на овладение искусством расследования наиболее опасных преступлений.

Участники конференции гг. Владимиров

(Ленинградская обл.), Рыкунов (Ставропольский край), Кузьмичев (Удмуртская АССР), Фелопов (Якутская АССР) и другие подчеркнули необходимость строгого соблюдения закона о подследственности, немедленной передачи из органов милиции дел, подследственных следователям, создания условий для своевременного выезда следователей на место совершения опасных преступлений и оценки работы следователей не по статистическим данным, а по качеству и значимости проделанной ими работы. Многие из них высказались за необходимость строгого соблюдения принципов участковой системы и внедрения на практике научно-технических способов расследования, в частности, за организацию при областных прокуратурах криминалистических кабинетов и выделение для работы в них специальных прокуроров-криминалистов.

На протяжении всей конференции в центре внимания был широкий обмен опытом организации борьбы с особо опасными преступлениями.

Сообщения прокурора Следственного управления т. Кудрина и участников конференции тт. Ашимова, Верещагина, Лапап о расследовании крупных хищений государственного и общественного имущества, в частности, в системах торговли и промышленности, показали, что некоторые хищения совершались ухищренными способами и большими организованными группами, в которые входили отдельные руководящие работники предприятий и ответственные работники учета, причем во многих случаях при попустительстве и ротозействе должностных лиц, обязанных осуществлять контроль над сохранностью социалистической собственности.

Задача следственного аппарата в расследовании крупных хищений должна заключаться, как показали выступавшие следователи, в умении установить, как могли произойти подобные организованные хищения государственного и общественного имущества, выявить участников этих хищений и разоблачить лиц, попустительствующих расхитителям.

В практике расследования по этим делам встречались серьезные недостатки: а) неумение глубоко и всесторонне подойти к раскрытию и расследованию всех обстоятельств совершенных крупных хищений; б) неправильный анализ следователями ревизионных материалов, зачастую содержащих неполные, противоречивые данные, и отсутствие критического подхода к бухгалтерским документам и к заключению бухгалтерской экспертизы; в) неустановление всех фактов хищений и непринятие мер к своевременному розыску похищенного и к обеспечению возмещения причиненного государству ущерба; г) сосредоточение следствия только вокруг фактов выявленных недостатков по отчетности тех или иных ценностей и невыявление в связи с этим других обстоятельств, относящихся

к поведению преступника, сокрытию и сбыту им похищенного, его личности, связям и пр.; д) необоснованное обвинение в расхищении только при наличии фактов недостачи материальных ценностей, имевшей место в ряде случаев от неопытности и других упущений и нарушений; е) неустановление во многих случаях причин, способствующих совершению хищений, и непринятие таким образом мер к их устранению.

На конференции заслушана лекция члена-корреспондента Академии наук СССР проф. С. Голунского о значении косвенных улик по делам о хищениях, показавшего основные пути установления косвенных доказательств, в частности путем проверки ревизионных материалов, встречных документов, показаний самих обвиняемых, их личной жизни, связей и других обстоятельств дела. В завершение своей лекции т. Голунский отметил, что следователь, прежде чем развернуть следствие о хищениях в той или иной организации, должен ознакомиться со структурой этой организации, с принятыми в ней системами документооборота, системами хранения и движения денежных и материальных ценностей. Тем самым он сможет получить правильную ориентировку, на чем нужно сосредоточить внимание и где добыть необходимые косвенные доказательства.

На конференции заслушаны сообщения трех участников конференции тт. Плюшева (Архангельская обл.), Герасимовича (Московская обл.) и Дорофеева об опыте работы по розыску скрывшихся преступников-расхитителей. Инициатива, настойчивость и сознание ответственности за порученное дело помогли этим следователям обнаружить серьезных преступников, прибегавших ко всяким способам, чтобы быть неразрысканными.

В интересном сообщении следователь т. Дорофеев поделился с участниками конференции, как им совместно с другими следователями была разыскана группа опасных преступников, состоящая из десяти человек. На каждого разыскиваемого было заведено специальное розыскное дело с составлением тщательно разработанного плана розыскных мероприятий. Планом, в частности, предусматривалось: получение по возможности подробных сведений о действительной фамилии, прошлой деятельности, родственных и личных связях каждого скрывшегося преступника, с размножением и рассылкой фотокарточек; установление, где предполагал разыскиваемый, судя по его высказываниям, остаться на жительство, направление в связи с этим в ряд мест подробных ориентировок и т. д. В качестве мероприятий по розыску практиковались подробные допросы задержанных преступников с целью изучения методов, при помощи которых они скрывались, с использованием этих данных затем для более успешного розыска остальных скрывшихся преступников.

Этими сообщениями закончилось обсуждение необходимых мероприятий, направленных к решительной активизации борьбы с расхищением государственного и общественного имущества.

Конференция обсудила вопросы методики расследования убийств и разбойных и бандитских нападений. Основной доклад на эту тему сделал прокурор Следственного управления т. Гольст.

Условиями, обеспечивающими успешное выполнение задач, возложенных на следственный аппарат по борьбе с указанными преступлениями, являются: 1) обязательный личный выезд следователя на место происшествия; 2) правильное проведение первоначальных следственных действий: осмотр места обнаружения трупа, наружный осмотр трупа, допрос свидетелей-очевидцев или лиц, первыми обнаруживших труп, назначение и производство судебно-медицинского исследования трупа, обязательное участие в судебно-медицинском вскрытии трупа, осмотр и сохранение обнаруженных вещественных доказательств, направление их для соответствующего исследования и т. д.; 3) разработка плана следствия для установления истины с учетом того, что в творческой работе следователя встречаются разные пути, которые нужно тщательно исследовать, чтобы, раскрывая преступления, не сбиться с дороги; 4) творческая разработка основных вопросов, подлежащих выяснению, и проведение намеченных в связи с этим следственных действий.

Непременным условием организации правильного расследования по делам этой категории является обязательный и совместный с органами милиции выезд следователей на место преступления. Выехав на место происшествия, участковый следователь обязан обеспечить производство квалифицированного осмотра с применением всех необходимых научно-технических и криминалистических способов расследования. Самый осмотр, фотографирование, составление плана места преступления, сохранение следов преступления и обнаруженных вещественных доказательств производятся следователем с участием привлекаемых ими для этой цели лиц, в том числе с выехавшими вместе с ним оперативными работниками милиции (в частности, из научно-технического отдела местного управления милиции).

В этом вопросе все еще имеют место различные организационные недостатки, безусловно отражающиеся на качестве предварительного следствия. Во многих случаях органы милиции без участия следователя выезжают на место происшествия, и дела, по которым не требуется оперативно-розыскных действий, значительное время остаются в органах милиции без квалифицированного расследования.

Практика знает случаи, когда следователи, выезжая на место происшествия, ограничиваются составлением протокола

осмотра и в дальнейшем не интересуются ходом расследования по делу, оставляемому в нарушение закона о подследственности длительное время в органах милиции.

Очень важно внедрить такую практику, чтобы участковый уполномоченный милиции и рядовые милиционеры сразу же после получения сообщения о том или ином происшествии обеспечивали до прибытия следователя и оперативных работников милиции охрану самого места преступления и сохранность первоначального положения всех предметов и всего того, что оказалось на месте. Если в результате выезда и выполнения необходимых первоначальных действий будет установлена необходимость выполнения ряда оперативно-розыскных действий для выявления виновных, эти действия выполняются органами милиции по согласованию со следователями. Такой порядок, установленный самим законом, должен обеспечить подлинную связь с органами милиции и правильное высококачественное выполнение первоначальных следственных действий по делам об убийствах, разбое и бандитизме.

Практика работы следователей по участковой системе показала, насколько важное значение имеет правильно организованная деловая связь в работе с органами милиции. Каждый следователь должен в кратчайший срок овладеть научно-уголовной техникой, чтобы, выезжая на место преступления, умело применять научно-технические средства и способы расследования при осмотре места совершения преступления, самого трупа, одежды трупа и вещественных доказательств. Сообщения отдельных участников конференции и представленные ими материалы убедительно свидетельствовали, что убийства раскрываются в результате умелого подхода следователей к собиранию, сохранению и правильному исследованию добытых вещественных доказательств. Так, например, убийство машинистом Переховым своей жены и дочери было раскрыто старшим следователем Закавказской ж. д. Вачадзе главным образом в результате обнаружения вещественных доказательств (сберегательная книжка и подложная доверенность), хотя трупов обнаружить не представилось возможным. Убийство Аммосова было раскрыто следователем прокуратуры Иркутской области т. Белоусовым спустя полтора года после совершения преступления в результате обнаружения орудия преступления — пистолета и других вещественных доказательств. Убийство колхозного сторожа Дивы было раскрыто народным следователем Брянской области Симоновским благодаря умело проведенному им осмотру места преступления и обнаружению вещественных доказательств. По делу об убийстве бухгалтера лесопункта Филимонова в Кировской области следователь Иовенко установил инсценировку самоубийства, и дело было раскрыто после обнаружения вещественных доказательств.

Однако есть случаи и нераскрытых убийств из-за неудовлетворительно произведенных осмотров и других следственных действий. Необходимо отметить, что косвенные улики по делам об убийствах, разбое и бандитизме имеют исключительно серьезное значение. Такие дела представляют большую сложность при расследовании, когда нет очевидцев и никаких следов преступления. Искусство следователя должно проявляться в том, чтобы на основе отдельных фактов и обстоятельств (косвенных улик), ничего не упуская из виду, критически сопоставляя их, постепенно проложить дорогу к раскрытию совершенного преступления.

На конференции с лекциями и докладами выступили директор института криминалистики Прокуратуры СССР кандидат юридических наук С. Митричев, доцент П. Тарасов—Родионов, доктор биологических наук, проф. М. Швайкова, доктор медицинских наук, проф. М. Бронникова, кандидат медицинских наук В. Пашкова и др.

Все вопросы, связанные с методикой расследования дел, затронутые в специальных сообщениях и докладах как участников конференции, так и научных работников Всесоюзного института судебной медицины и Института криминалистики Прокуратуры СССР, должны быть предметом тщательного изучения.

Программа конференции в текущем году была составлена таким образом, чтобы возможно большее число участников ее могло выступить с докладами и сообщениями и принять участие в обсуждении докладов. С этой целью, помимо пленарных заседаний, были проведены заседания по секциям.

Все участники конференции были распределены по четырем секциям, охватывающим вопросы тактики и методики расследования хищений государственного и общественного имущества и других наиболее опасных видов преступлений.

Этот впервые применяемый метод широкого обмена опытом расследования отдель-

ных наиболее образцово проведенных дел дал возможность вовлечь большое число лучших следователей в активное, живое обсуждение их и лучше воспринять отдельные полезные указания.

На секциях было заслушано и подвергнуто критическому обсуждению несколько дел о хищениях, бандитизме, разбое, убийствах и изнасиловании. Обсуждение носило активный характер, высказывались правильные и ценные предложения.

На секции по тактике расследования следователи—участники конференции выступили с сообщениями о тактике проведения отдельных следственных действий, начиная с различных осмотров, производства ревизий и экспертиз и кончая проведением допросов свидетелей и обвиняемых. Так, например, т. Ниязов (Ташкентская область) и т. Деясенко (Тюменская область) показали, как они при проведении больших хозяйственных дел организовали производство ревизии, поставив ее в определенные рамки в смысле постановки перед ней четких задач, и тем самым добились полного и всестороннего освещения методов, к которым прибегли преступники при расхищении государственных средств. Тов. Руденко (г. Каспийск) сообщила, как ей удалось путем правильного осмотра места преступления и исследования вещественных доказательств доказать симуляцию кражи из государственной торговой организации. Тов. Куликов (Приморский край) сообщил, как он после допроса обвиняемого сумел правильно и точно записать показание обвиняемого и добыл таким путем другие доказательства к его обвинению и т. д.

Подобный обмен опытом, проведенный по отдельным секциям, может быть рекомендован при проведении на местах как областных, так и республиканских учебно-методических конференций.

Лучшие следователи—участники конференции отмечены специальным приказом Генерального Прокурора СССР.

Материалы конференции издаются институтом криминалистики Прокуратуры СССР в виде отдельного сборника.

ВОСПОЛНИТЬ НЕДОСТАТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОИЗВОДСТВЕ БУХГАЛТЕРСКИХ РЕВИЗИЙ

подавляющее большинство дел о хищениях и растратах возбуждается по материалам, в основе которых лежат акты ревизии деятельности учреждения или отдельных лиц.

Успешное расследование по этим делам во многом зависит от доброкачественности ревизионных материалов. Однако акты ревизий не всегда соответствуют требованиям, предъявляемым судами.

Наши суды требуют обязательного участия в ревизиях материально-ответственных и подотчетных лиц, и дела, по которым материально-ответственные и подотчетные лица в ревизиях не участвовали, как правило, возвращаются к рассмотрению.

Так, 25 мая 1952 г. Саратовский областной суд, рассматривая уголовное дело по обвинению бывших работников Ушаковской МТС Субботина, Гудковой и др. по ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. и ст. 109 УК РСФСР, вынес определение о возвращении дела на исследование по мотивам неучастия обвиняемых в документальной ревизии. 16 августа 1952 г. тот же суд по тем же мотивам возвратил к рассмотрению дело по обвинению бывшего председателя колхоза «Заветы Ильича» Епифанова по ст. ст. 109 и 111 УК РСФСР для производства повторной ревизии с участием Епифанова. Протесты прокурора области по этим делам были отклонены.

Ни в уголовно-процессуальном праве, ни в положениях и инструкциях вопрос об участии материально-ответственных и подотчетных лиц в ревизии не разрешен.

Основными организациями, направляющими ревизионные материалы для следственных органов, являются контрольно-ревизионное управление Министерства финансов СССР, органы Министерства государственного контроля СССР, ревизионные органы Министерства торговли и потребительской кооперации и другие ведомственные организации.

Порядок производства ревизий и оформления актов во всех без исключения случаях регламентируется правилами о внутриведомственном финансовом контроле и документальной ревизии учреждений, предприятий, хозяйственных организаций и строителей. В этих правилах установлено, что результаты документальной ревизии оформляются особым актом за подписями производящего ее ревизора и руководителя и главного бухгалтера того учреждения,

предприятия, хозяйственной организации или строительства, в котором была произведена документальная ревизия. В тех же случаях, когда руководитель и главный бухгалтер имеют возражения против составленного акта, они обязаны одновременно с подписью акта приложить к нему свои письменные объяснения, таким образом, они только подписывают акт. Но эти правила не требуют участия в ревизии материально-ответственных и подотчетных лиц и подписания актов ревизии этими лицами.

В инструкции Министерства финансов СССР от 29 марта 1949 г. за № 449 «О порядке проведения ревизий контрольно-ревизионным управлением и его органами» указано: «Акт ревизии или проверки подписывается контролером-ревизором, руководителем и главным бухгалтером ревизируемой организации. При наличии возражений или замечаний по акту руководитель и главный (старший) бухгалтер делают об этом оговорку перед своей подписью и прилагают к акту свои объяснения. К акту прилагаются также объяснения других должностных лиц ревизируемой организации, непосредственно виновных в установленных ревизией нарушениях».

Такие же указания в части участия материально-ответственных и подотчетных лиц имеются в «Типовой инструкции по производству документальных ревизий в организациях (предприятиях) Министерства торговли СССР» (прил. № 1 к приказу Министра торговли СССР № 680 от 5 августа 1949 г.), в положении Министерства государственного контроля СССР и в «Правилах о производстве денежных начетов органами Министерства государственного контроля» от 10 августа 1951 г. № 823.

Таким образом, типовыми инструкциями участие в ревизии материально-ответственных и подотчетных лиц не предусмотрено и не требуется подписания актов ревизий этими лицами (кроме руководителя и главного бухгалтера).

Типовые инструкции предусматривают участие материально-ответственных лиц при снятии товарных и денежных остатков и обязывают их подписывать ведомости инвентаризации. Однако это не следует понимать как полное участие материально-ответственных лиц в ревизии.

Снятие натуральных и денежных остатков есть только начало, часть ревизионной работы. После снятия остатков производится

проверка первичных документов, на основании которых составляются сличительная ведомость и акт ревизии.

Существующее законодательство возлагает проверку первичных документов на ревизора или работников бухгалтерии, лишая подотчетных лиц возможности обозревать эти документы.

Такое положение, по нашему мнению, является неправильным, не отвечающим задаче установления истины. Следственная практика знает немало примеров, когда подотчетные лица, участвуя в ревизии, обнаруживают в документах подлоги, совершенные другими лицами, а также представляют документы и выявляют обстоятельства, имеющие существенное значение для установления истины. Участие материально-ответственных лиц в ревизии является надежным фактором, гарантирующим ревизоров от неправильных выводов. Лишение же права подотчетных лиц на участие в документальной ревизии на практике приводит к необоснованным заключениям ревизоров. Так недавно в прокуратуру Аркадажского района Саратовской области поступил акт ревизии о недостатке у продавца Захперского сельпо 1200 руб. Продавец Костикова работала в магазине всего один месяц. Фактическое наличие товаров и кассы у Костиковой сняты в ее присутствии, ею же была подписана инвентаризационная ведомость. Однако Костикова не была приглашена для участия в проверке первичных документов. Костикова категорически отрицала недостаток, но не могла объяснить причину ее образования. По инициативе районной прокуратуры была назначена повторная документальная ревизия с участием Костиковой. При осмотре документов Костикова обнаружила в фактуре ошибку: вместо 80 кг сахара было указано 8 кг. Продавец Летягин, получив сахар от Костиковой, воспользовался ошибкой и оприходовал по своим отчетам 8 кг. В магазине в столе у Костиковой сохранилась записка (разрядка) председателя сельпо Панова с указанием, какому магазину и сколько отпустить сахару. Летягин в присвоении разницы—72 кг сахару признался и пояснил, что деньги от продажи сахара он поделил с бухгалтером сельпо Фоминым. Летягин и Фомины были осуждены, а в возбуждении уголовного преследования против Костиковой отказано.

Несколько иной порядок оформления ревизионных материалов установлен в системе потребительской кооперации. В ст. 67 «Инструкции по инвентаризации материальных ценностей и расчетов в организациях и предприятиях потребительской кооперации», утвержденной президиумом Центросоюза 10 сентября 1947 г., сказано, что «сличительные ведомости и акты результатов проверки ценностей должны подписываться бухгалтером, материально-ответственным лицом и председателем инвентаризационной комиссии». Этот порядок

31 марта 1939 г. был распространен на органы государственной торговли, Всекооп-промсовета и некоторые другие торгующие организации. Таким образом, в торгующих организациях акт ревизии и сличительные ведомости должны подписываться материально-ответственными лицами. Однако их участие в документальной ревизии инструкцией тоже не предусматривается.

Не разрешен вопрос о производстве ревизий и в уголовно-процессуальном праве. В действующем УПК нет прямых указаний об участии в них материально-ответственных лиц.

Попытка регламентировать порядок производства ревизии сделана в 1939 году Прокурором СССР и НКЮ СССР. 28 февраля 1939 г. была издана инструкция (№ 49/1—А—21) «О расследовании и рассмотрении дел о растратах и хищениях в потребительской кооперации». В п. 4 инструкции указано, что к заведению о возбуждении уголовного преследования кооперативные организации должны прилагать следующие документы: а) акт ревизии или сличительную ведомость, подписанные материально-ответственным лицом, с указанием, списана или не списана естественная убыль; б) все документы, которые бухгалтерией не были приняты от материально-ответственного лица, а также документы, вызывающие сомнения в их правильности; в) объяснение материально-ответственного лица, допустившего недостаток. Отказ материально-ответственного лица, допустившего недостаток, от подписания акта должен быть оговорен в акте. Если ревизуемое лицо не явилось для участия в инвентаризации или ревизии, то вскрытие магазинов, складов, столовых и пр. должно производиться в его отсутствие с участием представителей местных органов власти.

Приказом Прокурора СССР и НКЮ СССР от 31 марта 1939 г. за № 63—24 инструкция была распространена на другие торгующие организации. Эта инструкция имеет ряд существенных недостатков и не отвечает современным требованиям, предъявляемым судами.

Недостатком является то, что она распространяется только на торгующие организации. В инструкции в п. «в» лишь вскользь упоминается об участии ревизуемого лица в ревизии: «Если ревизуемое лицо не явилось для участия в инвентаризации или ревизии, вскрытие складов, столовых, магазинов и др. должно производиться обязательно с участием представителей местной власти». Из этой формулировки не ясно, в какой форме должно выражаться участие материально-ответственного лица в ревизии: участвует ли оно в документальной ревизии или только при снятии товарных и денежных остатков. Из смысла инструкции вытекает, что речь идет о магазинах, складах, и следует сделать вывод, что инструкция имеет в виду не участие в документальной ревизии, а участие в инвентаризации и снятии остатков.

Если же имеется в виду участие в документальной ревизии, то указанное положение должно быть уточнено и увязано с соответствующими министерствами, а в инструкции этих министерств следует внести необходимые дополнения.

Таким образом, инструкция Прокуратуры СССР и НКЮ СССР имеет по существу те же недостатки, что и инструкции других министерств. Недостатком инструкции является и то, что она в случае неявки по вызову подотчетного лица допускает возможность снятия остатков и производство ревизии в его отсутствие с участием представителя местной власти. Это приводит ревизоров к необоснованным выводам и в итоге к назначению повторных ревизий с участием подотчетных лиц.

Надо признать, что в случае неявки по вызову материально-ответственного лица для снятия остатков или производства ревизии оно должно быть обязано явиться по вызову органов прокуратуры или милиции. Только в исключительных случаях, когда материально-ответственное или подотчетное лицо скрылось или выбыло на новое место жительства и адрес его неизвестен, можно производить снятие остатков и ревизию в его отсутствие.

Что касается самого понятия участия в ревизии, то, по нашему мнению, материально-ответственные и подотчетные лица, а также руководитель и главный бухгалтер учреждения, организации, предприятия должны принимать участие в документальной ревизии в тех пределах и в том объеме, в каких это имеет прямое отношение к их непосредственной деятельности. Например, нет необходимости кладовщику участвовать в проверке приходных и расходных документов другого кладовщика той же организации, хотя бы их деятельность и была

отражена в одном и том же акте; не обязательно участие кассира в ревизии документов продавца или кладовщика, поскольку это не касается кассовых документов.

Ревизия во всех случаях должна проводиться непосредственно самим ревизором. Ревизирующим в процессе проверки должны представляться для обозрения документы, подвергшиеся обревизованию, которые имеют отношение к деятельности этого лица.

Институт участия материально-ответственных лиц и подотчетных лиц в ревизии, по нашему мнению, является обязательным.

Право на участие в ревизии подотчетных лиц вытекает из ст. 11 Конституции СССР, гарантирующей гражданам право на защиту, а также из демократических принципов всего нашего законодательства.

Прокуратура СССР и Министерство юстиции СССР совместно с Министерством финансов СССР и Министерством государственного контроля СССР и другими заинтересованными учреждениями должны разработать единую инструкцию о порядке производства ревизий, отвечающую требованиям наших судов, обязательно предусмотрев в ней участие в ревизии материально-ответственных и подотчетных лиц.

Разработка и унификация законодательства о производстве ревизий избавит следственные и судебные органы от необходимости назначения повторных ревизий, улучшит качество и сократит сроки расследования и рассмотрения дел судами и даст большую экономию государственных средств.

Старшие следователи прокуратуры
Саратовской области

П. Медведев,
П. Борисов

ЗА ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Вот уже год как бухгалтерская экспертиза в СССР проводится под руководством специального государственного экспертного учреждения — Бюро государственной бухгалтерской экспертизы при Министерстве финансов СССР и его филиалов при министерствах союзных и автономных республик и краевых и областных финансовых отделах. И уже со всей определенностью можно утверждать, что с ликвидацией кустарничества в производстве бухгалтерской экспертизы (когда бухгалтер-эксперт осуществлял свои ответственные функции исключительно в меру своих индивидуальных способностей) и созданием института судебно-бухгалтерской экспертизы дело организации экспертизы упорядочено. В этом уже убедились как сами бухгалтеры-эксперты, так и судебные и следственные органы.

Существующие ныне организационные начала экспертизы — более тщательный подбор экспертов, забота о повышении их деловой квалификации, методическое руководство проведением экспертиз и осуществление контроля над работой экспертов создают условия, благоприятствующие повышению качества экспертизы, не умаляя в то же время самостоятельности и личной ответственности эксперта за производство экспертизы.

Бухгалтеры-эксперты глубже и тщательнее изучают исследуемые материалы, строже придерживаются своих функциональных рамок, более грамотно, с точки зрения требований процессуально-правовых норм, составляют заключения экспертиз.

О качестве заключений свидетельствует, например, факт отсутствия случаев откло-

нений их как в стадии предварительного следствия, так и в судебном процессе. Не было в нашей практике и случаев отвода экспертов.

Из этого, однако, не следует, что все наши бухгалтеры-эксперты проводят свою работу уже на уровне высоких требований к эксперту. Встречаются еще заключения, страдающие существенными недостатками, когда бухгалтеры-эксперты не соблюдают строго своих прав и обязанностей, регламентированных инструкцией Министерства финансов СССР от 15 мая 1952 г. по применению положения о бюро государственной бухгалтерской экспертизы. Они уклоняются в сторону от функций эксперта, засоряют заключения разного рода предположениями, догадками, неуместными рассуждениями.

Это объясняется не только недостаточным пониманием бухгалтерами-экспертами своей роли в уголовном процессе, но и тем, что сами следственные органы не проявляют необходимой требовательности к эксперту, обходят молчанием ошибочные и неправильные положения в заключениях экспертизы. Более того, отдельные работники органов прокуратуры не придают должного значения правильной постановке вопросов перед бухгалтерской экспертизой и ставят иногда вопросы, не относящиеся к экспертизе и дезориентирующие эксперта.

Так, например, смешивая функции ревизора и эксперта, народный следователь поставил перед бухгалтерской экспертизой такой «вопрос»: «Проверить деятельность кассира Бондаревой за весь период ее работы в домоуправлении № 1, 2, т. е. с 17 июня 1952 г. по 26 августа 1952 г., по приходным и расходным документам» (постановление следователя прокуратуры г. Светлогорска т. Мораки по делу Бондаревой).

Народный следователь прокуратуры г. Черняховска т. Волобуева предложила (с согласия прокурора т. Федотова) бухгалтеру-эксперту объяснить мотивы действий обвиняемого: если завышение заведующим магазином цен на товары имело место, то «для какой цели это было сделано».

А вот дословная формулировка другого вопроса (по делу Новицкого и Толстоног, 1953 г.): «Из материалов дела и документов бухгалтерии видно, что Новицкий неправильно вел первичную внутреннюю документацию на выдачу материальных ценностей продавцам магазина, — чем можно объяснить ведение такой документации и не было ли это для скрытия преступных действий Новицкого в расхищении госсредств». Имея перед собой такую задачу, неискушенный в правовых вопросах эксперт пускается в «исследования» и поиски требуемых следователем объяснений цели и мотивов действий обвиняемого.

Очевидно, что введение в заключения бухгалтерской экспертизы ответов на подобные «вопросы» только принижает значе-

ние экспертизы, противоречит сущности и природе экспертизы и может явиться основанием к отклонению таких заключений в судебном процессе.

Наблюдаются и случаи постановки перед экспертизой явно беспредметных вопросов, способных только усложнить и запутать дело. Один следователь, например, предложил бухгалтеру-эксперту установить, в каком отчете материально-ответственное лицо (заведующий буфетом), показало недостачу, выявленную у него при ревизии. Между тем общеизвестно, что сама форма товарного отчета исключает отражение каких-либо расчетов по недостачам или излишкам, а предусматривает только показатели прихода, расхода и остатка товаров (из постановления следователя прокуратуры г. Светлогорска 1953 г. по делу Ивановой).

Другой следователь, перечислив ряд приходных накладных на поступившие к материально-ответственному лицу товары, потребовал от бухгалтера-эксперта установить, реализованы ли эти товары. Речь шла о товарах, какие поступали одновременно и по другим накладным; кроме того, имелись переходящие остатки этих товаров. Разумеется, эксперт не мог дать ответ на такой вопрос-загадку (из постановления народного следователя прокуратуры г. Калининграда т. Новоженова 1953 г. по делу Бурмистрова).

Постановка перед бухгалтерской экспертизой неправильных, необоснованных и непродуманных вопросов говорит о том, что некоторые следователи (а также прокуроры, визирующие иногда постановления следователей о назначении экспертизы) забывают приказ Прокурора СССР от 7 октября 1936 г. № 61/19, определяющий взаимоотношения органов расследования с судебно-бухгалтерскими экспертами.

В нашей практике имели место нарушения процессуальных правил экспертизы и судами. Известно, что до утверждения судом в судебном заседании окончательной редакции вопросов к эксперту последний имеет право высказать свое мнение о содержании и форме проектируемых вопросов. Но отдельные судьи не считаются с мнением эксперта и навязывают ему вопросы, не относящиеся к компетенции данной экспертизы. Так при рассмотрении одного уголовного дела в областном суде в марте текущего года (председательствующий член областного суда Левашова А. С.) бухгалтеру-эксперту был задан ряд вопросов подсудимыми в такой форме: «Считаете ли вы обоснованным обвинение меня в присвоении...», «Правильно ли обосновано обвинение в составлении фиктивных нарядов...», «Обосновано ли обвинение в незаконной приписке в нарядах...» и т. д. Поскольку суд не отвел подобных вопросов и не нашел нужным изменить их формулировку, бухгалтер-эксперт вынужден был ограничиться в заключении констатацией своей некомпетентности обоснованности

предъявленного к подсудимым обвинения.

А вот другой курьезный случай, когда бухгалтеру-эксперту отвели роль... что-то вроде прокурора. Уже после того, как бухгалтер-эксперт ответил на поставленные перед ним вопросы на судебном заседании, народный судья обязал его выступить с некой обобщающей речью после допроса свидетелей. Бухгалтер-эксперт, недостаточно осведомленный о своих правах и обязанностях на суде, повинуясь требованию председательствующего, выступил с речью на судебном заседании, не имея от суда никаких конкретных дополнительных вопросов к экспертизе, а так — в порядке обобщения исследованных экспертизой материалов с учетом данных судебного следствия (процесс по уголовному делу Тимошенко в народном суде Центрального района Калининграда под председательством народного судьи т. Осокиной).

Стремясь всемерно улучшить качество бухгалтерской экспертизы, заботясь о повышении своего авторитета как экспертов, мы, эксперты, систематически анализируем практику своей работы, занимаемся на производственных совещаниях текстовальным разбором отдельных заключений экспертизы, даем рецензии по каждому заключению бухгалтеров-экспертов, производивших экспертизы в районах области — вне

места нахождения филиала бюро бухгалтерской экспертизы (копии таких рецензий посылаются одновременно соответствующим органам расследования, по заданиям которых производились экспертизы).

Обобщая факты о ненормальных явлениях, допускаемых судебными и следственными органами при назначении бухгалтерской экспертизы, мы доводим о них до сведения соответствующих областных органов юстиции и прокуратуры.

Однако успешное решение задачи повышения уровня бухгалтерской экспертизы требует активного участия в этом деле и судебных и следственных работников. Мы вправе требовать от них более внимательного отношения к назначению экспертиз, вправе ожидать более строгого и критического отношения к заключениям бухгалтерской экспертизы, чтобы покончить с встречающимися ненормальностями в постановке вопросов перед экспертизой и нарушениями процессуальных функций эксперта.

Заведующий филиалом бюро государственной бухгалтерской экспертизы при Калининградском областном финансовом отделе

П. Александров

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО ДЕЛА

Огромную роль в деле охраны прав советских граждан и укрепления социалистического правопорядка играют органы советской прокуратуры, на которые Конституция СССР возложила высший надзор за точным исполнением законов всеми государственными учреждениями, должностными лицами и гражданами. Работники прокуратуры должны бдительно охранять советские законы, беспощадно карая их нарушителей, невзирая на лица.

Очевидно, что вся деятельность органов прокуратуры в деле охраны социалистической законности должна проходить в рамках строжайшего соблюдения советских законов. Работа органов дознания и следствия должна находиться в центре внимания соответствующих прокуроров и их помощников, так как от качества работы этих органов зависит обеспечение надлежащей борьбы с преступностью и охраны советского правопорядка. Малейшее нарушение закона, допускаемое в процессе дознания и расследования, не только снижает качество следствия и эффективность борьбы с преступностью, но и влечет за собой недопустимые нарушения прав советских граждан, закрепленных в Конституции СССР и охраняемых Советским государством.

К чему все это приводит, можно проиллюстрировать на примере уголовного дела об убийстве гр-ки Пшеничной. 27 ноября 1952 г. Пшеничная, проживающая в селе Песемен Краснодарского края, собираясь переменить место жительства, выехала к своей дочери в станицу Сторожевую, находящуюся в Кировском районе Черкесской автономной области. Для перевозки домашних вещей она наняла попутную подводу, принадлежащую Г., жителю станицы Преградной. Вместе с ними на подводе поехал и приятель хозяина подводы А. Прибыв вечером в станицу Преградную, расположенную по дороге в станицу Сторожевую, Пшеничная, по рекомендации приведшего ее Г., остановилась на ночлег под наземом сарая во дворе дома, принадлежащего Б. После этого Пшеничную больше никто не видел, а спустя два дня ее труп был обнаружен группой охотников в лесу, на расстоянии 7 км от станицы Преградной, недалеко от дороги, ведущей в станицу Сторожевую. Некоторое время спустя, уже в декабре, на берегу реки, на расстоянии одного километра от дома Б., у которого вечером 27 ноября остановилась на ночлег потерпевшая, были обнаружены спрятанные в яме домашние вещи Пшеничной.

В результате грубых ошибок, допущенных при расследовании этого тяжелого преступления, оно до настоящего времени остается нераскрытым. Несмотря на то, что ст. 108 УПК РСФСР относит расследование убийств к компетенции следователя прокуратуры, работники районной прокуратуры не только не приняли должного участия в расследовании по делу (ограничились проведением двух допросов), но и не осуществили надлежащего надзора за следствием, проводимым работниками милиции.

Достаточно сказать, что ни следователь, ни работники милиции не произвели осмотра трупа на месте происшествия. Правда, в деле имеется протокол осмотра места происшествия и трупа от 2 декабря 1952 г. Однако означоление с протоколом показывает, что он составлен работниками милиции на третий день после обнаружения трупа и уже после его вскрытия, произведенного судебно-медицинским экспертом 2 декабря: составитель этого следственного документа почти дословно переписал в него акт судебно-медицинского исследования трупа, даже с сохранением специфической медицинской терминологии. Затем, с самого начала расследования по делу не были приняты меры к обнаружению, закреплению и изъятию вещественных доказательств, к выяснению обстоятельств совершения преступления путем проведения осмотра места происшествия. Не было установлено, была ли Пшеничная убита на месте обнаружения трупа или ее убили в другом месте, а затем привезли или принесли труп на место его обнаружения, хотя путем осмотра места происшествия это легко можно определить по наличию или отсутствию так называемых негативных обстоятельств. Не было даже зафиксировано, в какой позе находился труп на месте происшествия.

Отсутствие квалифицированного следственного работника при вскрытии трупа привело к тому, что эксперт по неизвестным причинам в своем заключении не дал ответа на один из важнейших для следствия вопросов — о времени наступления смерти Пшеничной. Не была определена и группа крови потерпевшей.

Расследование по делу вели малоквалифицированные работники дознания, проявившие полную беспомощность в планировании следствия и неумение наметить и исследовать все возможные по делу версии совершения преступления.

Между тем уже в результате первоначальных следственных действий были получены достаточные данные для того, чтобы выдвинуть и исследовать по крайней мере следующие три версии: во-первых, убийство Пшеничной могло быть совершено Б., у которого она остановилась на ночлег; во-вторых, оно могло быть совершено Г. и его приятелем А., которые привезли потерпевшую к Б.; в-третьих, убийство могло быть совершено неизвестным

лицом, имевшим в своем распоряжении автомашину или подводу и услугой которой могла воспользоваться потерпевшая для продолжения пути из станции Преградной в станицу Сторожевую.

Однако работники дознания, остановившись на первой из указанных версий, почти целиком направили все расследование на ее проверку и не уделили должного внимания другим версиям. Более того, даже при исследовании первой версии был допущен ряд серьезных ошибок. Только 25 марта 1953 г. (спустя почти четыре месяца после начала расследования) работники дознания изъяли и осмотрели одежду Б., которая была на нем одета 27 и 28 ноября 1952 г. Несмотря на то, что на одежде удалось обнаружить пятна буровато-красного цвета, заключения судебно-медицинской экспертизы о характере этих пятен в деле не имеется. Не выяснено происхождение этих пятен и путем допроса Б.

Расследование по делу не было надлежащим образом организовано: в расследовании приняли участие девять работников, большинство из которых, не зная всех обстоятельств дела, не могло целенаправленно проводить допросы свидетелей. В результате в показаниях свидетелей, допрошенных по несколько раз и разными работниками, имеются противоречия и неясные моменты.

Все это привело к тому, что пятимесячное расследование не дало никаких результатов и следствие зашло в тупик.

Нельзя не остановиться и на грубейших нарушениях закона, допущенных при расследовании. Например, из имеющих в деле показаний свидетелей и заявления жены Б., поданного на имя прокурора района, видно, что Б. был арестован и в течение длительного времени находился под следствием, однако никаких документов об избрании в отношении Б. меры пресечения и предъявлении ему обвинения в деле не имеется.

Финалом расследования явилось незаконное постановление о приостановлении расследования по делу, вынесенное работниками милиции 12 апреля 1953 г., т. е. совершенно недопустимое нарушение требований ст. 202 УПК РСФСР, регламентирующей иной порядок и основания приостановления предварительного расследования. Этот документ тоже говорит об отсутствии должного надзора за работой милиции со стороны районной прокуратуры.

Описанные факты показывают, что для успешной борьбы с преступностью и охраны советской законности органы прокуратуры должны строго соблюдать требования уголовно-процессуального закона о подследственности уголовных дел и обеспечивать надлежащий надзор за деятельностью органов дознания.

С. Степичев

ОКАНЧИВАТЬ СЛЕДСТВИЕ В ЗАКОННЫЙ СРОК

Следственные работники органов прокуратуры Таджикистана неуклонно сокращают сроки предварительного расследования по уголовным делам. Оперативно и хорошо ведут следствие: народные следователи прокуратуры Орджоникидзебадского района т. Каримов, Ленинабадского района Ленинабадской области т. Пулатов, Регарского района т. Мирзоев, старший следователь прокуратуры Ленинабадской области т. Вартанова и другие народные и старшие следователи. За год около десяти процентов следственных работников прокуратур республики получили поощрения от Генерального Прокурора СССР.

Однако говорить о благополучии со сроками предварительного следствия значило бы заниматься вредным самоуспокоением. Есть еще отдельные следователи, которые объясняют нарушение ими сроков расследования «местными условиями» — трудностями передвижения, связи и т. д.

Действительно, работа следователя в условиях высокогорных Гармской и автономной Горно-Бадахшанской областей, горных районов Кулябской и Ленинабадской областей имеет свои особенности, но практика лучших следователей наглядно показывает возможность при любых условиях сокращения сроков предварительного расследования.

Так, например, можно сослаться на старшего следователя прокуратуры Гармской области т. Ибрагимов (участник конференции лучших следователей СССР в июне 1953 года, сейчас он назначен начальником следственного отдела прокуратуры Гармской области).

Гармская область высокогорная. Сильные снегопады начинаются здесь в ноябре и продолжаются до конца марта, что почти полностью в это время исключает возможность использования автотранспорта, а временами и лошади. Районы расположены от областного центра в радиусе до 200 километров. В этих условиях т. Ибрагимов планирует свою работу не только в зависимости от характера дела, но и от возможностей выездов, вызова свидетелей и т. д. В феврале т. Ибрагимову было поручено расследование материалов о недостатке скота

в одном из колхозов Комсомолабадского района.

В момент возбуждения дела чабаны и заведующий овцефермой колхоза находились со скотом на зимних пастбищах в Дангаринском районе Кулябской области. По ходу следствия выезд следователя в Дангаринский район был крайне необходим. До места кочевья отар от Комсомолабадского района около 250 километров. Не останавливаясь перед серьезными трудностями, т. Ибрагимов отправился в путь пешком. За восемь дней он прошел по заснеженным дорогам и горным тропам через перевалы более 150 км, небольшую часть пути удалось проехать на случайной автомашине и последние несколько десятков километров на лошади. В конце февраля т. Ибрагимов прибыл на горные пастбища и продолжил расследование. В ходе следствия было установлено, что нехватка скота явилась результатом систематического расхищения его председателем колхоза Халимовым, заведующим овцефермой Рабиевым и чабанами Мурадовым и Райбовым. Расследование проведено полно, объективно и окончено в месячный срок. Все обвиняемые по делу осуждены. Верховный суд Таджикской ССР оставил в силе приговор областного суда.

Проверки состояния следственной работы прокуратур областей республики, в частности проверка состояния организационно-методической работы прокуратуры Гармской области, показывают, что некоторые прокуроры областей и начальники следственных отделов все еще слабо изучают и распространяют положительный опыт работы передовых следователей. Повинен в этом и следственный отдел прокуратуры республики.

Обобщение и обмен опытом работы следователей, нетерпимость ко всякого рода попыткам отступить от установленных сроков следствия позволят следственным работникам органов прокуратуры Таджикской ССР покончить с досужими рассуждениями о «местных условиях».

Начальник следственного отдела
прокуратуры Таджикской ССР
З. Султан-Гирей

ЗА ОПЕРАТИВНОСТЬ СЛЕДСТВИЯ

На страницах нашего журнала печатается много интересных, поучительных для нас, практических работников, статей и очерков.

Читая систематически этот журнал, я встретил много предложений для улучшения работы и правильного понимания вопросов юридического характера. Со своей стороны

для улучшения следственной работы в смысле оперативности расследования, а также для экономии средств, отпущенных прокурорам районов, я предлагаю следующие мероприятия.

Во время работы народным следователем Заречьянского района Ровенской области мне часто необходимо было срочно

выезжать на место совершения преступления, но вследствие отсутствия транспорта своевременно я выезжать не мог. При автомобильной аварии я не выехал до тех пор (расстояние было около 40 км), пока в район не приехал шофер автомашины, как раз совершивший эту аварию, и только тогда я смог прибыть на место происшествия. Это отразилось на всем ходе осмотра места происшествия и расследования: труп был убран, а машина уехала. Впоследствии пришлось восстанавливать картину места происшествия.

В Острожецком районе Ровенской области народному следователю т. Колошкину стало известно о краже коровы в хозяйстве одного гражданина. Корова была уведена в г. Луцк для продажи. Ввиду отсутствия транспорта т. Колошкин не мог своевременно выехать в г. Луцк и задержать преступника. В целях использования проезжающих автомашин т. Колошкин прождал два часа, и, когда удалось прибыть в Луцк, преступник уже скрылся.

Прокурору Острожского района Ровенской области т. Паценко в феврале 1953 года стало известно о случившейся автомобильной катастрофе возле г. Острога. Шофер автомашины, несмотря на предупреж-

дение, на большой скорости проехал возле помещения районной прокуратуры и скрылся. Тов. Паценко не мог предпринять никаких мер к задержанию автомашины, ввиду отсутствия соответствующего транспорта, и лишь случайно находившийся в то время представитель органов милиции смог на мотоцикле задержать преступника.

Многочисленные факты указывают на то, что органы прокуратуры, имея в своем распоряжении лишь лошадь и повозку, лишены возможности своими средствами производить своевременные оперативные действия по разоблачению преступников. Это ни в какой мере не обеспечивает своевременности расследования преступлений.

Прокуратурами районов производятся ежегодно не оправдывающие себя расходы для содержания лошади, конюха и др. Между тем средний мотоцикл стоит 2500 руб. Наличие мотоцикла сэкономит денежные средства и будет содействовать оперативности и своевременности расследования преступлений.

Прокурор следственного отдела

г. Ровно

В. Лысенко

Быстрое, оперативное и всестороннее расследование является главной задачей в деле успешного раскрытия преступлений и изобличения виновных. Волокита в расследовании влечет за собой недопустимый разрыв между моментом совершения преступления и сроком расследования. Часто это приводит к серьезным затруднениям в раскрытии эпизодов преступления, в выявлении круга участников преступления и т. д. Известны случаи, когда в результате этого дело теряет всякую актуальность.

Однако в оперативной работе сельские следователи встречают существенные трудности. Главная из них — отсутствие быстрого, подвижного транспорта. В распоряжении следователей сельских районов имеется только конный транспорт, который не позволяет своевременно, по горячим следам, произвести то или иное задание по расследованию. Из-за этого преступники успевают если не совсем скрыть, то глубоко завуалировать свои преступные махинации и соучастников, успевая сговориться, и т. д.

Следует иметь в виду, что бурный рост нашей промышленности уже позволил всем организациям иметь свой автотранспорт.

При расследовании преступлений встречается масса неотложных следственных действий, требующих срочного проведения, как то: обыски, арест имущества, допросы далеко живущих свидетелей и вообще выезды на места происшествий и преступлений. Отсутствие быстрого транспорта не способствует оперативному проведению предварительного расследования.

Поэтому наряду с обеспечением следователей следственными чемоданами необходимо также обеспечить их авто-мототранспортом, в частности, например, мотоциклами ИЖ-49, хотя бы за счет сокращения расходов по содержанию одной лошади из двух.

Народный следователь Палласовского района Сталинградской области

П. Кушманов

ЗА СВОЕВРЕМЕННОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ

От органов прокуратуры требуется улучшить качество следствия, сократить его сроки и изжить случаи волокиты в расследовании по уголовным делам.

Большое значение в сокращении сроков следствия имеет своевременное выполнение отдельных требований. Отдельные требования должны выполняться в срок не более

пяти суток. Однако на практике это требование нередко игнорируется, а виновные не наказываются.

15 октября 1952 г. прокуратурой Ленинград—Московского участка Октябрьской ж. д. было направлено отдельное требование прокурору Сухумского участка Закавказской ж. д. (прокурор т. Тевзадзе) о до-

просе двух свидетелей и изъятии документа из Гагрской нотариальной конторы. Несмотря на наши напоминания от 24 октября, 27 октября, 3 ноября и 13 ноября, отдельное требование было выполнено лишь 14 ноября 1952 г. после напоминания из Главной прокуратуры транспорта.

3 ноября 1952 г. прокурору г. Сочи (прокурор т. Каштанов) было направлено отдельное требование об изъятии документов из сберегательной кассы № 1806 г. Сочи. Для этого требовалось несколько часов, однако отдельное требование было выполнено лишь 21 ноября 1952 г.

О грубом нарушении установленного порядка было сообщено Главному прокурору транспорта и Прокурору РСФСР, но в адрес виновных в волоките были посланы лишь напоминания со стороны начальников соответствующих следственных отделов с

просьбой ускорить выполнение наших отдельных требований.

В ходе расследования по уголовным делам к отдельным требованиям приходится прибегать очень часто, но лишь при своевременном выполнении их можно избежать нарушения сроков следствия.

Этого можно достигнуть при серьезном отношении следователей к отдельным требованиям и при должном контроле со стороны прокуроров.

Своевременное выполнение отдельных требований следует считать одной из основных обязанностей следователей прокуратуры.

Следователь прокуратуры
Ленинград—Московского участка
Октябрьской ж. д.

В. Матвеев

УЛУЧШИТЬ ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ВОЗМЕЩЕНИЕМ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ГОСУДАРСТВУ

В борьбе за укрепление социалистической собственности важное значение имеет своевременное и полное возмещение ущерба с лиц, виновных в хищениях и растратах государственного и общественного имущества.

Многие прокуроры республик, краев, областей и районов правильно поняли эту задачу и должным образом организовали надзор за возмещением ущерба.

Однако в отдельных республиках, краях и областях реальное возмещение ущерба остается все еще крайне низким. В Литовской и Карело-Финской ССР, в Татарской АССР, в Днепропетровской и в ряде других областей оно не превышает 5—7% к общей сумме ущерба, подлежащего взысканию.

Некоторые районные и городские прокуроры не перестроили своей работы в соответствии с письмом Прокуратуры СССР от 20 мая 1951 г. об осуществлении надзора за возмещением ущерба по каждому конкретному делу. В основном их работа по надзору за возмещением ущерба сводится к периодическим проверкам исполнительных производств у судебных исполнителей. Надзором же за возмещением ущерба по конкретным делам районные и городские прокуроры занимаются крайне слабо.

Неудовлетворительно осуществляется надзор со стороны отдельных районных и городских прокуроров за работой народных следователей и органов милиции по выполнению приказа Генерального Прокурора СССР № 139 в части немедленного наложения ареста на имущество обвиняемых, а также приказа Генерального Прокурора СССР от 28 марта 1953 г. № 90, обязывающего по каждому уголовному делу о хище-

ниях и растратах производить обыск и наложение ареста на имущество виновных.

Вопрос о своевременности наложения ареста на имущество обвиняемых в наблюдательных производствах не отражается. В результате районные и городские прокуроры, не имея указанных данных, не в состоянии не только осуществлять систематический надзор за работой следователей и органов милиции по обеспечению возмещения ущерба, но не в состоянии даже ответить на запрос о выполнении ими приказа Генерального Прокурора СССР № 139 (прокурор Октябрьского района г. Днепропетровска т. Алябьев и прокурор Синельниковского района т. Бутенко).

Органы прокуратуры на местах в ряде случаев не обеспечивают своевременного наложения ареста на имущество обвиняемых и изъятия ценностей в порядке обеспечения гражданских исков по делам о возмещении ущерба.

Из изученных в прокуратуре Чувашской АССР уголовных дел о хищениях по 84,9% дел арест на имущество обвиняемых в порядке обеспечения гражданских исков был наложен спустя продолжительное время с момента возбуждения дела. Прокуратурой Свердловского района г. Казани по 77% дел, возбужденных в 1952 году, арест на имущество обвиняемых в порядке обеспечения гражданских исков был наложен несвоевременно; по 30% дел опись имущества обвиняемых была произведена в срок свыше месяца с момента возбуждения дел (например, по делу по обвинению Лингермана по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. опись имущества была составлена следователем Литвиным через два месяца с момента возбуждения дела). По 20% дел о

хищениях, возбужденных прокуратурой Амур-Нижнеднепровского района Днепропетровской области, арест на имущество обвиняемых был наложен по истечении длительного времени с момента возбуждения этих дел.

Наличие подобных фактов создает для заинтересованных лиц возможность скрыть или распродать имущество, на которое можно было наложить арест. Так прокуратурой Умарского района Чувашской АССР в течение двадцати дней не был наложен арест на имущество обвиняемого Бычкова. Воспользовавшись этим, обвиняемый продал два дома и другое принадлежавшее ему имущество и скрылся. По делу по обвинению Майзиной по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., возбужденному прокуратурой Амур-Нижнеднепровского района Днепропетровской области, следователь Моисеев выехал на место для производства описи имущества обвиняемой спустя месяц после возбуждения дела, в результате чего (как всегда и бывает в подобных случаях) имущества уже не оказалось, и следователь составил акт о несостоятельности.

Имеют место случаи, когда органы следствия не налагают ареста на имущество по мотивам, что похищенное изъято. Между тем часто случается, что похищено значительно больше, чем изъято (например, следственные органы прокуратуры г. Чебоксары по указанному выше мотиву не наложили ареста на имущество обвиняемого Быкова, тогда как изъятого имущества оказалось меньше похищенного на 4282 руб.).

Нередки случаи, когда следственные органы сдают описанное имущество на хранение самим обвиняемым или их родственникам, которыми указанное имущество растранируется. Работником ОБХСС МВД в Татарской АССР было описано имущество обвиняемого Перельмутра на сумму 121 000 руб. и сдано на хранение жене обвиняемого. Это привело к тому, что не оказалось 32 предметов на сумму 13 321 руб. Плеханова, проживающая в Центральном районе г. Прокопьевска Кемеровской области, воспользовавшись тем, что имущество, описанное в связи с привлечением ее мужа Плеханова, было оставлено ей на хранение, распродала часть имущества на сумму 21 000 руб.

В приказе Генерального Прокурора СССР от 28 марта 1953 г. № 90 указывается, что «следователи должны принимать все меры к выявлению и изъятию похищенного имущества, которое может быть скрыто преступниками». Однако до сего времени еще многие следователи должной инициативы в этом деле не проявляют, не устанавливают, какое имущество обвиняемый и члены его семьи имели до возбуждения уголовного дела.

Прокуратурой Ленинского района Литовской ССР был привлечен к уголовной ответственности за хищение 72 937 руб. Куриленок. В процессе следствия обвиняемый

скрылся, семья же его проживала в другом населенном пункте. Народный следователь даже не поинтересовался, где проживает семья обвиняемого, не принял никаких мер к выявлению имущества, на которое по данному делу могло быть обращено взыскание. Народный следователь Цивильского района Чувашской АССР при наложении ареста на имущество обвиняемых Коробовой и Малышева не включил в опись ценные вещи.

При составлении описи имущества следственные органы не всегда указывают индивидуальные признаки описанного имущества, что дает заинтересованным лицам возможность заменить более ценные вещи менее ценными. Народный следователь Южского района Ивановской области при описи имущества обвиняемого Чубукина описал овец, но не указал их количества.

Органами прокуратуры слабо осуществляется надзор за законностью и своевременностью исполнения судебных решений и приговоров по делам о возмещении ущерба. Об этом свидетельствует ряд серьезных недостатков в работе судов и судебных исполнителей.

Многие суды и судебные исполнители допускают большую медлительность, а в ряде случаев волокиту в исполнении приговоров и решений по делам о возмещении ущерба. Нередки случаи, когда судами в течение длительного времени по этим делам не выписываются исполнительные листы. Так народным судом Анниковского района Ивановской области (народный судья Горбунова) исполнительный лист по делу Орлова выписан по истечении двадцати двух дней с момента вступления приговора в законную силу. Народным судом 2-го участка Ленинского района Карагандинской области по делу Архангельского о взыскании 5850 руб. исполнительный лист выписан по истечении трех месяцев с момента вступления приговора в законную силу. Через три месяца с момента вступления приговора в законную силу был выписан исполнительный лист народным судом Тракайского района Литовской ССР о взыскании 1238 руб. с осужденной Бажаченок, а затем исполнительный лист в течение трех месяцев находился без движения у судебного исполнителя.

Неблагополучно с этим вопросом обстоит дело в Чувашской АССР, где в 1952 году по 32% дел о возмещении ущерба исполнительные листы были выписаны в срок свыше десяти дней.

Имеют место факты, когда суды, установив, что имущества, на которое могло быть обращено взыскание, у осужденного нет, направляют исполнительный лист в адрес взыскателей, тогда как следует направить его по месту отбытия наказания осужденного для обращения взыскания на его заработную плату (народный суд Батуринского района Смоленской области исполнительные листы на взыскание 45 575 руб.

с растратчиков Смирнова и др. возвратил райпотребсоюзу).

В отдельных случаях судами не обращается взыскание на деньги и ценности, которые были изъяты у осужденных следственными органами. По делу осужденного Шифиса были изъяты золотые кольца. Народный суд Саулкратского района Латвийской ССР выдал жене осужденного документ на получение из милиции изъятых золотых вещей, а исполнительный лист о взыскании ущерба в сумме 5 476 руб. направил по месту отбытия наказания осужденным.

Многие суды к исполнительным листам по делам о взыскании ущерба не приобщают копии актов описи имущества, составленных следственными органами. В результате судебные исполнители лишаются возможности проверить наличие описанного имущества и в ряде случаев неосознанно составляют акты о несостоятельности. Народный суд 2-го участка Ибресинского района Чувашской АССР направил судебному исполнителю 1-го участка Первомайского района той же республики исполнительный лист о взыскании с осужденной Сидоровой ущерба в сумме 2000 руб., не приобщив копии описи имущества, произведенной следственными органами. В силу этого судебный исполнитель был лишен возможности проверить наличие описанного имущества. То же самое допустил народный суд 1-го участка г. Чебоксары по делу о взыскании ущерба с осужденного Петрова.

В ряде случаев судебные исполнители при исполнении приговоров и решений по делам о возмещении ущерба допускают большую волокиту. По делу Ижutowой, осужденной народным судом 5-го участка Пролетарского района Куйбышевской области, исполнительный лист о взыскании 1124 руб. был направлен судебному исполнителю народного суда 1-го участка Сталинского района той же области, где в течение месяца лежал без движения. Затем этот исполнительный лист был передан в народный суд 1-го участка Молотовского района, а последним через два с половиной месяца был направлен без исполнения истцу—в трамвайно-троллейбусное управление. К судебному исполнителю народного суда Ларинского района Литовской ССР поступил исполнительный лист о взыскании 1934 руб. с осужденного Ткаченко в пользу колхоза. Арест на имущество Ткаченко в порядке обеспечения гражданского иска был наложен в процессе следствия. Судебному исполнителю оставалось лишь принять меры к реализации описанного имущества. Однако судебный исполнитель этого не сделал, исполнительный лист находился у него без движения в течение трех месяцев. Тем временем семья Ткаченко выехала, забрав с собой описанное имущество. В результате причиненный ущерб колхозу остался невозмещенным.

Значительная часть приговоров и реше-

ний исполняется с нарушением сроков судебными исполнителями народных судов Чувашской АССР. По отдельным исполнительным производствам имела место волокита. Исполнительный лист по делу Пискарева в производстве судебного исполнителя народного суда Моргаушского района находился без движения в течение девяти месяцев. В производстве судебного исполнителя народного суда 1-го участка Урмарского района находился без движения свыше двух месяцев исполнительный лист о взыскании ущерба с Никифорова в пользу артели «Труд».

Плохо обстоит дело со сроками исполнения приговоров и решений в Карело-Финской ССР. Исполнительный лист по делу Чаккиева о взыскании 3980 руб. пролежал без движения в течение пяти месяцев у судебного исполнителя народного суда 2-го участка Пряжинского района; в течение шести месяцев находился без движения у судебного исполнителя народного суда Куркийского района исполнительный лист о взыскании 3150 руб. с ответчика Маничева; исполнительный лист о взыскании 5344 руб. с ответчика Музика в течение полутора месяцев находился без движения у судебного исполнителя Бедлозерского района.

В ряде случаев судебными исполнителями не принимается мер к реализации имущества, описанного в процессе следствия. Народный суд 3-го участка Сталинского района Сталинграда осудил по ст. 3 указа от 4 июня 1947 г. Мяткина, взыскав с него 2297 руб. в пользу спортивного общества «Искра» и 2239 руб. в пользу областного комитета профсоюза. Следственные органы, обеспечивая иск, составили опись имущества обвиняемого на сумму 7200 руб., однако исполнительный лист по этому делу был выписан только по истечении шести месяцев с момента вступления приговора в законную силу. Воробьев был осужден по ст. 4 указа от 4 июня 1947 г. народным судом Сарпинского района со взысканием в пользу райпотребсоюза 3059 руб. Несмотря на то, что в период следствия у осужденного было описано имущество на сумму 1700 руб., на это имущество не было обращено взыскание, а исполнительный лист был направлен по месту отбытия наказания осужденным.

Судебный исполнитель народного суда 2-го участка Сталинского района Сталинграда в нарушение инструкции НКЮ СССР от 28 сентября 1939 г. «О порядке исполнения судебных решений» 3 марта 1952 г. без ведома судьи дал указание бухгалтерии «Горместпрома» удерживать по 10% из заработной платы Иванова, с которого судом было присуждено в пользу Сталинградского консервного завода 3000 руб. Ответчик, работая начальником городского отдела местной промышленности, злоупотребляя своим положением, получив исполнительный лист, продержал его у себя в течение восьми месяцев. Судебный испол-

нитель не контролировал правильности удержания присужденной суммы, и только после вмешательства прокуратуры по жалобе консервного завода исполнительный лист был передан в бухгалтерию.

Нередки случаи, когда судебные исполнители неправильно составляют акты о несостоятельности. В Краснодарском районе Краснодарского края у осужденного Шанар еще в процессе следствия в порядке обеспечения гражданского иска было описано имущество: велосипед, швейная машина и др. Однако через три месяца с момента рассмотрения дела в суде судебным исполнителем народного суда указанного района был составлен акт о несостоятель-

ности. Судебный исполнитель народного суда Ивановского района Краснодарского края по делу осужденных Сухоруких и Васильченко при наличии описи имущества осужденных, произведенной в процессе следствия, составил акт о несостоятельности по причине того, что в суд поступили три исковых заявления от родственников осужденных об исключении имущества из описи.

Органы прокуратуры должны усилить прокурорский надзор за своевременным и полным возмещением материального ущерба, причиненного государству.

А. Барышев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА В КОЛХОЗАХ

Изучение судебной практики рассмотрения колхозных дел, связанных с возмещением вреда, показывает, что суды в основном правильно решают эту категорию споров.

Однако по отдельным делам некоторые суды допускают ошибки, в результате чего нарушаются интересы колхозов и колхозников.

Кроме того, судебными органами Одесской области за последнее время были разрешены дела, правильность рассмотрения которых вызывает спор.

Дела о возмещении вреда, нанесенного имуществу колхозов, в работе судебных органов области занимают значительное место. К ним относятся споры об убытках в связи с падежом скота, о потравках, о гибели, порче и утрате имущества и т. п. Указанные споры, как правило, являются сложными и поэтому требуют от суда особого внимания и тщательно проводимой досудебной подготовки.

Допускаемые судами ошибки выражаются главным образом в неправильном применении действующего законодательства.

Примерный устав сельскохозяйственной артели, определяя основные обязанности членов колхоза, в ст. 17 предусматривает, что все члены артели обязуются строго беречь колхозную собственность и государственные машины, работающие на колхозных полях, работать честно, подчиняться требованиям устава, постановлениям общего собрания и правления, соблюдать правила внутреннего распорядка, аккуратно выполнять возлагаемые на них правлением и бригадиром работы и общественные обязанности, строго соблюдать дисциплину труда. Предусмотренные уставом обязанности подлежат строгому выполнению всеми колхозниками. Нарушение указанных положений влечет за собой применение мер воздействия в отношении нарушителей.

В ст. 17 Устава дан примерный перечень взысканий, налагаемых правлением на виновных лиц за бесхозяйственное и нерадивое отношение к общественному имуществу, за невыход на работу и за другие нарушения трудовой дисциплины и устава. Правление колхоза вправе обязать переделать недоброкачественную работу без начисления трудовой, предупредить, объявить выговор, сделать порицание на общем собрании, оштрафовать до пяти трудовых, переместить на низшую работу или временно отстранить от работы.

Однако, помимо наложения взыскания, к виновным лицам может быть предъявлено требование о возмещении нанесенного ущерба.

В ст. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. о судебной практике по гражданским колхозным делам говорится, что «применение к колхознику взыскания в порядке ст. 17 Устава сельскохозяйственной артели не освобождает колхозника от материальной ответственности за ущерб, причиненный колхозу бесхозяйственным и нерадивым отношением к колхозному имуществу, небрежностью в работе или иным нарушением трудовой дисциплины».

Дисциплинарные взыскания, как это прямо предусмотрено ст. 17, на виновных лиц налагаются правлением колхоза. Отдельные должностные лица — председатель и бригадир — этим правом не пользуются. В связи с этим возникает вопрос: может ли председатель колхоза без ведома правления возбуждать в судебных органах дела о взыскании с виновных нанесенного вреда колхозу? Этот вопрос возник в связи с тем, что по многим изученным нами делам не была представлена выписка из постановления правления.

В постановлениях партии и правительства предусматривается, что правления колхозов, а в некоторых случаях только

общие собрания могут решать вопрос о взыскании нанесенного ущерба. Так в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 5 мая 1945 г. «О государственном плане развития животноводства в колхозах и совхозах на 1945 год» говорится, что «к лицам, виновным в увечье или гибели лошадей, правления колхозов обязаны по решению общего собрания колхозников предъявлять материальный иск в размере трехкратной стоимости лошади по заготовительным ценам» («Правда» 6 апреля 1945 г.).

Следовательно, председатель колхоза самостоятельно решать вопрос о возложении материальной ответственности на колхозника за вред, нанесенный колхозу, не может.

Решение этого вопроса, как и паложение дисциплинарных взысканий, является компетенцией правления или общего собрания колхоза. Поэтому следует признать неправильным, когда судебные органы, принимая к своему производству заявления о взыскании с виновных лиц ущерба, не требуют представления выписки из постановления правления или общего собрания. Это приводит к тому, что проступки отдельных колхозников, виновных в причинении вреда, предварительно, до передачи материала в суд, не проверяются и не обсуждаются. Имеют место случаи, когда колхозник узнает о предъявленных к нему требованиях по восстановлению или возмещению нанесенного ущерба только после получения судебной повестки о вызове в суд. В результате судебные органы вынуждены, по заявлению лиц, привлеченных в качестве ответчиков, откладывать рассмотрение дел с целью проверки обстоятельств, указанных в заявлении.

Нам представляется, что вопрос о материальной ответственности колхозника за причиненный вред во всех случаях должен решаться предварительно правлением колхоза. Правление колхоза, установив вину в действиях колхозника, определяет размер подлежащего возмещению ущерба и срок, в течение которого нанесенный вред должен быть возмещен. В случае же невыполнения добровольно в установленный срок постановления председатель колхоза направляет материал в суд для принудительного взыскания с виновных лиц нанесенного ущерба. Предлагаемый порядок будет способствовать ускорению и правильному разрешению судебными органами дел по искам колхозов.

Важное значение имеет правильно проводимая судебными органами предварительная подготовка дел. Эта подготовка должна выражаться не только в проверке правильности составленного искового заявления, но и в том, чтобы к заявлению были приобщены доказательства в подтверждение иска. Пленум Верховного суда СССР постановлением от 25 апреля 1947 г. «Об ускорении рассмотрения гражданских дел в судах» указал судебным органам на необходимость проведения тщательной до-

судебной подготовки дел. Назначение дел к слушанию в судебном заседании должно производиться лишь после того, как дело подготовлено, т. е. уточнены требования и возражения сторон, выявлены и собраны необходимые для решения спора доказательства. В тех случаях, когда стороны не могут представить доказательств, суд по своей инициативе обязан их истребовать. Практика показывает, что в судах, где проводится надлежащим образом досудебная подготовка, дела рассматриваются правильно и в установленные сроки.

При разрешении дел по искам колхозов о возмещении ущерба важное значение имеет определение размера ответственности. В судебной практике нет еще единства по этому вопросу. Некоторые суды взыскивают рыночную стоимость имущества, другие же ограничиваются взысканием балансовой стоимости, в результате чего не возмещается полностью нанесенный ущерб колхозу. Например, народный суд Чернянского района решением от 13 сентября 1951 г. постановил взыскать с Бурлака в пользу колхоза за павшего жеребенка. Бурлак работал конюхом. По его вине пал жеребенок, в связи с чем колхоз предъявил ему требование о возмещении стоимости погибшего жеребенка. Суд не истребовал справки о заготовительной цене на лошадей и взыскал рыночную стоимость. По иску же колхоза имени Крупской к ездовому Курию о возмещении за павшую по вине ответчика лошадь народный суд Мостовского района взыскал с Куря трехкратную балансовую стоимость. Суд при рассмотрении дел не всегда руководствуется действующими правилами, которыми предусмотрена ответственность лиц за гибель лошадей в размере трехкратной стоимости лошади по заготовительным ценам.

Аналогичные нарушения допускаются при разрешении дел о взыскании ущерба за падеж по вине отдельных лиц крупного рогатого скота, а также свиней, овец и коз. Так народный суд 2-го участка Березовского района по иску колхоза имени Кондрашева взыскал с Багиса, Коноваленко и Загородного, по вине которых была утеряна телка, принадлежавшая колхозу, балансовую стоимость телки. Размер взысканных убытков не соответствует действующим правилам, которыми предусмотрена ответственность лиц, виновных в гибели крупного рогатого скота, свиней, овец и коз в размере трехкратной стоимости скота по предельно-закупочным ценам, а при гибели племенного скота — в размере трехкратной стоимости по ценам на племенной скот.

В судебной практике нет единства в определении размера ответственности лиц и за падеж птицы (кур, гусей, уток и т. п.). Применяется взыскание по балансовой и рыночной стоимости. В настоящее время колхозы продают всю продукцию отдельным лицам только по ценам, складываю-

щимся на местных рынках. Поэтому следует признать правильную практику судов, которые в случае падежа кур, гусей, уток и т. п. взыскивают рыночную стоимость с виновных лиц, так как этот размер ответственности полностью соответствует понесенным колхозом убыткам.

По некоторым делам народные суды выносили альтернативные решения, которыми обязывали либо сдать взамен погибшего другое животное, либо уплатить колхозу соответствующую его стоимость. Так народный суд 2-го участка Балтского района решением от 13 июля 1951 г. по иску колхоза имени Орджоникидзе обязал ответчика по делу члена колхоза Зубко, по вине которого пали две лошади, сдать на ферму колхоза двух равноценных лошадей или уплатить их стоимость. Указанное решение не основано на законе и не может быть признано правильным.

В практике имеют место случаи, когда лица, виновные в гибели скота, добровольно сдают колхозу взамен погибшего другое животное в натуре. Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 16 ноября 1951 г. за № 08/15 по делу о взыскании в пользу колхоза за погибшее животное с Абрамова, Колобова и др. указал на возможность внесудебного разрешения спора между колхозом и колхозником по поводу сдачи вместо погибшего другого животного в натуре. Однако, как правильно указал Пленум Верховного суда СССР, внесудебное возмещение убытка колхозу может быть только при наличии согласия правления колхоза и когда сданное животное по качеству является равноценным погибшему. Следовательно, и в такого рода случаях действует ответственность в сумме трехкратной стоимости по заготовительным ценам (в случае гибели лошадей) и по предельно-закупочным (в случае гибели крупного рогатого скота, свиней, овец и коз). Поэтому, если переданное животное по своему качеству не соответствует качеству погибшего, колхоз имеет право обратиться в народный суд с иском о возмещении разницы между трехкратной стоимостью погибшего животного по заготовительным или предельно-закупочным ценам (в зависимости от вида скота) и действительной стоимостью животного, сданного ответчиком колхозу. Правда, в связи с этим возникает вопрос: по какой цене должно оцениваться переданное колхозу животное (по балансовой, рыночной, заготовительной или предельно-закупочной)? Нам представляется, что оценка переданного колхозу животного должна производиться также по той же цене, что и погибшее. При решении дел о взыскании разницы судебным органам необходимо требовать от колхозов представления выписки из постановления правления о получении колхозом определенного вида скота взамен погибшего и справки в подтверждение действительной стоимости животного, сданного ответчиком колхозу, а также справки о заготовительной или

предельно-закупочной цене на соответствующий вид скота.

В работе судебных органов области значительное место занимают дела о потравах. Указанные споры представляют собой одну из трудных категорий дел. Дело в том, что от момента потравы посевов, насаждений и т. п. до судебного рассмотрения дел проходит значительное время, вследствие чего суды не всегда имеют возможность собрать все необходимые доказательства. Проведение местного осмотра почти исключается. Главным и основным видом доказательств, как правило, остается акт о потравах, составленный собственником посевов с участием других лиц, но не всегда в присутствии ответчика.

Ошибки, допускаемые судебными органами, выражаются в следующем: 1) ответчиками по некоторым делам привлекаются не собственники и владельцы скота, а пастухи; 2) не всегда правильно определяется действительный размер нанесенных потерями убытков.

Народный суд 2-го участка Березовского района своим решением взыскал в пользу колхоза 650 руб. с Белецкого, по недосмотру которого колхозу был нанесен ущерб потравой посевов скотом. Белецкий был пастухом скота, принадлежащего отдельным колхозникам, и по делу являлся ненадлежащим ответчиком, так как между ним и собственником скота действовал трудовой договор. В качестве надлежащих ответчиков народному суду следовало привлечь собственников скота. В случае удовлетворения требований колхоза собственники скота могли бы предъявить к Белецкому регрессный иск о взыскании с него убытков, связанных с выплатой колхозу ущерба от потравы. При этом материальная ответственность Белецкого должна была бы определяться в размере, предусмотренном ст. 83 Кодекса законов о труде Украинской ССР (см. п. 5 постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г.).

В работе судебных органов нет единой практики в определении размера убытков от потрав. Имеют место случаи, когда убытки определяются стоимостью семян и затраченным трудом на обработку посева; некоторые суды взыскивают с виновных лиц ущерб в размере предполагаемого урожая.

В законе мы не находим прямого указания о размерах убытков. В ст. 410 ГК Украинской ССР содержатся общие положения о том, что возмещение всякого вреда должно состоять в восстановлении прежнего состояния, а если таковое невозможно, то в возмещении причиненных убытков. Под убытками закон предусматривает положительный ущерб в имуществе и упущенную выгоду. При потравах упущенной выгодой является урожай, не собранный собственником по причине уничтожения посевов.

Пленум Верховного суда СССР постановлением от 5 мая 1950 г. указал судебным органам на необходимость в случае удовлетворения иска обязывать ответчиков возместить колхозу ущерб от потравы в натуре, и лишь при невозможности взыскания в натуре взыскивается стоимость потравленного по рыночным ценам. Если исходить из правила, что возмещается лишь положительный ущерб, то в натуре можно взыскать только семена, использованные для посева. Взыскание же в натуре вложенного труда на обработку потравленного участка (что следует признать действительным ущербом) не может иметь места, и такое решение практически неосуществимо. Рыночную же стоимость вложенного труда вообще невозможно исчислить. Исчисление размера убытка, исходя из количества затраченных семян для посева, является неполным: взысканием семян не возмещается полностью действительный ущерб, нанесенный потравой. Следовательно, размер ущерба от потравы должен определяться стоимостью урожая, не собранного собственником по причине уничтожения посевов, по рыночным ценам на день рассмотрения дела в суде. Урожай и является тем действительным ущербом, который подлежит возмещению.

Ответственность членов колхоза за причиненный вред колхозу регулируется Уставом сельскохозяйственной артели и нормами гражданского права, а также изданными постановлениями партии и правительства. Нормы трудового права не применяются. По гражданскому праву в отличие от трудового права под убытками понимается как положительный ущерб в имуществе, так и упущенная выгода, возможная при обычных условиях оборота (ст. 117 ГК Украинской ССР).

В связи с этим в судебной практике возник вопрос: применимы ли указанные положения о возможности взыскания упущенной выгоды к отношениям, возникающим из причинения вреда между колхозом и членами колхоза?

В колхозных правоотношениях действует принцип, дающий право потерпевшему требовать взыскания упущенной выгоды. Так типовым договором между МТС и колхозом предусмотрено, что в случае простоя тракторов, комбайнов, молотилок и других машин МТС по вине колхоза (неподготовленность участков, отсутствие прицепщиков, неподвоз воды, горючего и т. д.) колхоз уплачивает МТС в полуторакратном размере предусмотренную промфинпланом МТС стоимость тракторных работ, которые должны были быть выполнены за время простоя машин. Колхоз же, возместив нанесенный ущерб МТС, может предъявить требования о взыскании с виновных лиц уплаченной денежной суммы. В качестве примера можно привести дело по иску колхоза имени Хрущева к Бондаренко о 643 р. 50 к. Правлением колхоза Бондаренко был назначен в тракторную бригаду

прицепщиком. В связи с тем, что Бондаренко 3 августа 1951 г. на работу не вышел, трактор простоял 10 часов. Дирекция МТС, в соответствии с п. 32 типового договора МТС с колхозом, взыскала с него стоимость тракторных работ, которые не были выполнены по причине простоя трактора. Колхоз, возместив нанесенный ущерб МТС, предъявил регрессный иск к Бондаренко о 643 р. 50 к. Народный суд Ивановского района искивые требования колхоза полностью удовлетворил. Областной суд решение народного суда оставил в силе. Решение народного суда следует признать правильным. В данном случае колхоз возместил МТС упущенную выгоду, тогда как взысканная сумма с Бондаренко в пользу колхоза является прямым ущербом, который понес колхоз в результате невыхода на работу Бондаренко без уважительных причин.

Следует подчеркнуть, что колхозники, по вине которых вызван простой машин, принадлежащих МТС, несут материальную ответственность только тогда, когда колхоз уплатил МТС стоимость невыполненных работ. Факт уплаты колхозом МТС денежной суммы за простой машин является одним из оснований предъявления иска колхозом к виновным лицам.

Из этого можно сделать вывод о том, что в тех случаях, когда колхоз сам не обязан уплатить МТС соответствующего вознаграждения за нанесенный вред, требование колхоза к членам колхоза, виновным в простое машин, о возмещении ущерба является преждевременным и, естественно, не может быть удовлетворено.

Судебными органами области разрешены некоторые дела, правильность рассмотрения которых спорна. Народный суд Чернянского района по иску прокурора района решением от 31 сентября 1951 г. взыскал с колхозника З. в пользу колхоза 300 руб., З., работая ездовым, 22 и 23 июля 1951 г. без уважительных причин не выходил на работу. В связи с невыходом на работу З. пара лошадей два дня не была использована на работе в колхозе. Народный суд в результате проведенной тщательной досудебной подготовки установил, что бригадир не имел возможности заменить невышедшего на работу З. другим колхозником. Со стороны З. имело место грубое нарушение трудовой дисциплины. Для колхоза то обстоятельство, что лошади в течение двух дней не были использованы на работе, — упущенная выгода.

Если исходить из указания Пленума Верховного суда СССР, данного в постановлении от 5 мая 1950 г., о том, что «Размер подлежащего возмещению ущерба должен определяться в этих случаях, исходя из прямого ущерба колхоза...», то суд неправильно поступил, взыскав в пользу колхоза 300 руб. Между тем колхозники полностью одобрили решение народного суда. Июль — месяц разгара полевых работ, уборки урожая, когда дорог не только

каждый день, но и каждый час, и честные колхозники не могли освободить от материальной ответственности колхозника З., который свои личные интересы противопоставил интересам всего коллектива.

Нам представляется, что судебные органы в каждом случае при разрешении дел о материальной ответственности могут обязывать виновных лиц не только возместить прямой ущерб, но и упущенную выгоду, если упущенная выгода может быть точно определена. Если же размер ответственности исчислить невозможно, упущенная выгода не подлежит возмещению.

Для привлечения колхозника к материальной ответственности за причиненный вред недостаточно наличия одного лишь факта невыполнения колхозником уставных обязанностей (например, невыход на работу без уважительных причин), необходимо также, чтобы в действиях колхозника было наличие вины.

Указанный вывод может быть отнесен к делу, рассмотренному народным судом Ульяновского района 12 июля 1951 г. Обстоятельства дела таковы: Ткаченко, работая дояркой высокоудойной группы коров

колхоза имени Чкалова, не получив разрешения от заведующего фермой и правления колхоза, в течение восьми дней без уважительных причин не выходила на работу. Правление колхоза назначило дояркой другую колхозницу. За указанный период закрепленная группа коров снизила удой молока на 452 литра. Народный суд, руководствуясь ст. 403 ГК, обязал Ткаченко сдать колхозу в натуре 452 литра молока или уплатить его стоимость по рыночным ценам в сумме 904 руб. Решение народного суда нельзя признать правильным. Судом не было установлено, что снижение удоя молока произошло по той причине, что дояркой работала другая колхозница, размер же ущерба вообще не представляется возможным исчислить. Следовательно, Ткаченко могла быть привлечена лишь к дисциплинарной ответственности в соответствии со ст. 17 Устава сельскохозяйственной артели за нарушение трудовой дисциплины, выразившееся в невыходе на работу без уважительных причин.

И. Среда

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Еще 31 марта 1951 г. прокурорам участков было разослано Главной прокуратурой морского и речного флота СССР информационное письмо о недостатках в расследовании нарушений правил по технике безопасности. В письме было указано, что прокурорами и следователями допускаются серьезные ошибки в квалификации преступлений. В письме отмечалось: «Субъектом преступления, предусмотренного ст. 133, ч. 3, УК РСФСР (ст. 121, ч. 3, УК Украинской ССР), являются: руководители предприятия, лица административного состава, осуществляющие техническое руководство работами, а также лица, на которых возложена специальная обязанность по обеспечению выполнения правил техники безопасности, либо лица, которые фактически эти обязанности выполняют. Поэтому безусловно недопустимо привлечение по ст. 133, ч. 3, УК рядовых работников транспорта». Для примера было показано дело по обвинению Отирко и Мотренко, которые прокурором Азово-Донского бассейна были привлечены к уголовной ответственности по ст. 56—30 п. «а», ч. 1, УК Украинской ССР (ст. 59—3 п. «в», ч. 1, УК РСФСР). Отирко обвинялся в том, что, будучи групповым механиком порта Жданов, не установил ограждения шестерни на кране, а крановщик Мотренко — в том, что в нарушение инструкции по технике безопасности перед поворотом крана не осмотрел крана. В результате этих нарушений произошел несчастный случай со смазчиком. В информа-

ционном письме указано, что крановщик Мотренко по ст. 56—30 п. «а», ч. 1, УК Украинской ССР привлечен правильно, а действия Отирко следует квалифицировать по ст. 121, ч. 3, УК Украинской ССР.

В мае 1952 года прокуратурой Ждановского участка Азово-Донского бассейна было закончено дело по обвинению отводного Кернева и крановщика Аржанова по ст. 56—30 п. «а», ч. 1, УК Украинской ССР. Крановщик порта Аржанов обвинялся в том, что он, подавая грейфер в трюм парохода, не дал предупредительного сигнала, который он обязан был дать, так как это предусмотрено правилами по технике безопасности для крановщиков. Отводной Кернев обвинялся в том, что не дал предупредительного сигнала грузчикам в трюм. В результате этих нарушений в трюме парохода произошел несчастный случай с грузчиком. Кернев и Аржанов были осуждены линейным судом по ст. 56—30 п. «а», ч. 1, УК Украинской ССР. Определением № 06—858—52 от 13 августа 1952 г. Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР изменила приговор в отношении Аржанова и Кернева, перекалвалифицировав их действия на ст. 121, ч. 3, УК Украинской ССР, так как они оба нарушили правила по технике безопасности.

В июне 1952 года прокуратурой Ждановского участка было закончено дело по обвинению старшего диспетчера порта Пойбойского по ст. 121, ч. 3, УК Украинской ССР и крановщика Дейнеги по ст. 56—30

п. «а», ч. 1, УК Украинской ССР. Побойский обвинялся в том, что, будучи старшим диспетчером порта и принимая участие в погрузке металлолома на баржу «Первая», давал неправильные распоряжения бригадирам, не прекратил погрузки во время перешвартовки баржи и преждевременно дал команду крановщику Дейнеге подавать лоток с чугуном на баржу. Крановщик Дейнега обвинялся в том, что перед подъемом лотка не дал звукового сигнала, не предупредил сигналом грузчиков, которые находились в районе поворота стрелы, т. е. в грубом нарушении правил по технике безопасности. В результате этих нарушений произошел несчастный случай с грузчиком. Линейный суд Азово-Донского бассейна осудил Побойского по ст. 121, ч. 3, УК Украинской ССР и Дейнегу по ст. 56—30 п. «а», ч. 1, УК Украинской ССР.

Побойский и Дейнега подали кассационные жалобы, и их дело было направлено в Водно-транспортную коллегию Верховного суда СССР. Если принять во внимание определение Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР по делу Аржанова и Кернева, то Водно-транспортная коллегия должна была переквалифицировать действия крановщика Дейнеги со ст. 56—30 п. «а», ч. 1, на ст. 121, ч. 3, УК Украинской ССР. Этого не случилось. Приговор по делу Побойского и Дейнеги определением Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР от 24 сентября 1952 г. оставлен в силе без изменения квалификации.

Действия крановщиков Мотренко по первому делу, Аржанова по второму делу и Дейнеги по третьему совершенно одинаковы по своему характеру, т. е. все они нарушили правила по технике безопасности, и у всех результатом был несчастный случай с тяжелым исходом. Почему же квалификация их действий должна быть разная?

Главная прокуратура морского и речного флота СССР считает, что действия крановщика Мотренко следует квалифицировать по ст. 56—30 п. «а», ч. 1, УК Украинской ССР. Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР в определении от 13 августа 1952 г. переквалифицировала действия крановщика Аржанова со ст. 56—30 п. «а», ч. 1, на ст. 121, ч. 3, УК Украинской ССР. По определению этой же коллегии от 24 сентября 1952 г. приговор в отношении крановщика Дейнеги, действия которого были квалифицированы по ст. 56—30 п. «а», ч. 1, УК Украинской ССР, оставлен в силе.

Нам представляется, что на правильной точке зрения стоит Главная транспортная прокуратура, которая считает, что недопустимо привлекать к уголовной ответственности по ст. 121, ч. 3, УК Украинской ССР (ст. 133, ч. 3, УК РСФСР) рядовых работников. Крановщики являются, хотя и высококвалифицированными, но рядовыми работниками, а поэтому их действия следует квалифицировать по ст. 56—30 п. «а», ч. 1, УК Украинской ССР. Если крановщик нарушает правила по технике безопасности, то он одновременно с этим нарушает и трудовую дисциплину на транспорте, так как в понятие трудовой дисциплины на транспорте входит и соблюдение правил по технике безопасности.

Так как по вопросу квалификации по делам о несчастных случаях не было какого-либо определенного мнения в Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР, то Пленуму Верховного суда СССР следовало бы дать по этому поводу более определенные и точные разъяснения.

Прокурор Ждановского участка
Азово-Волго-Донского бассейна

Г. Новиков

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РАБОТЫ НАРОДНОГО СУДЬИ ЕЛАНЕЦКОГО РАЙОНА НИКОЛАЕВСКОЙ ОБЛАСТИ т. ДИКОГО

Николай Иванович Дикий работает народным судьей Еланецкого района Николаевской области с 1950 года. Он правильно понял стоящие перед советским правосудием задачи и обеспечил неуклонное выполнение законов при разрешении уголовных и гражданских дел, в результате чего в 1951—1952 гг. у него не было отмены решений народного суда, отмена приговоров составила 6%, а сроки рассмотрения дел удовлетворительные.

Этих результатов в судебной работе т. Дикий добился благодаря глубокому изучению и пониманию советского законодательства, партийному подходу к разрешению дел, правильной организации работы народного суда, хорошо поставленной работы с кадрами, систематическому проведению общественно-массовой работы среди населения и в результате повседневной серьезной работы над повышением своего идейно-политического уровня и юридической квалификации, высокой требовательности в работе к себе и к своим подчиненным.

Тов. Дикий ежемесячно планирует свою работу. Планами предусматриваются: занятия с работниками суда по изучению директивных указаний, статей в журнале «Социалистическая законность», передающих положительный опыт работы других судов; проверка работы канцелярии и судебного исполнителя; обобщение судебной практики по отдельным категориям дел; занятия с народными заседателями; отчетные доклады перед избирателями; беседы по разъяснению советского законодательства; дни судебных заседаний (отдельно по уголовным и гражданским делам) и т. д. Намеченные планом мероприятия выполняются в срок. Тов. Дикий уделяет серьезное внимание приему граждан. Это помогает хорошей подготовке дел к слушанию, способствует высокому качеству судебных решений и приговоров и обеспечивает своевременное рассмотрение дел. В беседе с посетителями он выясняет, какие доказательства необходимо собрать по делу и каким путем это сделать, принимает все меры к мирному разрешению спора.

Хорошо в народном суде организован своевременный вызов участников процесса по всем делам. Большое внимание т. Дикий уделяет работе с народными заседателями и заместителями народного судьи по изучению ими текущего законодательства, регулярно (не менее одного раза в месяц) проводит с ними занятия по изучению пособия

для народных заседателей. Занятия с ними проводит по группам, поскольку большинство народных заседателей живет и работает в селах.

Тов. Дикий регулярно, ежедневно, занимается справочной работой по законодательству. В контрольных экземплярах кодексов делает своевременно отметки о дополнениях и изменениях в законодательстве. Систематически ведет алфавитный журнал по законодательству и судебной практике, в результате чего народный суд правильно решает дела по существу и составляет юридически грамотные, полные, мотивированные, доходчивые и убедительные решения, приговоры и определения (до судебного заседания народные заседатели знакомятся с делами и законодательными материалами, которыми надлежит руководствоваться при разрешении конкретного дела).

Чтобы добиться положительных результатов в борьбе за сокращение преступности в районе и за снижение нарушений гражданских правоотношений, т. Дикий систематически проводит массово-разъяснительную работу, знакомит население с советским законодательством и с работой суда. Им сделано 15 отчетных докладов и 17 докладов, лекций и бесед на правовые темы: «Ленин и Сталин о социалистической законности», «Об охране государственной и общественной собственности», «Социалистическая трудовая дисциплина», «Строго соблюдать и выполнять Устав сельскохозяйственной артели», «Советский народный суд в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей», «Права и обязанности советских граждан» и др.

Обнаружив поступление большого количества заявлений об установлении фактов родственной связи детей с матерями, о признании недействительными записей органов загса в свидетельства о рождении, смерти и др., т. Дикий поставил в известность об этом районный исполнительный комитет, прочитал на постоянно действующем районном семинаре секретарей и председателей сельских советов доклады и лекции о правильности оформления документов (свидетельств о браке, рождении и смерти), об укреплении советской семьи в свете указа от 8 июля 1944 г. и др.

Тов. Дикий систематически занимается обобщением судебной практики по основным категориям уголовных и гражданских дел. Им сделано 19 обстоятельных обобще-

ний. Обобщением дел по ст.ст. 3—4 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» установлено: 1) отсутствие должной охраны на стоках колхозов и в магазинах сельпо; 2) принятие и сдачу зернопродуктов не весом, а мерой; 3) слабую работу ревизионных комиссий в колхозах и районном потребительском союзе; 4) плохой подбор кадров на материально-ответственные должности в районном союзе потребительских обществ, колхозах; 5) отсутствие работы с молодыми кадрами по повышению их политических знаний и деловой квалификации и т. д.

По тринадцати обобщениям написаны письма и представления в районный комитет партии, районный исполнительный комитет, районному уполномоченному по заготовкам, начальнику милиции, районному прокурору, потребительскому союзу, в колхозы и др. для устранения вскрытых ошибок и нарушений закона.

Народный суд реагировал на недостатки в работе организаций, учреждений, колхозов и др., вскрытые при рассмотрении отдельных уголовных и гражданских дел, путем вынесения восемнадцати частных определений. Тов. Дикий осуществляет контроль за их действительностью.

Так по делу № 2—127 по иску колхоза к Гуренкову о 101 руб. судом установлено, что ответчик, работая в районном отделе сельского хозяйства и часто находясь в командировках по колхозам, брал у них сельскохозяйственные продукты, как правило, бесплатно или по заниженным ценам. На неоднократные требования колхозов об оплате за продукты по среднерыночным ценам Гуренков категорически отказывался платить, в судебное заседание дважды не явился, а затем, явившись в суд, стал вводить его в заблуждение и т. д. Народный суд совершенно правильно удовлетворил иск колхоза и постановил два частных определения, в силу которых Гуренков был освобожден от работы за нарушение Устава сельскохозяйственной артели.

По ряду других определений, вынесенных судом, со стороны соответствующих организаций были приняты необходимые меры воздействия, о чем народный суд был уведомлен.

Тов. Дикий осуществляет повседневный контроль над работой судебного исполнителя и канцелярии. Один раз в месяц проводит глубокую проверку их работы, оформляя ее актом. Результаты обсуждаются на производственных совещаниях работников суда. Производственные совещания проводятся тоже регулярно один раз в месяц. На них обсуждаются вопросы, связанные с составлением и выполнением плана работы, результаты обобщений судебной практики, директивные письма, статьи из журнала «Социалистическая законность» по обмену опытом, акты проверки работы судебного исполнителя и канцелярии, жалобы трудящихся и др.

Тов. Дикий уделяет особое внимание контролю над работой судебного исполнителя в части его финансовой деятельности — по оформлению денежной документации, своевременному расчету по взысканным суммам, своевременному взысканию по исполнительным документам, особенно по взысканию алиментов и возмещению государству ущерба, причиненного хищениями и растратами. Составление актов об отсутствии имущества по этой категории дел в практике народного суда — редкое явление.

Тов. Дикий требует от судебного исполнителя ежеквартальных проверок состояния взыскания алиментов в колхозах, организациях, предприятиях, с представлением актов проверки. От бухгалтеров колхозов и организаций он ежемесячно получает справки о произведенных взысканиях алиментных сумм, проводит совещания с бухгалтерами по вопросу своевременного, правильного взыскания алиментов и перевода их получателям. По этому вопросу написаны письма всем бухгалтерам.

Тов. Дикий обеспечил изучение работниками канцелярии инструкции по делопроизводству в народном суде и принял от них зачеты. Все предусмотренные инструкцией книги, наряды, журналы ведутся в строгом соответствии с ее требованиями (секретарь суда т. Мирошниченко). Приговоры и решения обращаются к исполнению своевременно. Вся поступающая в народный суд корреспонденция немедленно регистрируется и передается народному судье. Рассылка почты производится в минимальные сроки.

Секретарь судебных заседаний т. Плохотная тщательно подготавливает все необходимое для судебного заседания. Протоколы пишет быстро, полно, чисто, грамотно, правильно отображая ход судебного заседания (за хорошую и добросовестную работу отмечена в приказах начальника управления юстиции и Министерства юстиции Украинской ССР).

Работники народного суда повышают свой идейно-политический уровень и деловую квалификацию, все учатся в политшколе. Тов. Дикий еженедельно проводит политинформации по материалам газет и отдельным статьям из журнала «Социалистическая законность». Секретари посещают также занятия, которые проводит судья с народными заседателями.

Сам т. Дикий учится на пятом курсе Одесского филиала Всесоюзного юридического заочного института. Он изучил «Библиотеку народного судьи», является действительным членом общества по распространению политических и научных знаний, внештатным лектором Еланецкого райкома партии, руководителем политшколы в колхозе «Знамя коммунизма», секретарем первичной партийной организации работников суда и прокуратуры. За хорошие показатели в работе и правильную организацию работы суда т. Дикий был

премиирован Министром юстиции СССР в 1952 году.

Тов. Дикий хорошо готовит уголовные дела к судебным заседаниям. Тщательно изучает их с точки зрения полноты и объективности расследования, соблюдения процессуальных норм, правильности квалификации действий обвиняемого. Дела изучают и народные заседатели. Затем суд внимательно их рассматривает в подготовительном заседании с обязательным участием прокурора. Тов. Дикий осуществляет контроль над точным и своевременным выполнением определений подготовительного заседания.

В судебном заседании, как правило, принимают участие народные заседатели, принимавшие участие в подготовительном заседании. Глубокое изучение всех материалов и обстоятельств дела всем составом суда значительно облегчает ведение судебного процесса и обеспечивает надлежащее качество судебного следствия.

По каждому уголовному делу судебное следствие проводится культурно, кропотливо и всесторонне исследуются все обстоятельства, указывающие на вину подсудимого либо устранившие или смягчающие его вину. Тов. Дикий принимает все меры к установлению причин и мотивов совершения преступления и к выявлению особенностей личности обвиняемого.

На протяжении последних лет в практике суда не было ни одного случая неосновательного осуждения граждан или необоснованного оправдания преступников.

Народный суд рассматривает большое количество дел с выездом на место, с широким привлечением к ним внимания общественности в целях борьбы с преступностью и укрепления связи суда с трудящимися.

Так, например, заведующий глубинным пунктом «Заготзерно» Скалько похитил 12 ц пшеницы. Суд рассмотрел это дело в нерабочее время с выездом на место в Мало-Женевский сельский совет. Судебный процесс был проведен с участием прокурора и адвоката. Суд постановил справедливый приговор, подвергнув Скалько по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 20 лет, с конфискацией всего имущества, с поражением в правах по пп. «а», «б», «в» ст. 29 УК Украинской ССР сроком на пять лет после отбытия меры наказания.

В одном из клубов и в правлении колхоза были совершены хулиганские действия Слюстиными и Кузнецовым. Оба дела были рассмотрены с выездом на место. Хулиганы сурово осуждены: Слюстины к четырем годам лишения свободы, с поражением в правах по пп. «а», «б», «в» ст. 29 УК на два года каждый, Кузнецов — к трем годам лишения свободы, с поражением в правах по пп. «а», «б», «в» ст. 29 УК на три

года, с запрещением проживать в Николаевской области на два года после отбытия меры наказания (согласно ст. 33 УК).

Народный суд по всем делам стремится установить источники и причины преступлений и принимает меры к устранению их путем вынесения частных определений и посылки писем.

На протяжении последних лет не было отмены судебных решений народного суда Еланецкого района. По одному делу было областным судом изменено решение народного суда, но т. Дикий не согласился с определением областного суда и представил его Председателю Верховного суда Украинской ССР, по протесту которого Верховным судом Украинской ССР определение областного суда отменено, а решение народного суда оставлено в силе.

Хорошее качество выносимых судом решений по гражданским делам является прямым результатом тщательной досудебной подготовки, которую проводит т. Дикий по каждому делу, оформляя ее протоколами или определениями.

Каждый исковой материал, поступивший в народный суд, т. Дикий тщательно изучает. Если нет необходимых документов в подтверждение исковых требований, то т. Дикий истребует их от государственных и кооперативных учреждений через истца, выдавая ему на руки соответствующие отношения. Если исковой материал прибыл по почте и устанавливается, что не все требуемые документы приложены к заявлению, суд в порядке ст. 98 ГПК требует недостающие документы, указывая срок их представления. При подаче исковых заявлений без соблюдения требований ст.ст. 91 и 93 ГПК Украинской ССР народный судья лично сам протокольно оформляет заявление.

По сложным делам т. Дикий, проводя досудебную подготовку, вызывает ответчиков для ознакомления с исковым материалом с тем, чтобы ответчики могли представить соответствующие документы, а также назвать свидетелей. По окончании досудебной подготовки народный судья назначает дело к слушанию с таким расчетом, чтобы стороны получили повестки не позднее как за пять дней до судебного заседания. Накануне слушания дела, а также при проведении досудебной подготовки народный судья подбирает нужный законодательный материал. Этому помогает хорошо поставленная справочно-кодификационная работа.

При рассмотрении гражданских дел т. Дикий всемерно стремится к выяснению действительных прав и взаимоотношений сторон. Выносимые народным судом решения и определения отвечают требованиям ст. 197 ГПК Украинской ССР, юридически обоснованны, грамотны и убедительны.

При рассмотрении дел о взыскании алиментов т. Дикий добился явки ответчиков почти по всем делам. Требования ст.ст. 211 и 214 ГПК Украинской ССР выполняются. Все решения исполнены своевременно.

Очень большое внимание уделяется судом рассмотрению дел, по которым одной из сторон является колхоз. Тщательно выясняются обстоятельства дела, в необходимых случаях производится взаимосверка счетов и истребование документов. В практике суда не было дел, которые рассматривались бы в отсутствие представителя колхоза в судебное заседание т. Дикий воздействует через руководящие органы района. По вскрытым судом недостаткам в работе колхозов, вызвавших несвоевременную ликвидацию дебиторской задолженности, судом выносятся частные определения, пишутся представления в руководящие органы.

Тов. Дикий проводит семинарские занятия с бухгалтерами колхозов, читает лекции и доклады о правильности оформления исковых материалов в суд по ликвидации

дебиторской задолженности, о результатах обобщения судебной практики по колхозным делам, о представительстве в суде, об оформлении доверенности, о борьбе с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели и др.

Народный суд Еланецкого района всей своей деятельностью воспитывает советских граждан в духе преданности Родине, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития.

Старший ревизор управления юстиции по Николаевской области

А. Коблова

РАВНЯТЬСЯ НА ПЕРЕДОВЫХ СУДЕБНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Судебный исполнитель призван к выполнению судебного решения. Советский закон определил положение судебного исполнителя: «Предъявляемые судебными исполнителями требования по исполнению судебных приговоров, решений и определений обязательны для всех должностных лиц и граждан» (ст. 80 Закона о судостроительстве).

Работа судебного исполнителя многообразна — ею затрагиваются интересы государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий, колхозов, а также трудовые, жилищные и другие личные и имущественные интересы отдельных граждан. Объем работы судебного исполнителя большой. К нему поступает в месяц более сотни исполнительных документов на десятки тысяч рублей. Исполнение судебного решения требует от судебного исполнителя исключительной оперативности, безупречной честности и моральной устойчивости. Огромное значение в работе судебного исполнителя имеет своевременность и законность исполнения судебного решения. Всякое упущение в работе и недобросовестное отношение к служебному долгу вызывают недовольство и жалобы трудящихся, подрывают авторитет и силу судебного решения.

Судебный исполнитель, получив исполнительный документ, обязан уведомить должника и определить срок исполнения судебного решения. Он обязан своевременно путем наложения взыскания на имущество пресечь попытку растратчика и недобросовестного ответчика уклониться от материальной ответственности. Кроме мер оперативного характера, судебный исполнитель проводит большую работу по проверке исполнения судебных решений, находящихся в учреждениях, предприятиях и колхозах.

В практике работы судебных исполнителей было вскрыто немало случаев, когда исполнительные документы по судебным решениям длительное время лежали «под сукном» у бухгалтеров и счетоводов, а удержанные с должников средства не пересылались своевременно, а в отдельных случаях тратились на нужды учреждения или присваивались. Такие случаи вскрыты в бухгалтерии Чернятинского стеклозавода, где кассир Барковская присвоила средства, подлежащие пересылке на содержание детей; в Мглинском районе бухгалтер «Сельстроя» удержанные средства систематически пропивал. Таких случаев еще немало там, где бухгалтеры учреждений и предприятий, пользуясь бесконтрольностью со стороны руководителей и судебных исполнителей, проявляют личную нечистоплотность и забывают свой служебный долг.

Судебный исполнитель в силу требования закона обязан лично систематически производить проверку и через народного судью привлекать виновных к ответственности.

Судебные исполнители (т.т. Мартыновский, Лыжина, Болотина и др.) проводят большую общественную работу. Они выступают на собраниях и совещаниях, на которых разъясняют требования советского закона, порядок исполнения судебного решения, подвергают критике недостатки в учреждениях и лиц, уклоняющихся от исполнения законного требования, разъясняют последствия, допущенные нарушителями.

Среди судебных исполнителей области имеется немало инициативных и квалифицированных работников. Положительный опыт работы таких судебных исполнителей,

как тт. Мартыновский (Брянск), Болотина и Вороненко (Клинцы), Симученко (Сураж), Попедько (Унеча), Карасева, Ступина, Белова, Лыжина и другие, воспринят многими судебными исполнителями народных судов области. Положительные качества работы этих судебных исполнителей заключаются в том, что они, сознавая возложенный на них служебный долг, строго соблюдают требования закона, хорошо усвоили положение и инструкцию по исполнению судебных решений.

С какой теплотой и словами благодарности поступают письма в адрес судебного исполнителя от матерей, получающих своевременно средства, взыскиваемые на содержание детей, или от граждан, получивших в силу судебного решения следуемые суммы при восстановлении на работе, по взысканию имущественного долга, по взысканию заработной платы и т. д. Такие письма десятками получают тт. Мартыновский, Симученко и ряд других. Эти судебные исполнители при аттестации их в должности показали себя как передовики. Часть из них имеет почетные грамоты Министерства юстиции СССР за образцовое выполнение служебного долга по исполнению судебных решений.

Однако в отдельных народных судах области имеются еще и такие судебные исполнители, которые, пользуясь беспечностью и отсутствием контроля со стороны народ-

ных судей, допускают серьезные нарушения своего служебного долга.

В работе судебных исполнителей Гриценко, Карловского, Исаковой, Савекина были вскрыты факты волокиты и запущенности. На действия этих судебных исполнителей поступали частые жалобы. Народные судьи, где работают эти работники, не реагировали на неправильные действия судебных исполнителей. Между тем народный судья должен помнить, что он отвечает за работу судебного исполнителя и что авторитет суда не будет стоять на высоте, если с исполнением его решений проявляется волокита. Аттестационная комиссия не утвердила указанных судебных исполнителей в занимаемых должностях. Управление юстиции по Брянской области приняло ряд мер по подбору, расстановке и воспитанию кадров судебных исполнителей, используя положительный опыт передовых судебных исполнителей, освобождаясь от лиц, не отвечающих высокому званию судебного исполнителя, оказывая практическую помощь молодым работникам и повышая их деловую квалификацию.

Исполнение судебных решений в народных судах должно полностью отвечать требованиям социалистической законности.

Заместитель начальника управления юстиции по Брянской области

И. Смагин

ЗАНЯТИЯ РАБОТНИКОВ МИЛИЦИИ ПО ПОВЫШЕНИЮ ИХ КВАЛИФИКАЦИИ

Обобщение материалов, характеризующих состояние работы органов милиции по борьбе с преступностью, изучение уголовных дел позволили сделать вывод о том, что серьезные нарушения законности допускаются не только в результате небрежного отношения к порученному делу, но и незнания или непонимания отдельными работниками милиции закона.

В связи с этим в деле улучшения качества следствия, усиления борьбы с преступностью, укрепления социалистической законности, наряду с использованием таких форм прокурорской работы, как проведение оперативных совещаний, внесение протестов, а также представлений в директивные органы, большое значение имеет проведение занятий работников милиции по повышению их юридической квалификации.

Еще в августе 1951 года начальником управления милиции и прокурором Молотовской области была разослана совместная директива всем городским и районным прокурорам и начальникам отделений милиции, обязывающая ежемесячно проводить с оперативным составом органов милиции занятия по изучению методики расследо-

вания наиболее распространенных, а также наиболее сложных категорий дел. С тех пор такая форма оказания помощи работникам милиции в расследовании по уголовным делам во многих районах вошла в систему.

Начальникам отделений милиции было рекомендовано разрабатывать тематику проведения занятий с учетом наличия недостатков в следственной работе и согласовывать с прокурором. В дальнейшем занятия стали проводиться на основе тематики, предложенной Прокуратурой СССР. Помимо того в некоторых районах на занятиях знакомилась с законами, регулирующими административную деятельность органов милиции.

Чтобы дать представление об объеме этой работы, следует указать хотя бы на занятия, проведенные с помощью прокуратуры в органах милиции Молотовского района г. Молотова. Здесь прочитаны лекции на следующие темы: методика расследования дел о хищениях социалистической собственности; производство обысков; методика расследования преступлений, предусмотренных указом от 4 июня 1947 г. «Об усилении

охраны личной собственности граждан»; соби́рание, закрепление и оценка доказательств; методика расследования спекуляции; методика расследования обмеривания и обвешивания покупателей и др.

Всего в 1952 году прокурором Молотовского района т. Богомоловой и ее помощником по надзору за органами милиции т. Каровой было прочтано 15 лекций.

Постоянное проведение занятий работников милиции, активный надзор прокурора за расследованием дел позволили органам милиции Молотовского района по всем показателям работы занять одно из первых мест среди органов милиции области.

Во многих других районах проводились занятия на темы: причинная связь в уголовном праве; состав преступления; допрос обвиняемых; допрос несовершеннолетних; назначение экспертизы. Это далеко не исчерпывающий перечень лекций, прочитанных городскими и районными прокурорами, их помощниками и народными следователями. Систематически принимали участие в проведении занятий по изучению криминалистики, процессуального и материального права прокуроры Кагановичского, Ленинского, Сталинского, Б. Усинского, Верещагинского, Оханского, Уинского, Щучье-Озерского и других районов области. За 1952 год только прокурорами, помимо руководящего состава органов милиции, было прочтано на занятиях 193 лекции. Занятия, как правило, проводились с таким расчетом, чтобы они способствовали улучшению качества работы, укреплению социалистической законности.

Прокурор Б. Усинского района, исходя из наличия недостатков в работе органов милиции, на одном из занятий прочитал лекцию «О расследовании по делам о хулиганстве и преступлениях против личности». На занятиях, помимо того, обсуждалась помещенная в № 4 журнала «Социалистическая

законность» за 1952 год статья «Усилить борьбу с хулиганством».

В Верхне-Муллинском отделении милиции обращает на себя внимание низкое качество следственной работы, здесь многие следственные дела возвращаются на доследование или прекращаются, по многим делам допускается волокита. Это свидетельствует о недостаточной квалификации некоторых работников милиции, ведущих расследование.

В целях оживления работы по повышению квалификации работников милиции прокуратурой области подводились итоги, составлялись информационные письма и рассылались городским и районным прокурорам. При проведении целевых проверок и ревизий обращалось внимание и на положение с организацией занятий для работников милиции.

Перед руководством областного управления милиции ставился вопрос в отношении начальников отделений милиции, уклоняющихся от проведения занятий с подчиненными им работниками.

С момента организации занятий прошло около двух лет. Во многих городских и районных отделениях милиции расследование стало поручаться наиболее юридически грамотным работникам милиции. Более тщательно стали производиться работниками милиции осмотры мест происшествия.

Однако в отдельных районах все еще имеются серьезные недостатки. И только в результате повышения юридической квалификации, укрепления дисциплины, усиления прокурорского надзора за законностью действий органов милиции будет выполнено важнейшее требование партии и правительства об искоренении нарушений социалистической законности.

Начальник отдела по надзору за органами милиции

Грачев

РАБОТА ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ г. БИЙСКА

Для осуществления задач, возложенных на адвокатуру, необходимо, чтобы адвокаты работали над повышением своего марксистско-ленинского образования, глубже овладевали своей профессией, поднимали уровень своей культуры.

Как осуществляют эти задачи адвокаты юридической консультации г. Бийска? Все адвокаты повышают свой идейно-политический уровень: одни — в вечернем университете марксизма-ленинизма, другие — в кружках по изучению философии при горкоме. Учебная программа выполняется успешно, установлен постоянный контроль над ходом выполнения учебных программ.

Все адвокаты консультации — члены Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, внештатные

лекторы культурно-просветительного отдела городского исполкома. Ими прочитана за год на предприятиях и в учреждениях города 151 лекция.

Лекции читаются на темы: «О международном положении», «Волго-Донской судоходный канал», «Социалистическая дисциплина труда», «Брак и семья в советском законодательстве», «Советский суд на страже прав граждан» и др. Ежедневно проводятся вечера вопросов и ответов. Проводятся юридические консультации при городском исполкоме. Адвокат т. Куксина за хорошую общественно-массовую работу в 1952 году награждена почетной грамотой краевого исполнительного комитета. Адвокаты юридической консультации привлекаются к участию во всех совещаниях

судебных и следственных работников города, где вскрываются недостатки в работе не только судов и следственных работников, но и в работе адвокатов.

Адвокаты принимают активное участие в работе еженедельного, постоянно действующего семинара работников суда, прокуратуры, милиции, для которого готовят доклады на правовые и политические темы.

Все эти мероприятия способствуют тому, что качество работы адвокатов неослабно повышается. Производственная и общественно-массовая работа юридической консультации планируется. Планы утверждаются на производственных совещаниях, причем заведующий докладывает о выполнении плана за прошедший месяц. Производственные совещания в консультации проводятся ежемесячно, на них обсуждаются вопросы по улучшению качества работы адвокатов.

В юридической консультации составляется рецензия на выступления адвокатов в судах, делаются обзоры по консультационной работе, по составлению адвокатских производств, кассационных и надзорных жалоб, исковых заявлений, — с обсуждением на производственных совещаниях кон-

сультации. Слушаются отчеты адвокатов об их работе.

Большое внимание в консультации уделяется консультационной работе. Эта работа значительно улучшилась после обсуждения статьи т. Голубовского, помещенной в журнале «Социалистическая законность». Прием клиентов производит дежурный адвокат, а при большом скоплении посетителей — свободные адвокаты. В консультации заведен учет всей работы адвокатов. При обсуждении акта ревизии юридической консультации в феврале месяце адвокаты отмечали, что совершенно правильно предъявлена претензия к отделу адвокатуры Министерства юстиции СССР, что до сего времени не издано ни одного сборника лучших речей адвокатов нашей страны, хотя на это уже обращалось внимание в статье т. Давыдова, помещенной в журнале «Социалистическая законность» № 2 за 1951 год.

Мало освещается опыт работы юридических консультаций, а в этом есть большая необходимость для улучшения их работы.

Заместитель председателя президиума
Алтайской краевой коллегии адвокатов

Н. Ручьева

УСИЛИТЬ ПРАВОВУЮ ПРОПАГАНДУ

Прокурором Камского бассейна т. Макушкиным в марте 1953 года было созвано совещание с оперативным составом прокуратуры. На этом совещании он внес предложение, чтобы каждый прокурорско-следственный работник разработал лекцию на определенную правовую тему для того, чтобы затем вести правовую пропаганду среди рабочих и служащих пароходств.

Это предложение было единодушно принято. Был составлен подробный календарный график: кто, какую готовит лекцию и к какому сроку. По мере подготовки лекций, они ставились на обсуждение оперативного состава прокуратуры. Присутствующие товарищи высказывали критические замечания и практические предложения по заслушанному материалу лекции. После коллективного прослушивания лекции автор окончательно ее отработывал, а затем выступал перед аудиторией. Таким методом восемь оперативных работников прокуратуры подготовили лекции на разные темы.

По открытии навигации в 1953 году было прочитано на предприятиях речного

транспорта, пристанях и судах речного флота пятьдесят лекций на темы: «О социалистической дисциплине на водном транспорте», «Об охране социалистической собственности», «О семейно-брачных отношениях», «О бдительности советского человека», «Об охране труда в СССР» и др.

Прочитанные лекции получили положительные отзывы со стороны партийных, профсоюзных организаций и администрации.

Проведенная разъяснительная правовая работа в бассейне не могла не сказаться на сокращении преступности и нарушении дисциплины.

Судебным и следственным работникам нужно уделять больше внимания правовой пропаганде. Она имеет большое предупредительное значение, помогает перевоспитанию некоторых, малоустойчивых членов нашего общества, поднимает в них сознательность, культуру, трудовой подъем, направляет на увеличение производительности труда.

Помощник прокурора Камского бассейна

И. Артемов

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 3 журнала «Социалистическая законность» была напечатана статья т. Александра «Покончить с ротозейством и беспечностью».

Прокуратура Белорусской ССР сообщила в редакцию, что по делу о крупном хищении государственных средств работниками Речицкого горпищепромторга Ореховой, Котляр, Абрамович и др. производилось расследование прокуратурой Речицкого района Гомельской области. Следствие по делу закончено, и виновные осуждены. О поверхностном проведении ревизии Речицкого горпищепромторга ревизорами Министерства торговли Легенченко, Колесниковой, Маручек и др. сделано представление Министру торговли Белорусской ССР. Названные лица от ревизионной работы освобождены.

Прокуратура Башкирской АССР сообщила в редакцию, что в марте 1953 года проведено республиканское совещание городских и районных прокуроров, народных судей и начальников районных милиций по вопросу о мерах борьбы с хищением и растратами социалистической собственности. По итогам совещания прокуратурой Башкирской АССР направлено всем городским и районным прокурорам специальное письмо, в котором поставлены первоочередные задачи и пути к усилению борьбы с хищениями социалистической собственности. Прокуратурой Башкирской АССР обобщаются материалы по этому вопросу для внесения соответствующего представления. Также обобщена практика Верховного суда Башкирской АССР по делам о хищениях. По фактам волокиты внесено представление председателю Верховного суда Башкирской АССР; внесено также представление о несерьезном отношении к рассмотрению дел членом Верховного суда Башкирской АССР т. Зайцевым.

Прокуратура Казахской ССР сообщила в редакцию, что за присвоение государственного и общественного имущества, за хищение личной собственности граждан, за контрреволюционную агитацию Мурлыкин привлечен к уголовной ответственности и выездной сессией Южно-Казахстанского областного суда осужден к двадцати пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

Прокуратура Украинской ССР сообщила в редакцию, что дело о хищениях материальных ценностей в магазине Джудинского сельпо расследованием закончено. Приговором народного суда Мазурский осужден к двадцати годам исправительно-трудовых лагерей. За проявленную халатность при проведении ревизий этого магазина осуждены бухгалтер сельпо Мороз, председатель сельпо Осадчий и председа-

тель ревизионной комиссии Синица — к трем годам исправительно-трудовых лагерей каждый.

Прокуратура Вологодской области сообщила в редакцию, что факты, изложенные в статье т. Александра по делу по обвинению Захарова, прокуратурой области проверены и подтвердились. Прокурор Вологодского района т. Егоров предупрежден об ответственности за беспечность и ротозейство, допущенные по делу Захарова, и приняты меры к усилению розыска последнего и к окончанию следствия по делу.

Прокуратура Узбекской ССР сообщила в редакцию, что Задирако осужден Ташкентским областным судом к двадцати пяти годам лишения свободы, поражению избирательных прав сроком на пять лет и с конфискацией имущества. Следователь Лобачева из органов прокуратуры уволена.

В № 1 журнала была опубликована статья т. Андреевского «Идейно-политическое воспитание прокурорско-следственных работников».

Прокуратура Узбекской ССР сообщила в редакцию, что прокуратурой республики специальным письмом было рекомендовано прокурорам областей широко ознакомиться с указанной статьей всех прокурорских и следственных работников — на оперативных совещаниях, семинарах, учебно-методических конференциях; держать повседневную связь с партийными органами для усиления контроля над идейно-политической учебной и воспитанием наших работников. От прокуроров областей истребована информация, что ими предпринято в связи со статьей. Из представленных областными прокурорами материалов видно, что ознакомление со статьей проведено, отделы кадров прокуратуры республики и областных прокуратур наметили ряд мер, осуществление которых предусматривается планами работы на третий квартал и последующие кварталы.

Прокуратура Грозненской области сообщила в редакцию, что в статье т. Андреевского правильно указывалось на недостатки в организации и проведении постоянных семинарских занятий с прокурорскими и следственными работниками, а также на недостаточное использование других форм идейно-политической учебы кадров. В аппарате прокуратуры области систематически проводились еженедельные семинарские занятия, в которых принимали участие, помимо работников областной прокуратуры, также и работники шести районных прокуратур г. Грозного. Семинарские же занятия в районах вначале

проводились систематически, но затем вследствие отсутствия надлежащего контроля над их проведением и необходимой практической помощи в их организации как со стороны руководства областной прокуратуры, так и со стороны областных управлений юстиции и милиции стали проводиться изредка, а в отдельных районах совершенно прекратились. Принимаются меры к возобновлению семинарских занятий и улучшению качества их проведения.

В № 11 журнала за 1952 год была напечатана статья т. Зыкова «Устранить причины волокиты».

Прокуратура Белорусской ССР сообщила в редакцию, что в статье правильно отмечены недостатки в работе следственных отделов прокуратур областей. Для устранения отмеченных недостатков и поднятия уровня всей следственной работы Прокуратурой Белорусской ССР проведено совещание начальников следственных отделов и лучших следователей прокуратур областей, оказана практическая помощь в организации работы начальникам следственных отделов прокуратур Гродненской, Минской и других областей. На начальника следственного отдела прокуратуры Молодечненской области т. Народня за неудовлетворительную организацию следственной работы и факты волокиты в расследовании по уголовным делам и в разрешении материалов о совершенных преступлениях наложено дисциплинарное взыскание. Проведен ряд других организационных мер, связанных с улучшением качества и сроков следствия.

В № 1 журнала была напечатана корреспонденция т. Шибасева «На путях улучшения следственной работы».

Прокуратура Алтайского края сообщила в редакцию, что вопросы, поднятые т. Шибасевым, были предметом обсуждения на краевой конференции следователей. Кроме этого, были приняты меры со стороны следственного отдела к усилению более дифференцированного руководства работой народных следователей путем оказания практической помощи, вызова следователей с отчетами и т. д., и в результате проведенных мероприятий следственный аппарат ликвидировал нарушения двухмесячного срока следствия по уголовным делам и сократил остатки дел.

В № 1 журнала была опубликована статья т. Колмакова «Связь криминалистических учреждений с прокурорскими и судебными органами».

Министерство юстиции Украинской ССР сообщило в редакцию, что дано указание начальникам областных управлений юстиции включить в тематические планы семинарских занятий вопросы, относящиеся к методике подбора документов, их оформления и направления на графическую

экспертизу, и пригласить для проведения этих занятий научных сотрудников криминалистических учреждений. Во всех областях республики на семинарских занятиях с народными судьями изучена инструкция о порядке подготовки материалов и назначении графической экспертизы, а также прочитаны лекции по другим вопросам криминалистической экспертизы. Предложено начальникам областных управлений юстиции обсудить статью т. Колмакова на оперативном совещании и принять меры к усилению связи судебных органов с криминалистическими учреждениями.

В № 4 журнала была напечатана корреспонденция т. Суркова «Недостатки в работе следственных органов».

Прокуратура Алтайского края сообщила в редакцию, что ею дано указание всем народным следователям тщательно ознакомиться с корреспонденцией т. Суркова и устранить отмеченные недостатки. Кроме того, собирается фактический материал о допущенных нарушениях при выполнении ст. 207 УПК, после чего будет составлено письмо всем народным следователям.

В № 4 журнала была опубликована корреспонденция т. Шарковой «Наши претензии к работникам прокуратуры».

Прокуратура СССР сообщила в редакцию, что Институтом криминалистики Прокуратуры СССР по обобщенным материалам Следственного управления подготовлено и будет разослано для руководства всем прокурорам и следователям информационно-методическое письмо о недостатках в работе по подготовке материалов для графической экспертизы и о порядке собирания и подготовки этих материалов. Прокурорам Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, в которых наиболее часто отмечались случаи недоброкачественного оформления следователями материалов для графической экспертизы, даны указания о проведении ряда мер, направленных к улучшению этой работы.

В № 2 журнала была напечатана корреспонденция т. Васильева «Споры об отцовстве и алименты по зарегистрированному браку».

Верховный суд СССР сообщил в редакцию, что им затребовано из народного суда дело, упоминаемое в корреспонденции, и в связи с проверкой этого дела в порядке надзора будет разрешен вопрос, поставленный в корреспонденции.

По вопросу, затронутому в корреспонденциях т. Маленина (№ 2 журнала) и т. Смоленцева (№ 4 журнала) о возмещении вреда, причиненного утратой трудоспособ-

ности вследствие профессионального заболевания, Верховный суд СССР сообщил в редакцию, что разрабатывается проект руководящего указания Пленума Верховного суда СССР.

В № 3 журнала была опубликована статья т. Андреева «Возможен ли поворот исполнения решений по делам о взыскании алиментов?».

Верховный суд СССР сообщил в редакцию, что поставленный в статье вопрос в судебной практике разрешается отрицательно и суды отказывают в исках об обратном взыскании с матери ребенка алиментов, полученных ею по судебному решению, впоследствии отмененному; пересматривать и изменять эту практику судов Верховный суд СССР не находит оснований.

В № 1 журнала была опубликована корреспонденция т. Балашова «Повысить ответственность за правильное рассмотрение судами гражданских колхозных дел».

Прокуратура Восточно-Казахстанской области сообщила в редакцию, что корреспонденция соответствует действительности. В целях усиления качества прокурорского надзора был проведен семинар со всеми городскими и районными прокурорами Восточно-Казахстанской области по вопросу организации прокурорского надзора, и особое внимание было обращено на точное соблюдение требований постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. о судебной практике по гражданским колхозным делам. Ежеквартально областной прокуратурой истребуются из народных судов дела по искам колхозов и к колхозам, делается обобщение и принимаются меры к ликвидации выявленных недостатков. За слабую работу в проведении надзора за законностью выносимых решений по делам этой категории прокуроры Маркакульского, Тарабагатайского и Уланского районов предупреждены. Корреспонденция т. Балашова была обсуждена на областном совещании городских и районных прокуроров, намечены конкретные меры для выполнения приказа Генерального Прокурора СССР № 106.

В № 3 журнала была напечатана статья т. Липатникова «О праве несовершеннолетних, оставшихся без родителей, на жилую площадь».

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что вопрос, затронутый в статье, был предметом обсуждения Пленума Верховного суда СССР в связи с рассмотрением протеста по делу Сушковой и Динабург к районному жилищному управлению о выселении. В постановлении по этому делу Пленум признал, что в случае осуждения родителей к длительному сроку лишения свободы несовершеннолетние их дети, над которыми не была учреждена опека и в отношении которых жилищные и другие органы не приняли мер к ограждению их жилищных прав, сохраняют за собой до совершеннолетия право на причитающуюся им долю жилой площади, на которой они проживали ранее с родителями.

В № 3 журнала была напечатана корреспонденция т. Колотыгина «Прекратить практику подачи кратких безмотивных кассационных жалоб».

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что дано указание президиумам коллегий адвокатов обсудить на заседаниях в юридических консультациях статью т. Колотыгина.

Дополнительно по корреспонденции т. Комарова «Неправильный стиль ревизии» (№ 3 журнала) Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что факты, изложенные в корреспонденции, подтвердились, и состояние ревизионной работы было обсуждено на оперативном совещании ревизорского состава и приняты меры к улучшению качества ревизий.

В № 3 журнала была напечатана статья тт. Юровского и Шкалецкой «Организация справочной работы по законодательству».

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что дано указание председателям президиумов коллегий адвокатов организовать обсуждение статьи и принять меры к налаживанию кодификационной работы в президиумах и юридических консультациях.

НОВОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬШИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА

4 марта 1953 г. Государственный совет Народно-демократической республики Польши издал четыре новых декрета: «Об усилении охраны общественной собственности», «Об охране общественной собственности от мелких краж», «Об усилении борьбы с выпуском недоброкачественной продукции» и «Об охране покупателей (потребителей) в торговом обороте».

До издания упомянутых декретов борьба с преступлениями, которые они предусматривают, велась на основе Уголовного кодекса 1932 года (ст.ст. 257, 262, 263, 264, 286, 160 и др.), а также закона от 2 июня 1947 г. «О борьбе с дороговизной и чрезвычайной прибылью в торговом обороте».

Это не обеспечивало достаточно последовательной борьбы за общественную собственность и социалистическую систему хозяйства, так как старое уголовное законодательство не предусматривало и не могло предусмотреть такого рода объекта и, следовательно, всех возможных посягательств на него. Размер наказаний был также явно недостаточным. Эти обстоятельства привели к необходимости издания нового уголовного законодательства.

1. Среди декретов от 4 марта 1953 г. особенно важное значение имеет декрет «Об усилении охраны общественной собственности». В вводной части этого декрета сказано, что общественная собственность, являясь основой строя Польской народной республики, пользуется особенной заботой народной власти и что каждый гражданин обязан беречь ее и укреплять, а всякие посягательства на общественную собственность должны быть строго наказуемы.

В § 1 ст. 1 читаем: «Кто крадет, присваивает себе, обманывает или каким-либо другим способом похищает общественное имущество, подлежит тюремному заключению сроком от одного года до пяти лет».

Объектом посягательства по декрету является общественная собственность, значит как государственная, так и кооперативная собственность. Непосредственным объектом хищения является имущество, принадлежащее государству и кооперативам, а также и другим общественным организациям. С объективной стороны состав преступления, предусмотренный § 1 ст. 1 декрета напоминает ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Декретом

предусмотрены и квалифицированные составы преступления: повторность (§ 2 ст. 1), хищение, совершенное лицом, на которое возложена специальная забота об охране общественной собственности (§ 3, п. «а»), хищение, сопровождаемое взломом (§ 3, п. «а»), хищение, организованное группой (§ 3, п. «б»). Наказанием здесь является тюремное заключение сроком от двух до десяти лет.

§ 4 ст. 1 предусматривает хищение, которое наносит крупный вред (ущерб) хозяйственным или оборонным интересам польского государства. Учитывая опасность такого рода преступления, законодатель повышает уголовную ответственность, почему наказанием по § 1 ст. 4 является тюремное заключение на срок не ниже пяти лет или пожизненно, причем суд имеет право применить конфискацию всего или части имущества. § 1 ст. 2 предусматривает грабеж, то есть похищение общественного имущества с применением насилия или угрозы. Наказанием за грабеж является тюремное заключение на срок не ниже трех лет. Квалифицированный вид этого преступления налицо тогда, когда грабеж сопровождается применением оружия или другого опасного орудия, или когда посягательство угрожает жизни или здоровью личности (§ 2 ст. 4). За квалифицированный грабеж применяется тюремное заключение на срок не ниже пяти лет, или пожизненно, или смертная казнь. При этом возможна конфискация всего или части имущества.

Статья 3 предусматривает приобретение, а также помощь в продаже или сокрытии имущества, добытого преступным путем. В § 1 ст. 3 говорится: «Кто приобретает или с какой-либо целью принимает общественное имущество, зная, что его украли или каким-либо другим путем похитили, либо помогает его продать или спрятать, тот подлежит наказанию от одного до пяти лет и штрафу». Если же лицо сделало для себя из этого преступления постоянный источник дохода или если речь идет об имуществе значительной ценности, тогда наказанием является тюремное заключение на срок не ниже пяти лет и штраф (§ 2 ст. 3).

Следует подчеркнуть, что декрет в ст. 5 запрещает применение условного осуждения (которое раньше на практике очень часто применялось) за преступления, им предусмотренные.

2. Второй по важности декрет «Об охране общественной собственности от мелких краж» органически связан с первым. Декрет предусматривает наказуемость мелких краж общественной собственности на производстве. Подобные кражи, если они совершаются в большом количестве, являются не менее опасными, чем единичные крупные кражи. Под мелкой кражей законодатель понимает хищение имущества на сумму не более 300 злотых (300 руб.). Наказанием является тюремное заключение на срок от шести месяцев до одного года (§ 1 ст. 1). Квалифицированный вид этого преступления имеет место в случае повторности (§ 1 ст. 2) и в случае, когда кража совершается лицом, на которое возложена специальная забота об охране общественного имущества (ст. 2). В этой статье не упоминается лицо, ведающее общественным имуществом (в отличие от п. «а» ст. 1 декрета «Об усилении охраны общественной собственности»). Вероятно, это обстоятельство надо объяснить тем, что кража даже в мелких размерах, совершенная таким лицом, подпадает под декрет «Об усилении охраны общественной собственности». Декрет о мелких кражах исходит из общего правила (ст. 5), что условное осуждение за предусмотренные им преступления не применяется, но, однако, разрешает суду в исключительных случаях применять его, если суд считает условное осуждение целесообразным.

3. Общественная социалистическая система хозяйства наравне с общественной собственностью составляет экономическую основу народно-демократической Польши. Декретом «Об усилении борьбы с выпуском недоброкачественной продукции» предусмотрены преступления в области промышленности. В введении подчеркивается, что такого рода деяния являются не менее опасными для хозяйственных и общественных интересов Народно-демократической республики Польши, чем хозяйственное вредительство.

Субъектом преступления может быть только заведующий промышленным предприятием или лицо, ответственное за отдел производства либо за технический контроль производства. Преступление заключается не только в выпуске недоброкачественной продукции потребителю, но и в назначении такой продукции к сдаче. Как наказание за такое преступление применяется тюремное заключение сроком до пяти лет или арест (§ 1 ст. 1). Квалифицированный вид такого рода преступления по декрету имеет место тогда, когда деяние, предусмотренное в § 1 нанесло крупный вред оборонным интересам народно-демократической Польши или ее интересам в области международной торговли. Наказанием в таком случае является тюремное заключение, сроком от двух до десяти лет (§ 2 ст. 1).

4. Декрет «Об охране потребителей в торговом обороте» предусматривает три вида

преступлений в области торговли: а) спекуляцию, б) обвешивание и обмеривание покупателей, в) нарушение правил торговли. До издания этого декрета борьба со спекуляцией в Польше велась на основе закона от 2 июня 1947 г. «О борьбе с договоризной и чрезмерной прибылью в торговом обороте». С тех пор, когда был издан этот закон, истекло шесть лет. Совершенно естественно, что потребовались новые меры в борьбе с таким общественно-опасным явлением, как спекуляция. Декрет от 4 марта 1953 г. впервые дает развернутое понятие спекуляции.

Статья 1 декрета указывает, что спекуляцией является покупка в магазинах товаров с целью их перепродажи с наживой, припрятывание и накопление с целью перепродажи с наживой товаров массового потребления в очевидно излишнем количестве, получение за товар цены, приносящей чрезвычайно высокую прибыль, и вообще все действия, препятствующие товарообороту, совершенные сознательно с целью спекуляции. Как наказание предусмотрены арест и штраф. Квалифицированной является спекуляция в случаях повторности или спекуляция в крупных размерах (§ 2 ст. 1), в этих случаях наказание повышается (тюремное заключение на срок от двух до десяти лет и штраф).

Статья 2 предусматривает преступное деяние, заключающееся в обвешивании и обмеривании покупателей путем употребления неверных весов и неправильных измерительных приборов (§ 1), или в продаже товаров низшего сорта по цене высшего сорта, или в продаже товара по высшей цене, чем это установлено (§ 2). Наказанием здесь является тюремное заключение сроком до пяти лет или арест.

Статья 4 имеет в виду преступление, направленное на правильную организацию торговли путем нарушения правил, ее регулирующих, что в свою очередь причиняет ущерб интересам покупателей (потребителей). Наказанием за такого рода преступление является арест до одного года или штраф до 5000 злотых.

За преступления, предусмотренные этим декретом, суд может применять следующие дополнительные меры: штраф (§ 1 ст. 5), а в отношении частных предпринимателей, кроме того, конфискацию товаров (п. «а» § 2 ст. 5); конфискацию оборудования предприятия (п. «б»), закрытие предприятия и лишение права заниматься торговлей и промыслом (п. «в»); лишение права занимать соответствующее профессии винного помещения (п. «д»). Кроме того, в случае спекуляции суд может запретить виновному проживать в определенной местности на срок от двух до пяти лет.

Как видно, при выработке этих декретов учтен опыт советского уголовного законодательства.

Ч. Гофронь

ОТВЕТЫ РЕДАКЦИИ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Народному судье 1-го участка Шатурского района Московской области

Если во время совещания при вынесении приговора суд признает необходимым выяснить какое-либо обстоятельство, оставшееся непроверенным в судебном заседании, он, не вынося приговора, должен возобновить судебное следствие по делу, предоставив сторонам и подсудимому возможность дать объяснения по поводу интересующих суд обстоятельств. В тех случаях, когда суд не сможет выяснить всех обстоятельств в судебном заседании, он должен вынести мотивированное определение о направлении дела на дополнительное расследование.

Народному судье Шевченковского района Гурьевской области

До издания постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 октября 1951 г. № 11/16/У «О внесении дополнения в постановление Пленума суда СССР от 19 марта 1948 г. № 6/6/У» судебная практика допускала в отдельных случаях рассмотрение дела с участием народных заседателей того района, куда выезжал судья для рассмотрения дела. С изданием указанного постановления Пленума в отдельных случаях, когда народные суды находятся на значительном расстоянии один от другого, вышестоящий суд, отменяя приговор или решение народного суда с направлением дела на новое судебное рассмотрение, может направить дело в тот же народный суд, который рассматривает его в другом составе под председательством народного заседателя, замещающего народного судью.

Народному судье Баймаклинского района Молдавской ССР

По вопросу о высылке судами дел в прокуратуру надлежит руководствоваться приказом НКЮ СССР и Прокурора СССР от 19 сентября 1938 г. «Об истребовании дел в порядке надзора» (сборник приказов и инструкций Министерства юстиции СССР 1936—1948 гг.).

Прокуратуре Никологорского района Владимирской области

В уголовно-процессуальном законодательстве не содержится запрещения прокурору подавать возражение на кассационную жалобу осужденного или адвоката, поэтому

прокурор вправе подавать возражение на кассационную жалобу. Вместе с тем представитель прокуратуры на основании ст. 410 УПК РСФСР дает заключение в суде второй инстанции и таким образом обеспечивает надзор за законностью рассмотрения дел в кассационном порядке.

Прокуратуре Кагановичского района Амурской области

Суд, направляя на доследование дело из судебного заседания, должен руководствоваться не ст. 238 УПК, а ст. 302 УПК РСФСР, регламентирующей порядок направления дел на доследование из судебного заседания. Возвращение на доследование дела только по мотивам неполноты и неясности заключения эксперта противоречит ст. 300 УПК РСФСР. Заключение эксперта, как и другие доказательства, подлежат проверке и оценке составом суда. Если, однако, по мнению суда, проведение новой экспертизы может вызвать необходимость провести дополнительные следственные действия или собрать дополнительные материалы, он может вернуть дело на доследование.

Прокурору г. Александровка Молотовской области

Согласно п. 16 типового трудового договора администрация уплачивает рабочему стоимость обратного проезда к месту постоянного жительства только в случаях, «когда администрация по истечении срока договора повторно не заключает нового договора для продолжения работы или досрочно освобождает рабочего в связи с сокращением потребности в рабочих».

Прокурору Новопромышленного района г. Калинин

Восстановление на работе лица, уволенного в связи с совершением преступления, в случае прекращения о нем дела в соответствии с примечанием к ст. 6 УК РСФСР зависит от усмотрения администрации. В случае, если администрация не найдет возможным восстановить на работе данное лицо, она обязана изменить формулировку увольнения с п. «д» ст. 46 Кодекса законов о труде на соответствующую статью Кодекса законов о труде.

**Прокурору Ружичинянского района
Камеице-Подольской области**

Состав постоянных комиссий избирается Советом депутатов трудящихся из числа его депутатов. Совет избирает как председателей, так и членов постоянных комиссий. Только избранные советом лица пользуются в постоянных комиссиях правом решающего голоса (положения о постоянных комиссиях местных советов, утвержденные Президиумами Верховных Советов Латвийской, Эстонской и Казахской союзных республик, допускают включение в состав постоянных комиссий местных советов наряду с депутатами советов, избранными в комиссии, также советских активистов).

**Прокурору Лев-Толстовского района
Рязанской области**

1. Колхозники, досрочно выработавшие обязательный минимум трудодней, в случае отказа их от работы и за другие нарушения правил внутреннего трудового распорядка могут привлекаться к ответственности лишь в порядке ст. 17 Устава сельскохозяйственной артели.

2. При вступлении в колхоз членов крестьянского единоличного двора требуется согласие на вступление в члены колхоза каждого члена двора в отдельности. Заявление о приеме в члены колхоза может быть выражено как в письменной, так и в устной форме, но правление колхоза обязано зафиксировать устное заявление в самом протоколе. Требование индивидуального приема в члены колхоза вытекает из уставных положений, которые не знают подворного членства в колхозе, и объясняется тем, что право на членство в колхозе является личным правом и поэтому отдельные члены колхозного двора не могут передоверить этих своих прав и обязанностей другим членам двора.

**Народному судье 2-го участка
Куйбышевского района г. Омска**

При выполнении командированным поручений по нескольким должностям, занимаемым им по совместительству, размер суточных не может превышать ставки, соответствующей высшему окладу по занимаемым им должностям. В этих случаях падающие на каждое из командированных учреждений или предприятий доли суточных и иных, предусмотренных законом расходов по командировке, устанавливаются соглашением указанных учреждений и предприятий. При определении размера командировочных следует руководствоваться правилами об оплате служебных командировок в пределах СССР, согласно которым командированному уплачивается до 26 руб. за каждый день командировки. Во-

прос же об ответственности лица, незаконно получившего суточные и проездные одновременно с двух учреждений, должен разрешаться в порядке гражданского судопроизводства.

**Народному судье 2-го участка г. Серова
Свердловской области**

При повторном рассмотрении дела суд первой инстанции не может повышать меру наказания, если приговор отменен по мотивам, указанным в жалобе осужденного (ст. 424 УПК РСФСР). По этому вопросу следует руководствоваться постановлением Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г. № 17/15/у, согласно которому суды в соответствии со ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» по кассационной жалобе осужденного при отсутствии протеста прокурора не вправе отменить приговор и передать дело на новое судебное рассмотрение по мотивам мягкости наказания или необходимости применения закона, влекущего более тяжкое наказание. Признав, что дело недостаточно исследовано или что действия, вменяемые обвиняемому, подлежат квалификации по закону, который влечет более тяжкое наказание и по которому обвиняемому не было предъявлено обвинение в стадии предварительного следствия, суд и при отсутствии протеста прокурора вправе передать дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. При этом суд первой инстанции при вторичном рассмотрении дела может повысить наказание лишь в том случае, если при исследовании будут установлены новые фактические обстоятельства, отягчающие виновность обвиняемого, или будет применен закон, влекущий более тяжкое наказание (п. 5).

**Нотариусу Срибнянской нотариальной конторы
Черниговской области**

Поскольку при продаже дома, расположенного на колхозной земле, колхоз имеет право преимущественной покупки, постольку при нотариальном удостоверении договора купли-продажи такого дома на сторону нотариус должен истребовать отказ правления колхоза от права преимущественной покупки дома.

**Народному судье Ватутинского района
Ворошиловграда**

В том случае, если до рассмотрения судом дела об обращении взыскания штрафа за безбилетный проезд на имущество оштрафованного ответчик представит суду документ, свидетельствующий о внесении наложенного на него штрафа, суд независимо от срока погашения штрафа

в соответствии с п. 5 инструкции НКЮ СССР от 1 февраля 1945 г. № 7 выносит определение о прекращении дела.

**Прокуратуре Октябрьского района
Чувашской АССР**

Расследование считается законченным с момента подписания постановления о прекращении дела либо направления дела прокурору с обвинительным заключением. Срок следствия по возобновленным приостановленным делам исчисляется со дня возобновления производства плюс предыдущий срок следствия.

Народному судье 2-го участка Нязе-Петровского района Челябинской области

При отсутствии необходимых документов трудовой стаж устанавливается комиссиями по назначению пенсий при городских и районных отделах социального обеспечения на основании заявлений свидетелей и других данных. Трудовой стаж может быть установлен свидетельскими показаниями за время до 1 января 1923 г. Установление трудового стажа свидетельскими показаниями за время после 1 января 1923 г. допускается лишь в отдельных, исключительных случаях — при полной ликвидации предприятия или учреждения, в котором работал заявитель, и, кроме того, при отсутствии в архиве материалов о личном составе ликвидированного предприятия или учреждения.

**Прокуратуре Бакcharского района
Томской области**

Согласно ст. 28 Закона о судостроительстве народный судья имеет право единолично в случае необходимости направить поступившие жалобы и заявления следственным органам для расследования. Выносить в этих случаях постановление о направлении жалобы или заявления в следственные органы не требуется.

**Прокуратуре Ведлозерского района
Карело-Финской ССР**

Отказ обвиняемого от показаний на предварительном следствии не может помешать следователю закончить расследование по делу. В случае такого отказа следователь обязан составить протокол, в котором указать мотивы отказа.

**Народному следователю Свердловского
района г. Фрунзе**

Согласно ст. 4 «Положения о порядке назначения и выплаты государственных пособий и предоставления льгот беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям» при назначении государственного пособия многодетной матери учитываются все дети от одного или разных отцов, неза-

висимо от возраста детей, как проживающие совместно с матерью, так и отдельно от нее, а также погибшие и пропавшие без вести на фронтах Отечественной войны. Кроме того, учитываются усыновленные дети и дети мужа от прежнего брака, перешедшие на воспитание матери в возрасте не старше двенадцати лет. При назначении государственного пособия многодетной матери не учитываются умершие дети, а также дети, являющиеся иностранными подданными.

**Прокурору Никологорского района
Владимирской области**

Руководителям предприятий истроек запрещено принимать на постоянную и на сезонную работу колхозников без справок об отпуске их правлениями колхозов. Правления колхозов могут требовать от администрации предприятий и строек увольнения лиц, самовольно ушедших из колхоза после издания этого постановления. В отношении лиц, самовольно оставивших работу в колхозе до 28 ноября 1951 г., правления колхозов таких требований предъявить не могут.

**Прокурору Катангского района
Иркутской области**

Действующее законодательство не предусматривает порядка определения главы семьи. Имеется лишь инструкция по ведению первичного учета в сельских советах, утвержденная Центральным статистическим управлением Госплана СССР 1 апреля 1940 г. № 206 и установившая, что главой семьи в семьях, занимающихся сельским хозяйством, сельские советы должны записывать то лицо, на имя которого выписываются государственные обязательства. Во всех прочих хозяйствах главой семьи записывается лицо, дающее главные средства к существованию.

**Прокурору Куединского района
Молотовской области**

Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. женщина, состоящая в зарегистрированном браке, не имеет права на получение пособия как одинокая мать.

**Старшему помощнику прокурора Еврейской
автономной области**

При увольнении по собственному желанию следует ссылаться на п. «а» ст. 44 Кодекса законов о труде. Увольнение работника по п. «в» ст. 47 Кодекса законов о труде по одним лишь мотивам отсутствия у него специального образования является незаконным.

**Прокурору Кузнецкинского района
Татарской АССР**

Оплату колхознику, занятому в колхозе на нескольких работах, следует производить по расценкам, утвержденным общим собранием колхоза. Согласно ст. 15 Устава сельскохозяйственной артели нормы выработки и расценки работ в трудовых утверждаются на общих собраниях колхозников.

Народному судье 1-го участка Зимовниковского района Ростовской области

В случаях задержки расчета или выдачи трудовой книжки работнику, уволенному с работы до истечения испытательного срока, заработная плата может быть взыскана в пользу работника, но не более чем за двадцать рабочих дней, если он не состоял в это время на другой работе (постановление Пленума Верховного суда СССР от 16 мая 1952 г. по делу Колчанова, опубликованное в «Судебной практике Верховного суда СССР» № 7 за 1952 г.).

**Прокурору Укмергского района
Литовской ССР**

Согласно ст. 2 примерной инструкции о работе ревизионной комиссии колхоза, утвержденной Наркомземом СССР 11 февраля 1940 г., членами ревизионной комиссии колхоза не могут быть избраны члены правления колхоза и их близкие родственники, а также должностные лица, как то: казначей, кладовщик, счетовод и заведующий отдельными отраслями хозяйства или подсобными предприятиями.

Народному судье 1-го участка Верхне-Полянского района Кировской области

При служебных командировках медицинских работников, имеющих в одном и том же учреждении как основную работу, так и работу по совместительству, суточные выплачиваются исходя из твердой месячной ставки по основной работе.

Народному судье 2-го участка г. Чарджоу

Действующим законодательством не установлено, что суд не вправе оглашать частные определения в зале суда.

**Народному судье 1-го участка г. Конотопа
Сумской области**

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР № 7 от 5 сентября 1952 г. «О судебной практике по применению ст.ст. 430 и 433 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик» пропуск шестимесячного срока на принятие наследства наследником, отсутствовавшим в месте нахождения наследства, влечет для последнего утрату права на наследство. В исключительных случаях, когда пропуск шестимесячного срока произошел по причинам, вызванным особыми обстоятельствами (длительная командировка, продолжительная болезнь и т. п.), вследствие которых наследник был лишен возможности принять наследство в установленный срок, суд на основании ст. 29 УК Украинской ССР может по заявлению заинтересованного наследника продлить этот срок и присудить причитающуюся истцу долю в наследственном имуществе с наследников, к которым перешло имущество согласно ст. 429, ч. 3, ГК Украинской ССР. При этом наследники, принявшие наследство, если не будет установлено, что они, принимая наследство, действовали недобросовестно, с целью присвоить долю отсутствующего наследника, отвечают перед последним в пределах того наследственного имущества, которое сохранилось у них в наличии на день предъявления к ним иска.

Прокурору Кременчугского участка Южной железной дороги

Согласно п. «б» ст. 14 УК Украинской ССР уголовное преследование не может быть возбуждено, если с момента совершения преступления, за которое может быть назначено наказание не более пяти лет лишения свободы, прошло пять лет. Поскольку санкция ст. 99 УК Украинской ССР предусматривает наказание до трех лет лишения свободы, действие п. «б» ст. 14 УК Украинской ССР на этот вид преступления распространяется. Если дело все же возбуждено по истечении давностного срока, установленного ст. 14 УК Украинской ССР, то в соответствии с п. «г» ст. 4 УПК Украинской ССР оно подлежит прекращению в любой стадии процесса.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Передовая — Ближайшие задачи следственного аппарата органов прокуратуры . . .	1
Г. Александров — За строжайшее соблюдение законности в следственной работе	6
С. Митричев — Больше внимания следователю	14
А. Васильев — Вопросы прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием	21
М. Кацук — Повысить качество ревизий и проверок следственной работы	25
В. Чепегин — За правильное и своевременное проведение предварительного следствия	29
Г. Свердлов — Спорный вопрос судебной практики по делам о расторжении брака	37
К. Седунов — Охрана прав и законных интересов детей и их родителей	44
А. Аркадьев — Некоторые вопросы трудового права в судебной практике	52

В ПРОКУРАТУРЕ СССР

Шестая учебно-методическая конференция лучших следователей органов прокуратуры	58
--	----

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

П. Медведев, П. Борисов — Восполнять недостатки законодательства о производстве бухгалтерских ревизий	63
П. Александров — За повышение качества бухгалтерской экспертизы	65
С. Степичев — Поучительная история одного дела	67
З. Султан-Гирей — Оканчивать следствие в законный срок	69
В. Лысенко — За оперативность следствия	69
П. Кушманов —	70
В. Матвеев — За своевременное выполнение отдельных требований	70
А. Барышев — Улучшить прокурорский надзор за возмещением материального ущерба, причиненного государству	71
С. Середя — Некоторые вопросы возмещения вреда в колхозах	74
Г. Новиков — Противоречивые определения Верховного суда СССР	78

ОБМЕН ОПЫТОМ

А. Коблова — Положительный опыт работы народного судьи Еланецкого района Николаевской области г. Дикого	80
И. Смагин — Равняться на передовых судебных исполнителей	83
Грчев — Занятия работников милиции по повышению их квалификации	84
Н. Ручьеза — Работа юридической консультации г. Бийска	85
И. Артемов — Усилить правовую пропаганду	86
По следам заметок и писем	87

В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Ч. Гофронь — Новое уголовное законодательство народно-демократической республики Польши в области охраны общественной собственности и социалистической системы хозяйства	90
--	----

ОТВЕТЫ РЕДАКЦИИ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ	92
--	----

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С. А. Бордонов,
С. В. Бакшеев, А. Ф. Волчков, С. И. Зайцев,
Д. С. Карев, С. П. Митричев, В. С. Тадевосян

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6-93 06
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Товарищеский пер., Тел. Ж-2-46 67

Технический редактор Е. Н. Косарева

А-05804. Сдано в производство 17/VIII 1953 г. Подписано к печати 18/IX 1953 г. Бумага 70 × 108²/₁₆,
3 л. бумажных, 8,22 печатных листов. Уч.-изд. л. 9,75. Тираж 35 900 экз. Зак. 398 Цена 3 руб.

13-я журнальная типография Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Гарднеровский пер., 1а.